This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

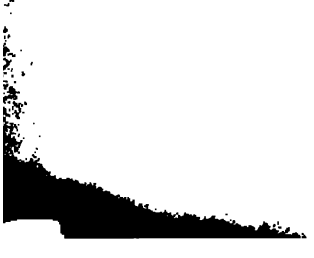
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 865,387

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



...ЛИЙ ПЕТРОВИЧЪ
ВИНОГРАДОВЪ.

Dorosherich, Vasilii Mikhailovich

В. М. ДОРОШЕВИЧЪ.

Премьеръ.

Завтрашняя быль.

(фантазія).

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

891.78
D711pr

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1907.

5
1156
3x

ПРЕМЬЕРЪ.

Завтрашняя быль.

(Фантазія.)

> Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.
>
> *„Женитьба“.*

I.

А. И. Гучковъ сталъ министромъ-президентомъ.

Во вторникъ объ этомъ появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Когда князю Тугоуховскому сказали...

Кн. Тугоуховскій не читалъ «Правительственнаго Вѣстника» за либерализмъ.

— Какъ терпятъ? Подобную газету въ двадцать четыре часа слѣдовало бы!.. А редактора... какъ это?.. Колымски разные есть. Въ Колымскъ его! Помилуйте, скажите! Мѣщанское ходатайство печатаютъ! Читаю разъ: Мѣщане города Зарайска ходатайствуютъ объ измѣненіи закона. Читаю два: Мѣщане города Сольвычегодска выражаютъ недовольство губернаторомъ. Свисто-пляска-съ.

Когда кн. Тугоуховскому племянникъ крикнулъ въ ухо:

— Слышали? Гучковъ, Александръ Ивановичъ, московскій купецъ...

Кн. Тугоуховскій спросилъ:

— Ну?

— Министръ-президентъ!!!

— А Гучковъ тутъ при чемъ? Колоколъ пожертвовалъ?

— Какой колоколъ! Слышите? Министръ-президентъ!

— Ну, слышу! Министръ де купецъ! Но что министръ съ купцомъ сдѣлалъ? Изъ Москвы выслалъ? Или новую колокольню велѣлъ построить?

— Ахъ, дядя!

— Или на вѣдомство Маріи?

— Самъ онъ министромъ-президентомъ сдѣлался!

— Уйди ты! Отъ тебя виномъ пахнетъ! Болтаешь, болтаешь, а что—не поймешь!

Такъ кн. Тугоуховскій и не узналъ новости.

Княгиня Марья Алексѣвна, къ которой устремился весь Петербургъ узнать, что она будетъ говорить, улыбнулась «своей обычной» улыбкой.

Она улыбается этой улыбкой уже два года.

Князь Святополкъ-Мирскій произнесъ:

— Довѣріе!

И княгиня Марья Алексѣвна улыбнулась.

Улыбка, полная печали и скромности.

Она говоритъ:

— Не наше дѣло!

Въ ней нѣтъ ничего, кромѣ печали, которую стараются побороть всѣми силами души.

Но она убійственнѣе всякой ироніи.

Княгиня Марья Алексѣвна улыбнулась «своей обычной» улыбкой:

— Что жъ! Сначала были мы. Теперь—купцы. Потомъ будетъ какой-нибудь ремесленный старшина. Бойкій ярославецъ, который у Казанскаго собора апельсинами торгуетъ. «Пожалте, барыня, у насъ покупали!» А потомъ министромъ-президентомъ будетъ господинъ Аладьинъ. Босикомъ!

Княгиня Марья Алексѣвна была въ полной увѣренности, что г. Аладьинъ въ Государственной Думѣ ходилъ босикомъ.

Ее разувѣряли:

— Что вы, ma tante! Онъ даже всегда въ перчаткахъ!

— Оттого, что рукъ не моетъ! Ему десять рублей въ день дали,—онъ и купилъ себѣ въ Гостиномъ дворѣ перчатки. Лучше бы мыла!

Княгиня Марья Алексѣвна вздохнула и закончила:

— Со ступеньки на ступеньку!

Загорѣцкій спросилъ:

— Графъ Гучковъ?

— Какой графъ? Просто—Гучковъ!

Загорѣцкій улыбнулся:

— Значитъ, безъ фиговаго листика? Витте... тотъ тоже въ этомъ родѣ былъ... Вѣшалъ когда-то!

— Онъ никого раньше не вѣшалъ!

— Не кого, а что. Кого-нибудь вѣшать,—этимъ благородные люди занимались. А онъ товары какіе-то на желѣзной дорогѣ когда-то вѣшалъ. Того для приличія все-таки хоть въ графы сначала произвели. «Министръ-президентъ графъ». Все-таки, приличіе было соблюдено.

А Скалозубъ, услышавъ новость, «свой хохолъ заправилъ», тоже улыбнулся и густымъ басомъ, со смѣшкомъ, спросилъ:

— Реформистъ? Драть какъ будетъ: попрежнему или къ шпицрутенамъ вернется?

II.

Доримедонтъ Парѳенычъ, швейцаръ министерства, не торопясь отложилъ «Правительственный Вѣстникъ», не торопясь снялъ золотое пенснэ, не торопясь погладилъ свои длинныя, выхоленныя сѣдыя бакенбарды.

И даже слегка, чрезвычайно благовоспитанно, зѣвнулъ.

— Двадцать осьмый!

— Какъ-съ?—почтительно спросилъ его департаментскій чиновникъ, женихъ дочери Доримедонта Парѳеныча.

— Двадцать осьмый министръ при мнѣ смѣняется!—приподнявъ брови, медленно отвѣтилъ Доримедонтъ Парѳенычъ.— Три у меня были министры-президенты. Остальные двадцать

пять—такъ, просто... внутренніе. Которыхъ схоронилъ, которые сами поуходили.

— А какъ вы... папаша... на основаніи вашей опытности,— и департаментскій чиновникъ съ безпокойствомъ заерзалъ,— какъ вы... то-есть... предполагаете, большія перемѣны по нашему вѣдомству будутъ?

Доримедонтъ Парѳенычъ посмотрѣлъ на чиновника,—какъ нѣчто вѣчное смотритъ на нѣчто зыбкое, колеблющееся, могущее быть унесеннымъ капризомъ вѣтра.

Такъ дубъ посмотрѣлъ бы на былинку.

Онъ помолчалъ.

— Большихъ перемѣнъ не предвижу!

Наступило благоговѣйное молчаніе.

— А долго, думаете, папаша, они пробудутъ въ ихъ высокопревосходительствахъ?—почти прошепталъ, словно молился, будущій зять.

Доримедонтъ Парѳенычъ пожевалъ губами.

И вмѣсто отвѣта, послѣ приличной паузы, сказалъ:

— Въ полиціи не служилъ!

Чиновникъ даже взвизгнулъ отъ папашиной мудрости и отъ собственной догадливости:

— Ясно-съ!

Онъ ожилъ весь:

— Ежели человѣкъ въ полиціи даже не былъ, какое же у него можетъ быть административное образованіе? Это все равно, что про человѣка сказать: «который въ семинаріи даже не учился!» Самое обидное замѣчаніе! Грамотѣ не зная, въ профессора! Хо-хо-хо! Какой же можетъ быть министръ...

Но Доримедонтъ Парѳенычъ посмотрѣлъ на взыгравшаго будущаго зятя сурово и тяжело.

Онъ не любилъ бурныхъ проявленій чувствъ.

Тотъ смолкъ.

— Министры дѣло преходящее. Жильцы!

Онъ осмотрѣлъ стѣны комнаты, словно съ удовольствіемъ убѣждаясь, что стѣны казеннаго зданія прочны.

— Министры приходятъ и уходятъ. Наше дѣло, чтобы пока они здѣсь, доставить имъ полное удобство: мы—здѣшніе. Министры мѣняются, мы остаемся. И всегда должны быть готовы ко встрѣчѣ слѣдующаго. На слѣдующемъ, тридцатомъ, думаю свой министерскій юбилей праздновать!

Такъ говорилъ въ своей швейцарской квартирѣ Доримедонтъ Парѳенычъ, швейцаръ министерства, и каждое слово его было солидно и вѣско.

А А. С. Суворинъ въ «Новомъ Времени» писалъ:

— «Говорятъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» читали, что премьеръ-министромъ назначенъ А. И. Гучковъ».

Прочитавъ это мѣсто, секретарь редакціи задумался и сказалъ:

— Надо пойти указать старику это! Нескладно!

Но г. Юрій Бѣляевъ, большой эстетикъ, любитель «этакихъ настроеній», сказалъ скучающимъ и разслабленнымъ тономъ:

— Оставьте! Это стильно! Что-то старческое. Патріархъ! Рисуетъ картину: въ вольтеровскомъ креслѣ, старикъ, полудремлетъ. Оставьте!

А г. Борей, сложивъ на груди ладони рукъ, молился:

— Какъ хорошо пишутъ Алексѣи Сергѣичи!

Во множественномъ числѣ,—это ужъ изъ почтенія.

Г. Суворинъ писалъ:

— Гучковъ человѣкъ молодой. Это хорошо. Я тоже былъ молодымъ человѣкомъ. Всякій человѣкъ бываетъ молодымъ. Не лишать же его за это правъ? Говорятъ, онъ ѣздилъ къ бурамъ и дрался съ англичанами. Это тоже я нахожу недурнымъ. Буры—молодцы. Съ кѣмъ, говорятъ, поведешься, отъ того и наберешься. Съ молодцами поведешься, самъ молодцомъ станешь. А англичанъ всегда вздуть надо. Они возятъ адреса, но ошибаются адресомъ. Это каламбуръ. Они везутъ адресъ русскому народу, а отдаютъ его кадетамъ. Какъ будто весь русскій народъ состоитъ изъ однихъ кадетовъ. И словно англичане хотятъ намъ сказать: «Это хорошо, господа, что вы—кадеты. Желаемъ вамъ быть всегда кадетами и никогда не выходить въ

офицеры,—а то, выйдя въ офицеры, вы можете поколотить насъ на афганской границѣ». Это,—насчетъ «кадетовъ» и «офицеровъ» тоже съ моей стороны каламбуръ. Но если бы я былъ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, я бы задалъ этотъ вопросъ офиціально «ихъ морскимъ могуществамъ» и создалъ бы дипломатическій инцидентъ. Это, конечно, шутка. А дѣло въ томъ, что Гучковъ завѣдывалъ въ прошлую войну военнымъ госпиталемъ и былъ даже въ плѣну у японцевъ.

Это, я нахожу, тоже хорошо. Даже, пожалуй, лучше всего. Японцы—макаки. Но опростоволоситься бываетъ полезно и передъ макаками. Это между прочимъ. А умѣть перевязывать раны полезно. Въ Россіи тоже не мало нужно перевязать ранъ. Это, разумѣется, аллегорія. Но что нынче аллегорія, а что дѣйствительность, ей Богу, не разберешь!

А. Суворинъ.

III.

Оппозиціонныя столичныя газеты старались одна передъ другой.

Всѣ сходились въ названіи.

Однѣ называли г. Гучкова:

— Вторымъ Столыпинымъ.

Другія:

— Столыпинымъ вторымъ.

Но одна говорила:

— Это то же изданіе, но простонародное. Г. Столыпинъ это было изданіе хоть на веленевой бумагѣ. А это—на сѣрой оберточной.

Другая находила:

— Г. Гучковъ поставилъ свои бланки на двухъ векселяхъ г. Столыпина. Съ валютой—«реформы» и съ валютой—«кары». Изъ нихъ г. Гучковъ уплатитъ сполна только по второму, а первый вексель,—долгосрочный!—завѣщаетъ уплатить своему преемнику.

Третья «горькимъ смѣхомъ своимъ смѣялась»:

— Г. Гучковъ, безспорно, оригинальный человѣкъ. Обыкновенно сначала нагрѣшатъ, а потомъ исповѣдуются. Г. Гучовъ сначала всенародно «исповѣдывался», а потомъ ужъ приялся грѣшить.

Такъ, свободно, писали въ столицахъ.

Въ провинціи...

Въ провинціи мучилось родами общественное мнѣніе.

Передовикъ, мужчина съ очень длинными волосами, вопилъ, ахая длинными руками:

— Но, вѣдь, это сикофантъ!

Редакторъ съ испугомъ оглядывался и останавливалъ его ıопотомъ:

— Ради Самого Бога, безъ иностранныхъ словъ! Предупредалъ васъ, кажется, что въ сторожахъ я не увѣренъ. Стоожъ Сережка... чортъ его знаетъ! Не то онъ анархистъ, не о сыщикъ. Жалованья получаетъ шесть съ полтиной, а каждый ень пьянъ. Или онъ въ свободное время казенныя винныя авки разбиваетъ, или отъ полиціи получаетъ. Такъ каждую екунду и жду. Либо онъ мнѣ «руки вверхъ» крикнетъ, либо ıеня на цугундеръ потащитъ. Услышитъ незнакомое слово— аподозритъ. Долго доложитъ: «у нихъ про новыя взрывчатыя ещества рѣчь идетъ»?

— Великолѣпно-съ! — оралъ передовикъ и обращался къ ругимъ сотрудникамъ:

— Товарищи!

— Авдей Никоновичъ,—присѣдалъ даже отъ ужаса редакоръ,—не себя, семью мою пожалѣйте! Сережка рядомъ въ омнатѣ! А вы этакое слово!

— Коллеги!—соглашался передовикъ.—Неужели же мы не ыскажемъ своего мнѣнія, неужели не отзовемся? Вѣдь съ 7 октября...

Но тутъ редакторъ уже смѣло подходилъ къ передовику.

— Я вамъ сколько разъ повторялъ, чтобы вы не говорили інѣ о 17 октября?

И передовикъ чувствовалъ, что сказалъ глупость.

И сконфуженно умолкалъ.

И другіе сотрудники смотрѣли на него съ укоризной:

— А еще передовыя пишешь! Эхъ, ты!

И редакторъ рѣшалъ:

— Мы свое мнѣніе изъ столичныхъ газетъ перепечатаемъ. Съ указаніемъ источника. Позоветъ временный...

Онъ никогда не добавлялъ: генералъ-губернаторъ.

Изъ опасенія Сережки.

— Позоветъ временный. «Въ 24 часа»... «Да развѣ это наше мнѣніе? Это мы изъ чужой газеты перепечатали. Какъ курьезъ, ваше превосходительство. Тутъ и вопросительный съ восклицательнымъ знаки должны были быть. Они только въ печати не вышли». И ничего! На двѣсти рублей оштрафуютъ или недѣля ареста. Только и всего!

Иностранная печать...

«Matin» сообщалъ телеграммой отъ собственнаго корреспондента, что:

— Противъ новаго министра-президента monsieur Гучкова открытъ уже обширный заговоръ.

А какая-то англійская газета сообщала, что мистеръ Гучковъ «при взрывѣ разорванъ на множество частей».

Рента колебалась.

Кого-то, гдѣ-то, за что-то арестовывали.

IV.

Хоть этого извѣстія и ждали давно, но въ Москвѣ оно произвело впечатлѣніе потрясающее.

Какъ всякій горожанинъ, напримѣръ, ждетъ всегда пушечнаго выстрѣла, а все-таки пушечный выстрѣлъ заставляетъ вздрогнуть всѣхъ.

Купецъ Стоеросовъ, сидя у Бубнова, говорилъ, расплескивая рюмку водки, своему куму:

— Кумъ! Кумъ! Нѣтъ, ты сообрази только! Его высокопревосходительство купецъ Гучковъ! Кому письмо? Его высокопревосходительству купцу Гучкову! Слыхано?

На что кумъ говорилъ:

— Н-да!

И пилъ рябиновую.

— Рассеей... Рассеей, кумъ, кто заправляетъ! Всей Рассеей! Купецъ Гучковъ!

Кумъ говорилъ:

— Алексѣевъ, градскій голова, царство ему небесное, въ робу перевернется! Амбиціозный былъ человѣкъ, а не снилось!

Стоеросовъ плакалъ:

— Кумъ!..

У биржевого купечества, которое «постародавнѣе», какъ-то ыпятились животы.

А «полированное» ходило со страшно озабоченными лицами. Словно каждаго назначили въ министры.

— «На лицѣ такое разсужденіе!»

И какъ будто у каждаго подъ пальто портфель.

Одинъ «разсчиталъ» даже балетную корифейку, съ которой ылъ въ добрыхъ отношеніяхъ:

— Нельзя-съ. Надо слабости,—и горько!—но оставлять. 'ого и гляди тутъ въ министры попадешь! Надоть біографію ючистить!

Среди коммерціи совѣтниковъ,—но, главное, коммерціи совѣтницъ,—шелъ гулъ:

— Министръ-президентъ кто?

— Купецъ Гучковъ!

— А кадеты въ чьемъ домѣ впервые собирались!

— Въ купеческомъ.

— Позвольте! Какіе кадеты! Г. Горькій! Революціонеръ! 'то за него залогъ внесъ, когда его арестовали?

— Купецъ Морозовъ!

— Оппозиція, революція, охраненіе! Все черезъ купеческія уки идетъ. Все къ купцамъ. Все отъ купцовъ. Все черезъ купца.

И въ купеческихъ головахъ гудѣло:

— Купецъ все можетъ!

И кружились купеческія головы.

Какой-то «купеческій племянникъ», взятый за буйство въ публичномъ мѣстѣ, въ участкѣ, прищурившись, глядѣлъ на околоточнаго, писавшаго протоколъ, улыбался пьяно-мефистофельской улыбкой и пренебрежительно спрашивалъ:

— Чего-съ?

— Званіе ваше?

— Званіе?

— Сословія какого?

— Сословія! Пишите: «министерскаго». Купецъ!

Въ Большомъ театрѣ шелъ «Князь Игорь», и когда г. Шаляпинъ, въ роли Владимира Галицкаго, спѣлъ:

— «Я бъ имъ княжество управилъ!»

Изъ трехъ выпившихъ купеческихъ ложъ раздались аплодисменты.

Крики:

— Брава-а!

— Бицъ!

— Выывести!

— Неприкосновенность...

— Бей!

— Товарищи!

Произошла демонстрація.

На площади появились казаки.

Въ четыре часа утра Стоеросовъ сидѣлъ у «Яра» и, хоть былъ въ кабинетѣ одинъ, плакалъ и говорилъ, расплескивая шампанское:

— Кумъ! Кумъ! Телеграмму ежели? Изъ-за адресу! «Его высокопревосходительству купцу Гучкову». Кумъ! Кумъ!

А толстый метръ-д'отель, нѣжно склонившись надъ нимъ, уговаривалъ:

— Василь Степанычъ! Нехорошо! Ей Богу, нехорошо!

Стеоросовъ посмотрѣлъ на него стеклянными глазами:

— Кто я такой?

— Василь Степанычъ.

— Зови меня просто: его высокопревос... превысокосвоспре.. высокоходи...

И заснулъ.

А изъ сосѣдняго кабинета слышалось:

— Насъ призвали, и мы имъ не управимъ? Мы? Не управимъ? Мы?

— Уррра!!!

V.

Въ деревнѣ было тихо.

Говорили:

— Это гдѣ горитъ?

— Надоть быть, у Ветлугина барина.

— Ветлугины не въ той сторонѣ!

— Ну, значитъ, Черемшевы хутора!

И расходились по избамъ.

Самъ Александръ Ивановичъ Гучковъ...

VI.

— Когда мы съ Сигмой создавали торговыя сношенія Россіи съ Персіей... — раздавался въ пріемной громкій и непріятный голосъ.

Говорилъ литераторъ Кантонистовъ, одинъ изъ «столповъ» казенной газеты «Россія», поправляя на шеѣ орденъ.

Истинно-русскій человѣкъ, за «истинно-русское человѣчество» чуть-чуть было не проскочившій въ камеръ-юнкеры,—но на ожирѣвшемъ лицѣ котораго—увы!—въ очертаніяхъ толстаго носа, губъ начинали вырисовываться еврейскія черты кантонистовъ-дѣдовъ.

Пріемная его высокопревосходительства г. премьеръ-министра Александра Ивановича Гучкова была полна.

Графъ Свидригайловъ, представитель «союза русскаго народа», чувствовалъ себя, видимо, въ пріемной премьеръ-министра, какъ у себя.

Держался свободно, по-хозяйски.

Покровительственно подавалъ руку чиновникамъ.

Онъ говорилъ въ группѣ, слушавшей его съ благоговѣніемъ.

Говорилъ вѣско:

— Вчера я видѣлъ нашего министра...

Подчеркнулъ:

— Нашего министра.

— Гучкова?—спросилъ кто-то.

Графъ взглянулъ на него черезъ плечо съ сожалѣніемъ.

Повторилъ внушительно:

— Нашего министра!

И снисходительно пояснилъ:

— Графа Петра Аркадьевича!

— А-а!

— Ковейтскій султанъ, можете себѣ представить, и говоритъ намъ съ Сигмой...—раздавался голосъ литератора Кантонистова, поправлявшаго орденъ.

Князь, — «кадетскій князь», — молча стоялъ у окна, и въ ясныхъ, на выкатѣ, глазахъ его не было даже скуки.

Ничего, кромѣ спокойствія.

Чувствовалось: заставь его ждать въ пріемной хоть 62 часа,—ничего, его достоинство не потускнѣетъ.

Въ немъ чувствовался родственникъ того князя, которому сказали:

— Въ тюрьму посадятъ!

— Что жъ! Первый домъ будетъ въ городѣ, разъ я тамъ буду сидѣть.

Крупный, породистый, выхоленный...

Когда онъ ѣхалъ къ министру, встрѣчный мужичонка, пришедшій въ Питеръ на заработки, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на него и хозяйственно тряхнулъ головой:

— Н-да! Это выкормышъ!

Отъ него вѣяло учтивостью.

Такой учтивостью, что обиднѣе всякой дерзости.

Словно всѣ кругомъ были свѣже-выкрашенные столбы.

И онъ осторожно ходилъ около нихъ, боясь, чтобы не испачкаться.

Къ нему подлетѣлъ чиновникъ и сказалъ, мотнувъ головой на кабинетъ министра:

— Долго, однако, заставляетъ дожидаться!

Князь учтиво улыбнулся ему:

— Да? Вы торопитесь?

Чиновникъ отлетѣлъ, чтобы въ какой-то дальней группѣ злобно прошептать, кивая на князя:

— Какой онъ Рюриковичъ? Позвольте! Они даже вовсе и не Рюриковичи, если на то пошло!

Чиновники скользили между посѣтителями безъ обычной увѣренности.

Они нервничали. Волновались. Были въ тревогѣ.

Жоржъ Дорси, спеціальный корреспондентъ парижской газеты «Le Soir», за время революціи и реакціи успѣвшій выучиться и говорить и ругаться по-русски, интервьюировалъ одного изъ чиновниковъ.

— Что жъ онъ, monsieur Гучковъ? Онъ теперь величественъ? Вѣдь онъ теперь его... его... какъ это у васъ называется?

— Высокопревосходительство!

— 24 буквы. За два слова на телеграфѣ платить придется!— вздохнулъ французъ.—Что же, онъ теперь важенъ? Производитъ впечатлѣніе?

— Ничего не могу вамъ сказать! Ничего не знаю! Первый пріемъ! Никто еще министромъ не видѣлъ! Первый выходъ!— отвѣчалъ чиновникъ и съ осторожностью добавилъ:

— Я вамъ ничего не говорилъ, monsieur Дорси! Помните! Я вамъ ничего не сказалъ?

Въ голосѣ его слышалась тревога.

— Почнете, такъ сказать, министра! — хихикнулъ кто-то изъ чиновниковъ около графа Свидригайлова. — Вы первый. Первымъ записаны!

Графъ взглянулъ на него съ той же надменностью и съ удивленіемъ.

Словно хотѣлъ сказать:

— А ты, дурашка, думалъ, что можетъ быть иначе?!

И сухо и коротко обрѣзалъ чиновника:

— Я знаю!

— Когда мы съ Сигмой впервые увидѣли Монтъ-Эверестъ...— звучалъ голосъ Кантонистова, который поправлялъ орденъ.

Передъ маленькой, сморщенной старушкой, сидѣвшей въ уголкѣ, одѣтой во все черное, съ трясущейся головой, стоялъ чиновникъ.

И у старушки и у чиновника лица были безнадежныя.

— Говорю я вамъ, сударыня, напрасно будете дожидаться!— говорилъ чиновникъ.

— Какъ первыхъ министровъ сдѣлали,—къ четвертому хожу! Каждый день! На Аптекарскомъ островѣ чудомъ уцѣлѣла! — говорила старушка.

— И этотъ васъ принять не сможетъ! И теперь очередь не дойдетъ! Вѣдь посмотрите! Графъ, князь, г. Кантонистовъ, завѣдующій казенной газетой... казенной газетой, поймите! Гласностью! Общественнымъ мнѣніемъ!.. Г. Жоржъ Дорси, европейскій корреспондентъ, представитель европейскаго общественнаго мнѣнія... Ну, когда же васъ?—говорилъ чиновникъ.

— Губернское правленіе говоритъ: нужно въ казенную палату. А казенная палата говоритъ: надо въ губернское правленіе. Что жъ мнѣ-то дѣлать? Пенсія послѣ покойнаго мужа...— говорила свое старушка.

— До васъ ли тутъ?! — съ отчаяніемъ восклицалъ чиновникъ.—Первый пріемъ! Направленіе всей политики! Руль, такъ сказать, перекладываютъ!

— Къ четвертому хожу! — съ неменьшимъ отчаяніемъ восклицаетъ старушка.

Ее окружили и чиновники и не чиновники.

— Дѣйствительно, сударыня, напрасно будете сидѣть!

— Я годъ сижу!

— И два просидите! Вамъ дѣло говорятъ! Сами посудите! Такое ли время? До васъ ли теперь?

— Въ такомъ случаѣ, господа, не иначе, какъ вы держите руку Хлобустевича! — отвѣчала старушка, обозлившись, съ еще болѣе дрожащей головой.

— Какого Хлобустевича?—съ отчаяніемъ спросилъ кто-то.

— А помощника правителя канцеляріи губернатора, — она уже начинала кричать.—Сами знаете, какого Хлобустевича!

Всѣ только махнули рукой.

И отошли отъ старушки прочь.

«Кадетскій князь» посмотрѣлъ на нее своими спокойными, свѣтлыми глазами.

Эта просительница, жалкая, бѣдно-одѣтая,—лѣзущая со своими интересами, когда здѣсь политика!—до которой никогда не доходитъ очередь,—здѣсь въ пріемной премьеръ-министра.

— Словно олицетвореніе Россіи!—подумалъ князь.

И на губахъ его шевельнулась улыбка.

— «Досидитъ, быть-можетъ, когда я буду въ этомъ кабинетѣ. И мнѣ придется... и мнѣ не придется ее принять?! Не дойдетъ до нея очередь!»

— Когда мы съ Сигмой въ первый разъ увидѣли министра Петра Аркадьевича... — звучалъ голосъ Кантонистова, который поправлялъ на шеѣ орденъ.

И вдругъ прервался и смолкъ.

Въ пріемной стало тихо-тихо.

Изъ кабинета быстрыми шажками вышелъ чиновникъ.

Подошелъ къ графу Свидригайлову и, тревожно улыбаясь, сказалъ:

— Васъ просятъ!

Графъ принялъ величественный видъ и вступилъ въ кабинетъ премьера.

VII.

— Вашему сіятельству!—раздался изъ-за стола веселый голосъ.

Графъ Свидригайловъ взглянулъ и даже остановился.

Александра Ивановича Гучкова передъ нимъ не было.

Яснаго и спокойнаго Александра Ивановича, говорившаго о пулеметахъ, какъ о погодѣ.

Какъ о дурной погодѣ. Не безъ сожалѣнія, но съ покорностью:

— Что жъ, молъ, дѣлать!

Корректнѣйшаго, выдержаннаго Александра Ивановича.

За огромнымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ...

— «Гостинодворецъ!» — съ ужасомъ даже подумалъ графъ Свидригайловъ.

Глаза смотрѣли весело, съ лукавой, гостинодворской, усмѣшечкой, лѣвая рука крутила кончикъ бородки, правая перебирала пальчиками по государственнымъ дѣламъ, словно по фактурамъ.

Графъ сдѣлался еще величественнѣе.

— Прежде всего позвольте вамъ принести поздравленіе...

«Гостинодворецъ» весело перебилъ:

— Со всякимъ можетъ случиться! Покорнѣйше благодарствую. Не съ чѣмъ-съ. Присѣсть милости прошу...

Графъ сталъ еще торжественнѣе.

— Союзъ русскаго народа, насчитывающій три милліона членовъ...

Александръ Ивановичъ сталъ серьезенъ.

Рука все барабанила пальцами по дѣламъ.

Онъ спокойно сказалъ:

— Скиньте!

— Виноватъ! Какъ?

Александръ Ивановичъ спокойно повторилъ:

— Скиньте!

Графъ покраснѣлъ:

— Если какая-нибудь жидовская «Vossische Zeitung», издающаяся въ жидовской странѣ Германіи...

Александръ Ивановичъ улыбнулся и повторилъ:

— Скиньте, молъ! Дѣло торговое!

— Дѣло не торговое, а государственное!

Съ лица Гучкова исчезла улыбка. Онъ посмотрѣлъ прямо, спокойными и холодными глазами:

— Тѣмъ меньше основаній... преувеличивать!

Графъ вспыхнулъ:

— Тысяча извиненій! Но люди не бараны-съ! Ихъ нельзя считать «по головамъ».

— Правильно-съ!

«Гостинодворская» улыбка заиграла снова:

— Одинъ Архимедъ стоитъ десяти тысячъ учителей ариѳметики! Одначе Архимедовъ чтой-то у васъ не видать. Но дѣло въ этомъ не состоитъ!..

И...

— «Сплю я?»—въ ужасѣ подумалъ графъ.

Александръ Ивановичъ Гучковъ вынулъ изъ-подъ дѣлъ,—изъ-подъ государственныхъ дѣлъ!—счеты.

— Всѣ субсидій будутъ просить,—съ улыбкой пояснилъ Александръ Ивановичъ,—такъ чтобъ было на чемъ скидывать! У васъ 45 тысячъ человѣкъ...

И онъ положилъ на счетахъ 45 тысячъ.

— Ложь!.. Виноватъ...

— Ничего-съ... Или съ походцемъ! Во всякомъ случаѣ, цифра 45 тысячъ ближе къ истинѣ, чѣмъ три милліона. И, во всякомъ разѣ, на 140 милліоновъ цифирь,—хе-хе!—небольшая.

— Позвольте...

— Позвольте мнѣ-съ!—съ купеческой учтивостью остановилъ Александръ Ивановичъ.—Очинно радъ, что вы ко мнѣ сами, попросту, безъ зова пожаловали, и мы можемъ договориться. Начистоту! Я—человѣкъ происхожденія коммерческаго.

У насъ, коммерческихъ людей, принято дѣла вести начистоту. Вашъ товаръ, наши деньги. И этотъ инструментъ, — онъ указалъ на счеты, — мы очень обожаемъ. Безъ него ни въ какое дѣло не идемъ. Мы-съ отъ васъ слышимъ одно: требованія. Вы, господа, все требуете. Главари ваши требуютъ губернаторскихъ, вице-губернаторскихъ мѣстъ. Вы требуете: сегодня отдачи подъ судъ министра, завтра духовной цензуры, послѣзавтра закрытія университета. Но все требуете! Только требуете! Вы желаете направлять политику, управлять дѣйствіями правительства. А это ужъ, извините, гонорарій партіи, одержавшей побѣду! Что же вы сдѣлали? Что мы отъ васъ видимъ? Вы только кричите: «кликните кличъ, и мы»...

— Виноватъ! Истинно-русскіе люди...

— Господи! Да развѣ я васъ нѣмецкими людьми называю? Вы не только истинно-русскіе люди. Больше! Вы—истинно-русскіе мастеровые люди. Знаете, кровельщики! — «На чаекъ бы съ вашей милости!»—«За что же еще, братцы? Крыша не покрыта! Стропилъ еще нѣтъ!» — «Да нешто намъ долго! Да мы единымъ духомъ! А покеда на чаекъ слѣдоваетъ!»—«Вы все на чаекъ да на чаекъ требуете! А что сдѣлано?»—«Намъ нешто долго. Революцію единымъ духомъ!» А революція есть. Государственная Дума... у васъ тамъ адвокатъ есть... какъ его?

— Булацель?

— Какой тамъ Булацель! Другой! Московскій!

— Шмаковъ? Вы должны бы его знать! Алексѣй Семеновичъ Шмаковъ!—внушительно произнесъ графъ Свидригайловъ.

— Онъ самый! — ни чуть не смущаясь, продолжалъ Александръ Ивановичъ.—Шмаковъ господинъ! Я знаю, онъ у васъ не генералъ! Такъ, штабсъ-капитанъ, извѣстный своей отчаянностью. Вы его въ горячія дѣла посылаете. Пусть сражается, разъ нравится. Вернется съ шишками: «онъ это любитъ!» Однако онъ все-таки близко къ вашему штабу стоитъ и, по отчаянности, секретомъ обмолвился. Онъ прямо во все горло объявляетъ: «На выборахъ намъ ни малѣйшей побѣды не одержать. Мы такъ и знаемъ». Это съ тремя-то милліонами? Хе-

хе-хе-съ! Говорилъ вамъ: скиньте! Теперь и самимъ неловко-съ! Итакъ: на выборахъ вы намъ ничего дать не можете. На что же вы кому годны? Что же вы можете? Погромъ устроить? Не требуется. Курсъ роняетъ. Да если бы и потребовалось, безъ васъ устроить можно. Почище-съ... Да даже и погромы тѣ же. И при нихъ-съ вы требуете... опять требуете!.. Чтобъ васъ войска отъ самообороны охраняли! Хе-хе-хе-съ! Это, извините, еврейскій анекдотъ напоминаетъ. Городъ Бердичевъ—изволите знать? — въ русско-турецкую войну вызвался батальонъ добровольцевъ поставить. Довели до свѣдѣнія командующаго округомъ. Представилась депутація.— «Похвально!» — «Только одна просьба!» — «Въ чемъ дѣло?» — «Воевать итти мы готовы, но только, чтобы намъ солдатъ дали, проводить: около Бердичева собакъ очень много». На что же вы, спрашивается, способны? Отдѣльныя безобразія учинять? Студента избить? Курсистку догола посередь улицы раздѣть? Прохожихъ заставлять раздѣваться и свидѣтельствовать: не еврей ли? Гимназиста избить? Конторщика, который съ книжками идетъ, зарѣзать? Такъ и то только тамъ, гдѣ предупреждаютъ, что ежели хоть одинъ волосъ съ вашей головы упадетъ, «весь городъ жидовской кровью зальется». И то подъ защитой! Безобразіе устроить публичное? Процессію ночью по улицѣ? Весь городъ перебулгачить? Такъ и то подъ защитой полиціи! Послушайте, ваше сіятельство! Мы говоримъ съ глаза на глазъ. Насъ никто не слышитъ!

Графъ почему-то даже оглянулся.

— Никого! Ежели бы васъ однихъ, безъ защиты, оставить? Такъ вѣдь отъ васъ мокраго бы мѣста не осталось. И со стороны не революціонеровъ, а просто обывателей, которые любятъ порядокъ и не любятъ бозобразій.

— Литература наша воспитываетъ...

— Литература ваша—дрянь. Не говоря уже объ ея дороговизнѣ. Ее тюками покупать, чтобы задарма раздавать, нужно. Что же это за литература, которой никто читать не хочетъ? Задарма-то и объявленія о резиновыхъ калошахъ берутъ. Какая же ей цѣна, ежели за нее никто двухъ копеекъ платить не

хочетъ? У насъ на что «Россія»,—такъ и на ту подписчики есть! И къ тому же дрянь. Прямо вамъ говорю: совершенная дрянь! Вы пожалованныхъ графовъ Іудами Сахалинскими называете, князей—Святополками Окаянными, министровъ измѣнниками ругаете,—послѣднее уваженіе къ власти въ простонародьѣ подрываете. Такъ на представителей власти революціонная литература не науськивала. Да намъ ежели такая литература потребуется, — у насъ свои писаки, все одно, на жалованьѣ состоятъ. Они намъ за то же жалованье такой литературы насочиняютъ! Что ваши «Дни» да «Вѣчи». Вѣдь не Толстымъ нужно быть, чтобы скверными словами ругаться!

— Мы—сила!

— Потому что васъ терпятъ. Хороша сила!

— Однако, даже за границей...

— Да вѣдь намъ не заграница. Намъ Россія нужна! Плюнемъ на заграницы. Пущай ихъ болтаютъ! Мы-то, здѣсь, на мѣстѣ сидючи,—мы-то съ вами знаемъ, что вся ваша, по-заграничному, «сила» состоитъ только въ томъ, что васъ терпятъ. Подытожимъ! На счетахъ прикинемъ! Что же вы такое? Самая слабая партія, на выборахъ никакихъ шансовъ не имѣющая, которая не только кого-нибудь отъ чего-нибудь охранять, которая сама въ охранѣ нуждается. За что же вы требуете? Нѣтъ-съ! Вотъ ежели вы, господа, дѣйствительно составите партію. Да изъ членовъ, не «мертвыхъ душъ». Которымъ самимъ по полтиннику платитъ надо, чтобы они безобразничали, да револьверы давать, которые они потомъ революціонерамъ по пяти рублей продаютъ. А настоящихъ членовъ! Съ котировкой! Которые,—не будемъ ужъ говорить о готовности «жертвовать жизнью»,—по полтиннику въ годъ способны были жертвовать на нужды партіи. Какъ во всѣхъ партіяхъ бываетъ, и безъ чего партій самыхъ не бываетъ. Да доставите намъ въ Думѣ большинство. Тогда милости просимъ. Являйтесь и потолкуемъ. И требуйте! Ежели требованія будутъ резонныя,—поговоримъ. Ежели выше резонныхъ,—виноватъ!—поговорятъ пулеметы. А до тѣхъ поръ, извините, ни гроша!

Графъ поднялся съ мѣста, весь багровый, и шумно отодвинулъ кресло.

— Итакъ... вы объявляете... война?

— Угроза?

Александръ Ивановичъ спокойно смотрѣлъ въ глаза и ласково улыбался:

— Это ужъ не «литературой ли» опять пугаете?

— Законъ о свободѣ...

— Ваше сіятельство,—и въ голосѣ г. Гучкова послышалась жалость,—законы-то святы, да исполнители... Изволите знать народную мудрость? Законы о печати,—мой предшественникъ справедливо сказалъ иностранному корреспонденту, — «самые либеральные во всей Европѣ», да газеты-то «какъ мухи... выздоравливаютъ». Юстиція у насъ, ваше сіятельство! Сами знаете! Швахъ-юстиція. Самая революціонная! Революціонный трибуналъ. Послалъ ей,—а человѣкъ и безъ головы! Юстиціи сказалъ «пиль»,—она и возьметъ. А у васъ тамъ: и возбужденіе одной части противъ другой, и другая уголовщина. Пуговку нажалъ, и зазвонило во всѣхъ концахъ! Не успѣли оглянуться, — газетъ вашихъ ни одной нѣтъ. Аресты да обыски да розыски: кто гдѣ да что да когда сдѣлалъ. Ужъ одно запрещеніе носить оружіе чего стоитъ! Вы подумайте! А вы лучше присядьте. Казенныхъ, повторяю, ни копейки. И требованій никакихъ: рано. Сначала сработайте, а потомъ и о «чаяхъ» поговоримъ. Но... какъ въ старину полицмейстеры говорили. Вы знаете, прежде,—теперь, говорятъ, будто этого нѣтъ!—участковые пристава жалованья не получали. Только расписывались въ полученіи. Такъ полицмейстеры говорили: «Съ частныхъ же лицъ можете брать». Вотъ тоже и я. У васъ г. Пуришкевичъ иностраннымъ корреспондентамъ говорилъ, что богатыя аристократическія лица вамъ помогаютъ.

— Да еще, слава Богу, есть на Руси люди, готовые помочь въ борьбѣ съ революціей! Не всѣ!

Въ голосѣ графа послышалась горечь.

Александръ Ивановичъ махнулъ рукой,—и предобродушно.

— Съ революціей! Я этого народа, сами знаете, не обожаю. Но отчаянная публика. Ежели бы васъ съ ними, господа, одинъ на одинъ выпустить... А вѣдь случай былъ-съ! Хе-хе-хе!

И г. Гучковъ разлился мелкимъ, самымъ гостинодворскимъ», смѣшкомъ:

— Въ декабрѣ, въ Москвѣ. Чтой-то ваши баррикады не разбирали! Въ борьбѣ съ революціонерами не видать было-съ. Войсками все! Дома сидѣли-съ? А говорите: «Кликните кличъ, единымъ духомъ! Сметемъ!» Чего же не мели? Такъ улицы вами неметены и остались! Нечистота, баррикады! А ужъ на что кличъ былъ! На весь земной шаръ гудѣло! Нѣтъ ужъ, гдѣ тамъ революція!

Лицо Александра Ивановича сдѣлалось серьезно:

— А вотъ мирную публику вы намъ припугните! Это вы можете. И этимъ будете очень полезны. Вона, скажутъ, какіе къ власти лѣзутъ!» И рядомъ съ вами мы такими либеральными покажемся! За милую душу, въ объятія къ намъ кинутся! Такъ, значитъ, и рѣшимъ. «Съ частныхъ лицъ, которыя ежели даютъ, вы пользуйтесь». Существуйте! А казенныхъ, извините, ни эстолько!

Александръ Ивановичъ положилъ на счетахъ четверть копейки.

— Не прогнѣвайтесь!

Онъ убралъ счеты подъ бумаги.

Графъ снова поднялся.

— Виноватъ... Я не ожидалъ... Но долженъ до конца исполнить порученіе... Тамъ депутація отъ «истинно-русскихъ людей»... желаетъ представиться...

— Бланкъ, желаете, чтобы поставилъ?

— Н-не понимаю...

— Бланкъ свой на вашей партіи. Для учета у общества?

— Я вашего языка... виноватъ... не разбираю... Икону они хотятъ поднести... по русскому обычаю... принести поздравленіе...

Лицо Александра Ивановича стало серьезно и почтительно:

— Икону пусть оставятъ. Приложусь. Благодарю.

И снова «гостинодворская» улыбка зацвѣла, заиграла на лицѣ:

— А поздравлять, прямо говорю, не съ чѣмъ! Въ наше время со всякимъ можетъ случиться! Нынче—я, завтра, можетъ, вы! Отъ министровъ никто не застрахованъ. Время такое. Хе-хе-хе-съ! Не женился. Поздравлять не съ чѣмъ. Да и я имъ не хозяинъ, они мнѣ не приказчики. Что за поздравленіе «съ началомъ дѣла»? Сдѣлаю что путное,—поздравьте. Не удастся,—не осудите! А авансовъ «чаевъ», не люблю-съ. Ни давать ни получать! Икону, желаете, оставьте. Дѣло божественное. А за поздравленіе благодарю. Покеда съ тѣмъ-съ!

Графъ пріосанился и холодно сказалъ:

— Имѣю честь засвидѣтельствовать свое почтеніе!

Александръ Ивановичъ приподнялся на мѣстѣ и съ радушнѣйшей улыбкой отвѣтилъ:

— До пріятнѣйшаго!

Графъ вышелъ изъ кабинета.

«Черты его исказились».

Онъ съ трудомъ дышалъ.

— Ну, что?—окружили его.

Онъ даже не пробормоталъ, простоналъ сквозь зубы:

— Купчишка!

Раздался звонокъ.

Къ «кадетскому князю» подбѣжалъ дежурный чиновникъ:

— Просятъ ваше сіятельство!

Тотъ, не спѣша, такъ же спокойно, пошелъ въ кабинетъ, какъ ждалъ у окна.

— Куда хочешь,—и все вотъ съ тѣмъ же видомъ пойдетъ!—мелькнула мысль у многихъ.

— Рюриковичъ!—со злобой пробормоталъ семинаръ-чиновникъ, который говорилъ, что князь—не Рюриковичъ.

VIII.

Премьеръ встрѣтилъ князя на полдорогѣ между дверью и письменнымъ столомъ.

— Здравствуйте, князь!

Они вмѣстѣ дошли до стола, въ одно и то же время сѣли.

— Какъ здоровье вашего брата? — любезно освѣдомился Александръ Ивановичъ.

Даже на спокойномъ лицѣ князя слегка приподнялась одна бровь отъ удивленія.

— Очень вамъ благодаренъ!..

— Давно изволили пожаловать въ Петербургъ? — продолжалъ любезнѣйше освѣдомляться Александръ Ивановичъ.

— Сегодня утромъ.

— Погода плохая!.. Долго изволите пробыть?

— Зависитъ отъ обстоятельствъ... Вы мнѣ позволите приступить прямо къ дѣлу?

— Весь—вниманіе!

И Александръ Ивановичъ превратился весь во вниманіе.

— Я являюсь къ вамъ по порученію конституціонно-демократической партіи...

На лицѣ Александра Ивановича вдругъ выразилось необычайное удивленіе.

Онъ взглянулъ на князя изумленнѣйшими глазами:

— Существуетъ?

— Кто?

— Скажите! Я вѣдь думалъ, что она опасно заболѣла въ Выборгѣ и скончалась въ Гельсингфорсѣ!

Князь улыбнулся учтивой улыбкой, какой воспитанные люди все-таки улыбаются неудавшейся остротѣ.

— Если вамъ угодно знать, существуетъ ли конституціонно-демократическая партія, — вамъ стоитъ только разрѣшить намъ съѣздъ!

Онъ снова улыбнулся:

— Хотя, конечно, если вы не разрѣшите съѣзда,— вы все-ıки узнаете объ ея существованіи!

— Разрѣшить съѣздъ?!

И Гучковъ вдругъ расхохотался.

— Простите за смѣхъ... Но невозможно. Устраивать рево-ıюцію «съ разрѣшенія начальства!» И еще говорятъ, что ваша артія не русская! Да что же болѣе русскаго? «Революція съ азрѣшенія начальства!»

— Революція? — серьезно и спокойно спросилъ князь.

— Дѣло не въ словахъ! Разрѣшить вамъ съѣздъ? Видите и! Въ 1902 году въ итальянскомъ королевствѣ гг. республи-анцы захотѣли устроить съѣздъ. Министромъ-президентомъ ылъ Джіолитти. И вы знаете, что онъ имъ отвѣтилъ? «Пра-ительство предлагаетъ членамъ республиканскаго съѣзда льгот-ый проѣздъ по казеннымъ дорогамъ, какимъ пользуются члены сѣхъ научныхъ съѣздовъ».

— Вы ничего не имѣете противъ разрѣшенія?

— Я сожалѣю, что не всѣ желѣзныя дороги принадлежатъ ıазнѣ, и я не могу предложить вамъ льготнаго,—безплатнаго ıроѣзда. Но мнѣ жаль вашей партіи! Мой совѣтъ,—позвольте ıго дать!—вамъ: собраться въ Гельсингфорсѣ... Мое разрѣше-ıіе на съѣздъ! Это будетъ похоже на разрѣшительную молитву, ıоторую, знаете, кладутъ въ руки покойнику. Гельсингфорсъ,— зсе-таки эффектнѣе. «Не разрѣшили! Боятся!» Да и мѣсто заше... обычное. Занимайтесь русскими дѣлами въ Гельсинг-форсѣ.

— Это, вѣроятно, очень остроумно, что вы говорите! — съ вѣчнымъ спокойствіемъ сказалъ князь.— Но, дорожа вашимъ временемъ, я предпочелъ бы краткій и простой отвѣтъ!

Они смотрѣли въ упоръ другъ на друга.

Спокойно и невозмутимо было лицо князя.

— «Истуканъ!»— подумалъ Гучковъ.

Въ его глазахъ бѣгала злость.

— Позвольте мнѣ, князь, поговорить съ вами прямо! Въ ашихъ «кадетскихъ» газетахъ... виноватъ!.. гг. сочувствую-

щіе вамъ публицисты, безо всякихъ, конечно, «приказовъ по арміи», безо всякихъ, разумѣется, «требованій партійной дисциплины»,—по собственному почину, по личному глубокому убѣжденію, будутъ раздѣлывать меня на всѣ корки, мнѣ некогда будетъ отвѣчать... и читать! Позвольте мнѣ заранѣе отвѣтить. Прямо. Откровенно.

— Я боюсь только отнять у васъ время, необходимое, несомнѣнно, для государственныхъ дѣлъ. Тамъ...

Князь показалъ головою на пріемную.

И въ душѣ его шевельнулась печальная улыбка. Ему вспомнилась старушка въ черномъ, съ трясущейся головой.

— «Очередь не дойдетъ!»

— Подождутъ! — безцеремонно отвѣтилъ Гучковъ. — Все равно, день потерянъ!

— Благодарю васъ. Вы очень любезны! — съ улыбкой поклонился князь.

Александръ Ивановичъ покраснѣлъ.

Онъ волновался.

— Вашей партіи нѣтъ! — почти выкрикнулъ онъ. — Не существуетъ! Не существуетъ! Слушайте! Въ 1792 году въ Версали случилось то же, что случилось въ Петербургѣ 9 іюля 1906 года. Депутаты Національнаго собранія, явившись, нашли двери запертыми и у дверей военный караулъ. Тогда они, немедленно, отправились въ зданіе для игры въ мячъ, здѣсь же, въ Версали, и дали клятву: собираться гдѣ бы то ни было и не расходиться до тѣхъ поръ...

— Виноватъ! Я никогда не позволялъ себѣ сомнѣваться въ вашихъ историческихъ знаніяхъ. Но долженъ сказать вамъ, что то, что вы мнѣ разсказываете, я узнаю не въ первый разъ.

— Виноватъ! Не поѣхали куда-нибудь въ Дрезденъ. А здѣсь же! Въ Версали! 9 іюля 1906 года депутаты, явившись въ Государственную Думу, нашли двери запертыми и... поѣхали въ Выборгъ! И создали Петра Аркадьевича Столыпина! Вотъ человѣкъ! Какъ умѣлъ распустить Думу! Всѣ за голову

схватились! Вотъ человѣкъ: опоздалъ родиться на 150 лѣтъ! Если бы въ Версали тогда да г. Столыпинъ!!! До сихъ поръ бы во Франціи «ничего не было». Ни республики, ни консульства, ни имперіи, ни реставраціи, ни второй республики, ни второй имперіи, ни коммуны, ни третьей республики! Ничего! И Наполеонъ Бонапартъ дослужился бы, въ самомъ лучшемъ случаѣ, до полковника и умеръ бы на пенсіи. Вы создали г. Столыпина и умерли сами! Насталъ моментъ! Быть-можетъ, единственный! Моментъ мученичества! Понимаете ли вы, что такое моментъ для мученичества? Моментъ, когда Гуссъ всходилъ на костеръ и опрокидывалъ въ своей странѣ католичество! Не въ Выборгѣ! А здѣсь! Въ первомъ попавшемся манежѣ! Въ залѣ городской думы! У Палкина!!! Гдѣ попало! Парламентъ, взятый приступомъ! Парламентъ, разогнанный штыками! Разстрѣлъ депутатовъ! Гдѣ бы, быть-можетъ, мы теперь были! Исторія дала вамъ роль, какая рѣдко кому—не каждое столѣтіе!—достается на долю. Роль героевъ. А вы... въ Выборгъ поѣхали! Въ Выборгъ поѣхали!

И Александръ Ивановичъ залился не то торжествующимъ, не то истерическимъ смѣхомъ.

— И вашъ революціонный призывъ,—призывъ людей, которые сами кровью его подписали... Это были бы не рыжія выборгскія чернила!

— Вы второй разъ изволите употреблять слово: революція, революціонный... Разумѣется, разъ вы считаете партію революціонной...

Князь сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться.

— Ахъ, мирное воззваніе? Къ «пассивному» сопротивленію? Къ непротивленію? Толстовцы вы? Да? Не давать рекрутовъ? Чтобы по всей странѣ разсыпались воинскія команды? Карательныя экспедиціи? Порки! Разстрѣлы! Это все мирное? Чтобъ они мирно, «пассивно поролись», «пассивно разстрѣливались!» Вы первый ударъ себѣ нанесли, и смертельный, поѣхавши въ Выборгъ. Второй ударъ, глубже, нанесли себѣ въ Выборгѣ. Вспомните, что сказалъ польскій депутатъ иностран-

нымъ корреспондентамъ, когда его спросили: «Почему вы, поляки, не подписали выборгскаго воззванія?»—«Положеніе наше и русскихъ депутатовъ было различное. Если бы мы подписали, то нашъ народъ, дѣйствительно, не сталъ бы платить налоговъ и отказался дать рекрутовъ, и было бы страшное кровопролитіе. А они спокойно могли подписывать: знали, что изъ этого ничего не выйдетъ». И это правда. И вы сами подтвердили, что это правда! Когда? Въ Гельсингфорсѣ! Когда вы признавались, что народъ не подготовленъ еще къ вашимъ пассивнымъ сопротивленіямъ. Значитъ, — ничего бы изъ воззванія не вышло! Вы подтвердили это. Ахъ!

Г. Гучковъ даже застоналъ и схватился за голову:

— Вамъ запретили съѣздъ! Какая глубокая, ужасная ошибка! Все равно, что умирающему, несомнѣнно умирающему, дать какое-нибудь возбуждающее. Для чего? Чтобы на полчаса продлить агонію? Запретить вамъ съѣздъ! Въ Москвѣ надо было разрѣшить! На Красной площади! Подъ звонъ колоколовъ! Умолять васъ, чтобы вы его устроили! Чтобы вы всенародно крутились,— какъ, знаете, угорь на сковородкѣ крутится! Какъ мыши въ мышеловкѣ! Мечется, выхода не найдетъ! И жалко и смѣшно! «Одобрить выборгское воззваніе, но признать, что сейчасъ выполненіе его несвоевременно». Когда? Въ октябрѣ, ноябрѣ рекрутовъ не давать несвоевременно? Когда же ихъ не давать-то? Вѣдь, рекомендуя не давать рекрутовъ, и имѣлись въ виду именно октябрь и ноябрь! Какъ же такъ: «несвоевременно!» У насъ этого не можетъ быть. Но среди націи, политически воспитанной, политически грамотной, политически понимающей, васъ, господа, освистали бы при выходѣ изъ такого собранія. Всѣмъ народомъ освистали бы. Вы кончили съ собой въ Гельсингфорсѣ! Партія «народной свободы». Такой партіи не существуетъ! Партія! Которая не смѣетъ крикнуть ни «долой революцію!» ни «да здравствуетъ революція!» И вы съ самаго рожденія обречены были на гибель. Жизнь логична-съ. Въ жизни, какъ въ математикѣ, все идетъ! Рѣшайте задачу какъ Богъ! Но если у васъ въ самомъ началѣ вкра-

лась ошибка на единицу,—въ результатѣ получится ерунда! У васъ въ самомъ началѣ вкралась ошибка. Кто былъ ядромъ вашей партіи? Первымъ ядромъ? Земцы, служилая интеллигенція. Помѣщики, которые кричатъ: «Долой помѣщиковъ!» Чиновники, которые кричатъ: «Долой бюрократію!» Это должно было кончиться ерундой! Обречено было на такой конецъ! Вы, господа, напоминаете мнѣ дѣвицу въ одномъ разсказѣ Дьякова-Незлобина. Скверные разсказы, но попадаются, ухъ, какія вѣрныя страницы! Дѣвица, помѣщичья дочь, ушедшая въ «коммуну», на лежанкѣ сидитъ, ногами болтаетъ и поетъ: «Долго насъ помѣщики душили...» Ненавижу я вашей партіи... Виноватъ!

— Вамъ не въ чемъ извиняться. Никто не обязанъ любить своихъ политическихъ противниковъ! Но... Вы любите сравненія. Позвольте и мнѣ привести одно. Въ Лондонѣ есть знаменитый портной Пуль. Портной принца Уэльскаго, теперешняго короля. Это было еще, когда король Эдуардъ былъ принцемъ Уэльскимъ. Однажды на дерби принцъ увидалъ, что Пуль ищетъ себѣ мѣста, и негдѣ ему пріютиться. Принцъ позвалъ его къ себѣ въ ложу. Очутившись въ такомъ аристократическомъ обществѣ, г. Пуль, разумѣется, счелъ долгомъ и разговоръ начать самый аристократическій.—«Не правда ли, ваше высочество, не правда ли, господа, скачки стали ужъ не тѣ? Не то общество!» Принцъ Уэльскій предобродушно расхохотался: «Ну, милый Пуль, вы слишкомъ требовательны. Нельзя же требовать, чтобы всѣ люди были... портными». Нельзя же, Александръ Ивановичъ, требовать, чтобы всѣ люди были...

Г. Гучковъ поблѣднѣлъ.

Слово «Гучковыми» висѣло въ воздухѣ.

Князь учтиво улыбнулся и закончилъ:

— Октябристами!

Кровь бросилась Александру Ивановичу въ голову.

— Я ненавижу вашу партію, какъ ненавижу все мертвое, все разлагающееся! Я люблю жизнь во всемъ. И въ политикѣ.

Люблю политику жизненную, реальную. Дайте мнѣ врага! Пусть будетъ бой! Но я не люблю на своемъ пути этихъ разсыпающихся партій, расползающихся глыбъ! Это затрудняетъ расчеты, ходы, игру, положеніе. Куда они расползутся? Къ какимъ партіямъ примкнутъ? Какія партіи усилятъ? Какая новая комбинація создастся?

— Я воздерживаюсь отъ спора съ вами, потому что не надѣюсь завербовать въ свою партію. Если вамъ угодно убѣдить меня перестать быть конституціоналистомъ-демократомъ... Я боюсь отнять много времени у вашихъ просителей. Я просилъ бы отвѣта на вопросъ.

Князь поднялся.

Поднялся и Гучковъ.

У Александра Ивановича лицо было въ пятнахъ. У князя розовое, какъ всегда.

И въ глазахъ Гучкова было бѣшенство:

— Баринъ!

Свѣтлые, на выкатѣ, глаза князя были ясны и спокойны. И въ душѣ онъ даже не бранился!

— Относительно разрѣшенія...

Губы у Александра Ивановича подергивались.

— Въ Петербургѣ...

— Это нужно обратиться къ градоначальнику. Онъ у насъ либеральный. На-дняхъ... какимъ-то, чуть ли не гимназистамъ, кажется... собраніе разрѣшилъ. Разъ разрѣшилъ гимназистамъ, думаю, нѣтъ основанія не разрѣшить и кадетамъ... Виноватъ за каламбуръ... Невольно!

Князь улыбнулся кроткой улыбкой:

— Пожалуйста! Я читаю «Новое Время». Къ остроумію привыкъ!

Александръ Ивановичъ закусилъ нижнюю губу.

Князь поклонился:

— Простите, что отнялъ у васъ столько времени. До свиданья.

— До свиданья, ваше сіятельство!

Князь чуть замѣтно улыбнулся:

— До свиданья, ваше высокопревосходительство!

И такъ же спокойно, словно увѣренный въ какой-то своей вѣчной правотѣ, вышелъ изъ кабинета.

Александръ Ивановичъ позвонилъ.

— Кто тамъ еще?—чуть не крикнулъ онъ на вошедшаго чиновника.

Тотъ даже вздрогнулъ отъ изумленія при окрикѣ и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на лицо премьера, все пятнами.

— Графъ...

Онъ назвалъ фамилію «мирно-обновленскаго графа».

— Ишь ихъ! Куда ни сунься, все графы!—желчно усмѣхнулся г. Гучковъ.—Чисто среди стеклянной посуды ходишь! Что ни партія, то графъ или князь во главѣ. Демократическая страна! Попросите!.. Постойте...

Онъ «ушелъ въ дѣла».

Нѣсколько минутъ просидѣлъ, наклонившись надъ бумагами,—и когда поднялъ лицо, оно было тихо, спокойно, глаза смотрѣли ясно, и съ привѣтливой улыбкой онъ мягко сказалъ:

— Попросите ко мнѣ графа.

И всталъ, чтобы встрѣтить старика у самой двери

IX.

— Очень радъ видѣть ваше сіятельство! Прошу!

— Я пріѣхалъ, чтобы выяснить, въ виду предстоящей выборной кампаніи, условія, въ которыхъ придется бороться.

— Передъ дуэлью измѣрить площадку. Прошу садиться.

— Какія воинственныя сравненія! Я—человѣкъ военный и то такъ ужъ воинственно не думаю.

— Вы хотите знать, какую свободу,—или, если хотите, какія удобства мы предоставимъ будущей революціонной партіи? Къ сожалѣнію, полныя-съ! Полныя, ваше сіятельство. Потому что пока еще вы не революціонеры. И стѣснять васъ намъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ основаній!

— Революціонная! Революціонеры! Позвольте! Что вы? Какой я революціонеръ?

— Будете!

— Перестаньте!

— Неизбѣжно-съ. Все будете уклоняться лѣвѣе, лѣвѣе. Политика наша васъ будетъ толкать. Вы замѣтьте-съ, ваше сіятельство. Вѣдь мы съ вами, такъ сказать: «бойцы вспоминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они». Вмѣстѣ! А теперь какое между нами разстояніе. Какъ вы полѣвѣли!

— Ну, до революціи-то далеко.

— Ну, не совсѣмъ революція, такъ, оппозиція такая, что хуже всякой революціи. Это пророкомъ не надо быть, чтобы сказать, что въ вашей партіи мы бычка — хе-хе! — воспитываемъ, который насъ ой-ой какъ бодать будетъ. Быть-можетъ, насмерть. Съ каждымъ днемъ лѣвѣть будете! И, можетъ-быть, я даже сильно васъ влѣво толкать буду. Можетъ, мнѣ только это и предначертано въ книгѣ судебъ: только всѣхъ влѣво двинуть!

— Ну, не до революціи же! Насъ-то!

— Кто знаетъ! Камиллъ Дюмулэнъ говорилъ, что даже въ день взятія Бастиліи, можетъ-быть, съ нимъ вмѣстѣ, въ Парижѣ было десять человѣкъ, которые думали о республикѣ!

— Ну, какой я Камиллъ Дюмулэнъ?

— Съ принципами человѣкъ.

— Какъ же безъ принциповъ, Александръ Ивановичъ? — спросилъ старикъ, улыбаясь. — Безъ принциповъ нельзя!

Александръ Ивановичъ смотрѣлъ на него прямо. И во взглядѣ его было что-то тяжелое.

Голосъ дрожалъ.

— И жизнь нельзя, ваше сіятельство, въ готовые принципы, какъ китаянка ноги въ колодку, вгонять! Калѣчить ее!

— Вы, Александръ Ивановичъ, не искалѣчьте жизнь съ вашими «реальными» системами! — грустно сказалъ старикъ.

— Я люблю жизнь. Я избѣгаю говорить о себѣ. Но теперь, но сегодня, но передъ вами, быть-можетъ,—у меня потребность. Я позволю себѣ. Я люблю жизнь. Я полюбилъ ее въ странствіяхъ, въ скитаньяхъ, видя ея разнообразіе, безконечное, безпредѣльное. Полюбилъ ее въ океанѣ, ночью, думая, глядя на миріады существующихъ, движущихся, живыхъ свѣтилъ, на море, полное жизней, чувствуя, что я несусь въ какомъ-то вихрѣ, ураганѣ, непрерывающемся ураганѣ жизни. Я полюбилъ жизнь... когда... дрался за буровъ.

Онъ сказалъ это, словно чего-то конфузясь.

— Мнѣ трудно говорить о себѣ. Я полюбилъ жизнь. Поле битвы. Вы думаете, это смерть? Нѣтъ! Это люди борются за жизнь. Это жизнь кругомъ. Битва за нее. Я полюбилъ жизнь, завѣдуя госпиталями въ Манджуріи. При видѣ этихъ несчастныхъ, жадно, судорожно, лихорадочно цѣплявшихся за жизнь. Окруженный этими жизнями, полупогашенными, глядя, какъ онѣ разгорались, разгорались сильнѣе. Полюбилъ жизнь, видя выздоровленіе. До муки полюбилъ жизнь, видя, съ какой тоской съ ней разстаются. Я люблю жизнь, я боготворю ее. И нельзя ее забивать въ самыя лучшія колодки. Политика должна быть жизненна, реальна! Законы, принципы... Это все равно, что одѣваться въ готовое платье. Здѣсь жметъ, тамъ рѣжетъ, тамъ неловко. Надо шить на жизнь платье всегда на заказъ. Въ каждую данную минуту. То она пополнѣла, то похудѣла. Какое ей въ эту минуту платье требуется!

Онъ смолкъ.

Старикъ-графъ смотрѣлъ на него грустными глазами:

— Платье-то ничего. А вотъ какъ жизнь начнете кромсать «для ея же пользы»? Не налѣзетъ на нее сшитое вами платье. Вы не платье,—вы ее начнете давить да тискать: «полѣзай!»

Александръ Ивановичъ вздохнулъ:

— Трудное дѣло-съ!

— Трудное, Александръ Ивановичъ!

Онъ разсмѣялся:

— Это вы мнѣ все потомъ въ Думѣ выложите! Съ крайней лѣвой!

Разсмѣялся и графъ:

— А вы не загоняйте!..

— Да что жъ съ вами сдѣлаешь, если обстоятельства такія покатыя? Все налѣво катится!

— Ну, до Думы еще далеко. А пока...

— Пока-съ, повторяю. Предвижу отъ васъ непріятныя послѣдствія, но сдѣлать, къ сожалѣнію, ничего не могу!

— Просторъ?

— Полнѣйшій. А широко разойдетесь,—придется васъ въ корсетъ! Хе-хе-съ! Въ корсетъ!

— Сдавите?

— Какъ жизнь потребуетъ! Реальная политика!

— На каждый день можетъ быть новая?

— На каждый часъ!

Старикъ смотрѣлъ на него грустными глазами и долго пожалъ его руку.

— Ну... желаю вамъ, Александръ Ивановичъ, чтобы вы жизнь не очень покалѣчили.

— Покорнѣйше благодарствую.

— До свиданья!

— Въ Думѣ! Хе-хе! На дуэли!

И, проводивъ старика до двери, онъ вернулся къ столу и позвонилъ чиновника.

— Этого... какъ его... Кантонистова!

Г. Кантонистовъ вполголоса разсказывалъ въ пріемной:

— Когда мы съ Сигмой наблюдали за дѣйствіями главнокомандующаго въ манджурской арміи...

— Васъ! подлетѣлъ къ нему чиновникъ.

Кантонистовъ поправилъ орденъ на шеѣ, какъ-то встряхнулся и осѣлъ, отъ чего сталъ словно меньше ростомъ, но толще и солиднѣе.

И съ достоинствомъ пошелъ въ кабинетъ.

X.

Министръ-президентъ сидѣлъ, низко наклонившись надъ столомъ, и, казалось, весь погруженъ былъ во вниманіе: что-то читалъ.

Г. Кантонистовъ подождалъ нѣсколько секундъ и слегка кашлянулъ.

Министръ читалъ.

Г. Кантонистовъ обождалъ еще нѣсколько секундъ и снова кашлянулъ.

Министръ читалъ.

— Ваше высокопревосходительство...

Александръ Ивановичъ поднялъ голову и взглянулъ на пришедшаго безразличнымъ взглядомъ.

— А! Вы!

И снова наклонилъ голову, быстро дочиталъ бумагу, отложилъ и, заложивъ руки въ карманы панталонъ, вытянулся въ креслѣ.

Какъ человѣкъ, который покончилъ трудныя дѣла и собирается для отдыха заняться пустяками: пожурить ребенка или собачонку,—вообще что-нибудь маленькое.

Онъ посмотрѣлъ въ лицо Кантонистову прямо и пристально.

— Скверно пишете!

Кантонистовъ даже пошатнулся отъ такого пріема.

— Виноватъ...

— То-то, виноваты! Надряните, а потомъ просите прощенія!

— Вы меня не такъ...

— Скверно пишете!—перебилъ Александръ Ивановичъ.— «Россія»! Фирму только портите! Ну, что вы такое? Вы бабъ видали? Идетъ мужикъ весною по талому снѣгу рыхлому. Баба, подобравшись, за нимъ. Норовитъ въ его слѣды попасть. Шагаетъ! Смотрѣть смѣшно! Мужикъ въ снѣгу дыру сдѣлаетъ, а

она ее своимъ лаптищемъ грязнымъ размажетъ. Такъ и вы за правительствомъ плюхаетесь. «По слѣдамъ!» Издастъ правительство декларацію,—обсуждаютъ! А приметесь вы размазывать,—хохотъ! Свистъ! Улюлюканье! Только министерскія декларацiи, чортъ знаетъ, въ какомъ видѣ выставляете! Посмѣшище изъ нихъ дѣлаете. Кто вы? Что вы? Зачѣмъ вы? Заграничные офиціозы возьмите. Любехонько! Съ интересомъ ихъ читаютъ! Прислушиваются! А у насъ? Хвостъ вы, за который правительство ловятъ! Ахиллесова пятка. Пятка вы! Вотъ кто! При относительной даже свободѣ печати газета съ министромъ-то поцеремонилась бы. Тоже его хвати-ка! Туземная администрація подслужиться захочетъ,—не за это, къ другому придерется—хлопнетъ. А газету «Россія» любой «Царевококшайскій Вѣстникъ» во всѣ корки лупитъ. «Газета «Россія» полагаетъ то-то. Глупо». «Газета «Россія» разъясняетъ такъ-то. Очень глупо». А читатель-то, онъ понимаетъ, куда эти намеки летятъ! Это какъ мнѣ солдатъ одинъ раненый разсказывалъ: «Изъ-за тѣни погибъ. Самая безполезная вещь. Въ лунную ночь, на свѣту, первая пагуба. Самъ-то крадешься, прячешься. А тѣнь-то твоя по бѣлой землѣ тянется. «Вотъ, молъ, мы гдѣ». Ну, ёнъ по тѣни-то въ тебя и палитъ». Тѣнь вы у правительства, самая ненужная вещь! Что ни ляпнете,—корова, прости, Господи, въ лужу сѣла!

И, разгорячаясь все больше и больше, Александръ Ивановичъ схватилъ и скомкалъ лежавшій на столѣ старый номеръ «Россіи» съ отчеркнутой синимъ карандашомъ статьею.

Изъ-подъ газеты выглянули счеты. Костяшки завертѣлись,—такъ энергично г. Гучковъ хватилъ газету.

— Это что такое? Что, я васъ спрашиваю? Хламъ! Мусоръ! Дрянь!

Онъ съ отвращеніемъ кинулъ газету по направленію къ г. Кантонистову.

Бѣдная газета поколебалась, описала въ воздухѣ полукругъ и упала около стола

— «Кадетовъ» революціонной партіей называете!!! Да еще доказываете! На весь народъ, во всю глотку орете: «Революціонная! Революціонная!» Обрадовались!

— Я полагалъ, того же взгляда держится правительство!— наконецъ выкрикнулъ Кантонистовъ среди этого потока.

— Гдѣ? Гдѣ держится? Здѣсь! А не тамъ!

Г. Гучковъ ткнулъ пальцемъ въ окно на улицу.

— Здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, я всякому «кадету» въ лицо швырну: «Революціонеръ!» Всякій, кто не съ нами, тотъ и революціонеръ! Очень просто! Но здѣсь! Мозги у васъ зачѣмъ? Шевельните! Здѣсь! А не тамъ! Не тамъ!

И онъ все тыкалъ, тыкалъ, съ ненавистью тыкалъ въ окно.

— Вѣдь это все равно, что русскому человѣку про вещь сказать: «Контрабандная!» Онъ ненужную вещь купитъ! Онъ втридорога за нее заплатитъ! «Контрабандная!» Дрянь втридорога купитъ,—и доволенъ останется. Такъ русскій человѣкъ устроенъ! И вы ему орете: «Революціонная!» Этакую ходовую этикетку на вещь наклеивать! Кто въ душѣ революціи не сочувствуетъ? Какъ оспа всѣмъ привита. Но боится: бомбы, вооруженныя возстанія. Ни въ бомбисты ни на баррикады итти никому не охота! А тутъ, вдругъ, на-те вамъ! Революціонная партія безъ бомбъ, безъ баррикадъ! На этихъ условіяхъ кто въ революціонеры не пойдетъ? Революціонная партія безо всѣхъ революціонныхъ ужасовъ! Которая какой-то секретъ безъ ужасовъ устроить революцію знаетъ! Кто жъ въ этакую партію не пойдетъ? Какъ же въ этакую партію не записаться? Вы, что же, рекламу «кадетамъ» дѣлаете? Членовъ имъ вербуете? Вы зачѣмъ наняты? Вамъ за что деньги платятъ?

— Извините меня! Я—литераторъ!

— Потому и говорятъ, что литераторъ! Литераторъ,—и пиши какъ слѣдуетъ!

Кантонистовъ весь ходилъ ходуномъ.

Толстое лицо его было багровое, дергалось,—словно сейчасъ ударъ хватитъ.

— Я дѣлаю Государево дѣло!

Голосъ вырвался визгливо.

— Что?—крикнулъ Гучковъ, ударивъ кулакомъ по столу.— Государево дѣло?

Онъ вскочилъ.

Онъ подошелъ вплотную къ Кантонистову. Лѣвую руку онъ держалъ въ жилетномъ карманѣ.

Лицо у него выражало презрѣніе, почти отвращеніе.

— Вы мнѣ этихъ словъ не го-во-ри-те! Вы мнѣ за этими словами, господа, не прячь-тесь!

Онъ говорилъ, отчеканивая каждый слогъ.

И даже погрозилъ пальцемъ.

— Государево дѣло!

И было въ тонѣ его что-то уничтожающее.

— Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ, въ одномъ процессѣ... Его противникъ, вотъ тоже, высокими предметами вздумалъ прикрыться! Знаете, что ему Плевако сказалъ? «Мой противникъ, выходя на борьбу, вышелъ съ иконою, спрятался за нее: «Не тронешь!» Но я икону бережно, благоговѣйно возьму и отставлю въ сторону. А тебя, раба Божія, изъ-за иконы-то... Ну-ка, ну-ка, поди сюда!» Государево дѣло! Субсидіи получать— Государево дѣло? Казенные харчи ѣсть—Государево дѣло? Брюхомъ вы его дѣлаете? Брюхомъ?

И онъ чуть не ткнулъ въ дѣйствительно полный животъ г. Кантонистова.

Такъ что тотъ инстинктивно его слегка вобралъ въ себя.

— Двадцатаго вы числа людишки, а не Государева дѣла. Жалованье имъ плати да еще престижъ ихній охраняй! Они тамъ дряни надѣлаютъ, а ты всѣми мѣрами престижъ ихъ охраняй. Они его въ грязи волочатъ, а ты его «высоко поднимай». «Мы дѣлатели Государева дѣла!» Они тамъ насквернятъ, а здѣсь всѣми департаментами Сенатъ думай, какъ ихъ изъ этой дряни вызволить «для поддержанія престижа». Вы мнѣ словами не тычьте! Ни вы, никто изъ васъ! Я васъ самъ словами, какъ изъ пулемета, разстрѣляю! Такими, что вы и не

лыхивали! Вы мнѣ громкими словами здѣсь не жонглируйте! Не дворянскій здѣсь режимъ. Поняли? Это дворянину вы! Вы дворянину громкое слово, а дворянинъ вамъ — рупь! Изъ меня этимъ гроша не вышибите. Деньги берете, товаръ давайте настоящій. Поняли?!.

— Я такъ кричать на себя...

— Что-съ?

Александра Ивановича словно желѣзомъ каленымъ тронули.

— Вамъ эполеты нужны? Вы предъ эполетами вверхъ животомъ лежать привычны и хвостомъ вилять? А предъ сюртукомъ, вы думаете, голосъ поднимать можно. На васъ генералъ-губернаторы орутъ, васъ такими словами пушатъ. А вы потомъ съ умиленіемъ въ мемуарахъ пишете: «Какъ имѣвшій счастіе быть ближайшимъ сотрудникомъ и подчиненнымъ его сіятельства,—могу подтвердить, что его сіятельство былъ строгъ и взыскателенъ къ намъ, своимъ маленькимъ сподвижникамъ и исполнителямъ его воли». Пень здѣсь будетъ поставленъ,—ню должны кланяться! Нанятой народъ! Купленная публика! Васъ посадили,—пиши какъ слѣдуетъ! Не щепки,—деньги платятъ. Сытъ, обутъ, одѣтъ, въ теплѣ—старайся. Заслуживай! Отъ твоя честь! Пиши дѣльно, толково, хорошо чтобъ было!

— Это на Толкучкѣ!

Голосъ Кантонистова звучалъ истерикой.

— На Толкучкѣ «писателей» въ комнату запирали, граинъ водки ставили: «пиши». Я не изъ нихъ, да и здѣсь...

Александръ Ивановичъ уперся руками въ бока и оглядѣлъ его трясущагося г. Кантонистова съ ногъ до головы.

— На Толкучкѣ?! На Толкучкѣ, братецъ вы мой, дѣйствительно, были писатели,—швахъ! Спившійся народъ. Потерянный. Не только графинчикъ имъ ставили,—сапоги снимали, чтобъ не сбѣжалъ: «пиши, а потомъ и обуешься!» А все-таки рептиліями ихъ никто не звалъ. Жалкій народъ, а не рептиліи. Поломойка, а не дѣвица. Поняли разницу?

— Извините! Я не привыкъ!.. Я не... не... ммогу...

Г. Кантонистовъ задыхался.

— Я... бббб... больше не могу... я... у... у... уххожу!

Александръ Ивановичъ безпечно пожалъ плечами и безпечнѣйшимъ тономъ сказалъ:

— Куды это? Къ ковейтскому султану съ Сигмой газету «Ковейтъ» издавать? Кто васъ возьметъ? Изъ рептилій-то? А? Дѣвица въ домѣ жила,—неважный шансъ на замужество! «Билетъ»-то плохое приданое! А вы къ хорошей пищѣ привыкли. Къ хорошему, вѣрному, казенному харчу. Тутъ, братъ, «Потерянный рай» писать трудно! Дѣло голодное. Съ «Потеряннымъ-то раемъ» съ голода насидишься. Тутъ, шалишь, не до литературы. Къ субсидіи привыкъ! Съ обезпеченнаго-то харча «по мѣстамъ» не очень пойдешь. Да и не возьмутъ на хорошее-то мѣсто. «Раньше гдѣ жила?» Всѣ вы, бывшія рептиліи, потомъ, какъ блохи въ табакѣ, погибали. Какъ на своихъ-то ногахъ очучались!

Александръ Ивановичъ совершенно успокоился, сѣлъ на свое мѣсто.

И говорилъ теперь, снисходительно улыбаясь:

— То-то! Жалѣючи васъ, говорятъ. Благодарны должны быть. Пишете вы скверно, а деньги берете хорошія. Васъ бы, по-настоящему, слѣдовало... А васъ, вниманіе берутъ, наставляютъ: какъ вамъ же себѣ пропитаніе достать. Объ васъ заботятся, все-таки думаютъ. Развѣ я не понимаю, что съ васъ можно требовать, чего нельзя? Развѣ я не понимаю, толкъ въ вашемъ братѣ? Нешто я не понимаю, что изъ вашего брата хорошихъ сортовъ въ продажѣ нѣтъ? Я отлично это понимаю. Но все-таки стараюсь и изъ васъ полезныхъ людей сдѣлать. И вы должны мнѣ соотвѣтствовать: стараться писать какъ слѣдуетъ, чтобы намъ, дѣйствительно, отъ васъ польза была, хлѣбъ свой зарабатывать. Такъ-то!

И послѣ маленькой паузы онъ добавилъ:

— А чтобы громкихъ словъ я отъ васъ больше не слышалъ. Громкими словами отъ меня не ограждайтесь. И себѣ это на носу зарубите и другимъ, въ вашемъ положеніи, скажите. Поняли? Чтобы я отъ васъ этого больше не слышалъ!

А не то я и впрямь Государево дѣло заставлю дѣлать. Знаете, какъ въ законѣ сказано: «за совѣсть». Заставлю по убѣжденію работать! Субсидію-то вотъ у васъ отниму. И хвалите меня по убѣжденію. Охраняйте по принципу. Поняли? Теперь идите!

XI.

Г. Кантонистовъ, шатаясь, вышелъ изъ кабинета.

Толстыя губы его, дрожащія, беззвучно почти шептали:

— Что же это такое?.. Господи, что же это?

Высокій воротничокъ его отъ пота размякъ и обвисъ.

Орденъ на шеѣ безпомощно болтался, перевернувшись на другую сторону.

Глаза были полны слезъ.

Всѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ.

Какой-то чиновникъ захотѣлъ чѣмъ-нибудь его утѣшить, отвлечь.

— Вы не досказали намъ,—чрезвычайно интересно!—какъ вы съ г. Сигмой наблюдали за главнокомандующимъ манджурской арміей...

Но г. Кантонистовъ посмотрѣлъ на него безразлично, словно не узнавая, и такъ сказалъ:

— Оставьте!

Что чиновникъ поспѣшилъ стушеваться.

Въ голосѣ Кантонистова послышался стонъ.

Не помнитъ Кантонистовъ, какъ вышелъ изъ передней, какъ сошелъ съ лѣстницы, куда пошелъ, гдѣ бродилъ!

Очнулся онъ на набережной Невы.

Дулъ вѣтеръ.

Кантонистовъ снялъ цилиндръ, чтобы обдуло голову.

Ее обдуло, и мысли стали приходить въ нѣкоторую ясность.

Кантонистовъ оглядѣлся, гдѣ онъ.

— «Невы державное теченье, береговой ея гранитъ!» — пришло въ голову Кантонистову.

Онъ любилъ красивыя и громкія выраженія, цитаты.

И «духъ празднословія» съ этой самой минуты вновь проснулся въ Кантонистовѣ.

И овладѣлъ имъ.

Онъ увидѣлъ черезъ рѣку церковь.

И перекрестился:

— Господи! Спаси Россію!

И у него мелькнула другая мысль:

— Не лично я, а всѣ мы, «Государевы людишки», какъ въ старину говорили,—угрозу ту должны воспріяти!

И онъ сталъ самоувѣреннѣе и оправился и снова пріобрѣлъ осанку.

— Всѣ мы должны сгрудиться противъ... противъ Толкучаго рынка!

Онъ почувствовалъ себя гордо.

Крикнулъ извозчика и, когда садился, подумалъ:

— «Толкучка идетъ»! Вотъ кличъ! Вотъ позывъ нашъ ратный!

Онъ поправилъ орденъ на шеѣ и важно сказалъ:

— Поѣзжай...

Но вспомнилъ, что у него воротничокъ размякъ.

Заѣхалъ домой, перемѣнилъ воротничокъ и поѣхалъ:

— Звать по городу!

XII.

А Александръ Ивановичъ Гучковъ привѣтствовалъ въ кабинетѣ французскаго корреспондента Жоржа Дорси:

— Извините! Заставилъ ожидать. Хотѣлъ соригинальничать: отечественной прессѣ отдать предпочтеніе предъ иностранной. Принялъ раньше!

Онъ вздохнулъ:

— Всѣ средніе люди любятъ оригинальничать. Прошу садиться. Весь къ вашимъ услугамъ.

— Ваше высокопрево...

— Ради Бога! Ради Бога! Ради Бога!

Александръ Ивановичъ засмѣялся и замахалъ руками:

— Г. министръ! Г. Гучковъ, если вамъ угодно. Только не то! Не портите! Привыкнешь къ этому трехъэтажному слову. Къ хорошему-то скоро привыкаютъ! А тамъ недѣли черезъ двѣ и трудно будетъ отучаться!

На лицѣ французскаго журналиста выразилось величайшее изумленіе. Недоумѣніе:

— Какъ? Вы серьезно думаете...

Александръ Ивановичъ спокойно пожалъ плечами:

— Окажусь непригоднымъ. Вотъ и все. Я и сейчасъ, откровенно вамъ говорю, плохо понимаю: почему я здѣсь? Я отказывался. Я всегда отказывался. Вы думаете: для того, чтобъ меня хорошенько попросили? Клянусь вамъ, нѣтъ. Способностей за собой не чувствую. Ну, какой я министръ? Я говорилъ правду: «я еще могу принести пользу, но не какъ министръ, а въ борьбѣ, какъ партійный человѣкъ». Да и то... Я—неудачникъ, и какъ партійный человѣкъ. Среди земскихъ людей я высказалъ свое мнѣніе... и остался одинъ! Политическій дѣятель въ одиночествѣ! Въ «союзѣ 17 октября» я исповѣдывалъ свое «вѣрую», и... лишилъ партію такого столпа, какъ г. Шиповъ. Онъ ушелъ. Партія, въ глазахъ всего общества, лишившись такой подпоры, еще больше наклонилась вправо. Еще больше потеряла. Я принесъ ей вредъ! На выборахъ меня забаллотировываютъ! Какой я—политическій дѣятель. Въ политику меня занесло случайно. Какъ заносило къ бурамъ, въ Китай, въ плѣнъ къ японцамъ. И я все больше и больше вижу: напрасно. Я разговариваю съ вами, видите, совершенно откровенно. Прошу вѣрить искренности моихъ словъ. Какой я—политикъ? Откуда? Я—неудавшійся ученый. Моя мечта была—профессура. Я—ученый, а не политикъ! Спеціалистъ по «Одиссеѣ». Вотъ моя спеціальность, склонность. Отъ греческихъ-то аристовъ къ государственному управленію! Дистанція, какъ отъ юга Африки до Китая! Я—неудачникъ. Не знающій, куда себя пристроить. Бросающійся всюду. По всему земному шару. Во всемъ мірѣ не находящій мѣста, гдѣ бы я былъ на мѣстѣ.

Отчаявшійся въ себѣ. Пожелтѣвшій листъ, который подняло бушующимъ теперь ураганомъ на такую высоту. Вините ураганъ!

Г. Гучковъ снова пожалъ плечами:

— Я тутъ ни при чемъ!

— Я попросилъ бы у васъ интервью.

— Я и интервьюируюсь.

Недоумѣніе французскаго журналиста все росло и росло.

— Вы позволите это напечатать?

— Прошу! Я вовсе не хочу обманывать никого въ моихъ силахъ! Брать на себя непосильныхъ обязательствъ! Вотъ еще! Съ какой стати? Чтобъ выйти потомъ жалкимъ? Смѣшнымъ? Я—купецъ и къ обязательствамъ привыкъ относиться серьезно. Не выдавать такихъ, какихъ я не могу выполнить. Я вамъ показываю откровенно свой балансъ. Вотъ что я имѣю. Въ Россіи это знаютъ всѣ. Всѣ мои политическія неудачи,—а у меня не было ничего, кромѣ неудачъ, — извѣстны каждому ребенку. И я не хочу обманывать остального міра. Вы спросите: почему же на мнѣ остановились, зная мою неспособность? Вѣроятно, потому же, почему на кручѣ хватаются за былинку. Подъ руками нѣтъ дерева! Не за что схватиться! Я—послѣдній. Дальше меня—хаосъ... И рѣшили испробовать послѣднее. Взять меня. Если берутъ завѣдомаго неудачника,— вы видите, что выбирать, значитъ, не изъ кого. Вы спросите: какъ же я взялся, сознавая свою полную неспособность? Я отвѣчу вамъ опять-таки искренно и откровенно: долгъ. Человѣкъ хромой, однорукій,—какой онъ воинъ? Но когда его призываютъ,—уже изъ самаго факта, что его,—его!—призвали, слѣдуетъ, что онъ долженъ итти подъ ружье. Значитъ, таково положеніе. Значитъ, дѣлать больше нечего, если его призываютъ! Я не пошелъ. Я подчинился.

Въ тонѣ Жоржа Дорси послышалось даже сожалѣніе къ бѣдному человѣку:

— У васъ есть программа?

Александръ Ивановичъ отвѣтилъ безнадежно:

— Никакой!.. То-есть никакой своей, личной. Вотъ!

Онъ досталъ изъ кармана «Правительственный Вѣстникъ». Старый, вытершійся.

— Актъ 17 октября. Я выучилъ его наизусть. Какъ «Вѣрую». Это вся моя программа. Все, съ чѣмъ я пускаюсь въ плаванье. Мой компасъ. Мой метръ. Мнѣ предлагаютъ сдѣлать то-то, — я примѣряю: подходитъ къ акту 17 октября. Да, отлично. Нѣтъ,—отвергаю. Мнѣ предлагаютъ держаться такого-то направленія,—я смотрю на свой компасъ. «Своего» отъ меня ничего не ждите!

— Это одна сторона задачи: реформы. А успокоеніе страны? Ваши предшественники говорили: сначала успокоеніе, затѣмъ реформы. Страна, кажется, говоритъ: сначала реформы, потомъ успокоеніе. Какъ вы относительно успокоенія и мѣръ къ нему?

— Не знаю!

Французскій журналистъ даже съ мѣста привсталъ:

— Какъ?

Александръ Ивановичъ безпомощно развелъ руками:

Рѣшительно ничего не знаю. Повторяю вамъ: я—никакой администраторъ. Политикъ хоть плохой, но администраторъ совсѣмъ никакой. Никогда имъ не былъ, не собирался быть! Тутъ я буду слушаться тѣхъ, кто знаетъ это дѣло. Слушаться слѣпо. Повиноваться вполнѣ. Это не только самое разумное,— это единственное, что я могу сдѣлать. Тутъ ужъ у меня нѣтъ никакого масштаба: что подходитъ, что не подходитъ. Что практично, что непрактично. Что полезно, что вредно. Въ реформахъ тамъ у меня есть мѣрка: актъ 17 октября. Прикинулъ къ нему, — и все. Здѣсь у меня нѣтъ ничего: ни знаній, ни опыта, ни навыка, ни умѣнья. Ничего! Я долженъ слушаться, писать подъ диктантъ. И буду! Резюмирую: все, что касается проведенія реформъ, будетъ мое. На этомъ я ставлю свой бланкъ. Все, что касается такъ называемаго «успокоенія страны»,—не мое, чужое. Я—простая передаточная инстанція,—и только. Телеграфистъ, разсылающій пучокъ телеграммъ, которыя ему дали. Телеграфъ, какъ вамъ извѣстно, за содержаніе телеграммъ не отвѣчаетъ. Всѣ порицанія и всѣ

похвалы я заранѣе отклоняю отъ себя. Вотъ вамъ и вся моя «программа», если только это можно назвать программой. Врядъ ли когда-либо гдѣ-либо министръ-президентъ вступалъ въ должность съ такимъ тощимъ портфелемъ. Но что же дѣлать? Если въ странѣ лучшаго министра нѣтъ! Прошу извинить меня за такое неинтересное интервью.

— Что вы... Оно, правда, оригинально... но это не недостатокъ.

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!

Александръ Ивановичъ, ясно улыбающійся, стоялъ предъ недоумѣвающимъ иностраннымъ журналистомъ.

— Вы разрѣшаете все это напечатать?

— Прошу объ этомъ! Что же! На «нѣтъ» и суда нѣтъ! Зачѣмъ вводить людей въ заблужденіе?

— Такъ я и напечатаю.

— Такъ вы и напечатайте.

— Благодарю васъ!

— Не за что.

— Имѣю честь...

— Всегда къ вашимъ услугамъ.

И когда дверь за Жоржемъ Дорси затворилась, у Александра Ивановича вдругъ сдѣлалось, мальчишески даже, веселое лицо.

Онъ лукаво прищурилъ глазъ.

И вдругъ...

Министръ-президентъ вдругъ тихонько запѣлъ, на мотивъ «джонакина» изъ «Гейши», чеховскую фразу:

„Не угодно ль этотъ финикъ вамъ принять?
Не угодно ль, не угодно ль
Этотъ финикъ, этотъ финикъ
Вамъ приня-ять?!.“

Александръ Ивановичъ позвонилъ и весело сказалъ вошедшему чиновнику:

— Пріемъ конченъ.

Чиновникъ поклонился:

— Когда вашему высокопревосходительству угодно будетъ принять ближайшихъ чиновниковъ министерства?

Александръ Ивановичъ весело отвѣтилъ:

— Это успѣется!

Любезнѣйше пожалъ руку чиновнику:

— Это вѣдь не къ спѣху?

И легкой походкой человѣка, довольнаго всѣмъ сдѣланнымъ и самимъ собой, пошелъ во внутреннія комнаты.

Чиновникъ окаменѣлъ на мѣстѣ и взглядомъ, полнымъ глубокаго изумленія, смотрѣлъ въ спину уходящему министру.

XIII.

— Пріема сегодня больше не будетъ! — объявилъ чиновникъ, выйдя изъ кабинета.

Въ пріемной произошло движеніе. Послышался кашель, негромкія замѣчанія, кто-то засмѣялся.

Всѣ пошли.

Сморщенная старушонка съ трясущейся головой изводила чиновника:

— А въ среду не будетъ? Въ четвергъ пріемъ? Опять въ одиннадцать часовъ?

— Въ одиннадцать! Въ одиннадцать! — отмахивался чиновникъ.

— Такъ я къ одиннадцати и приду!

Публика толпой спускалась по лѣстницѣ.

Какъ вдругъ что-то произошло.

Бывшіе на нижнихъ ступеняхъ кинулись вверхъ съ блѣдными, искаженными лицами.

Произошла сумятица.

Раздались крики.

— Поймали!

— Бомба!

Черезъ минуту вся публика стояла наверху.

Блѣдная, взволнованная. Многіе тряслись. Нѣкоторые плакали. Послышался истерическій крикъ какой-то дамы. Сначала тихій. Потомъ громче. Потомъ раздирающій уши.

Лѣстница была пуста.

Теперь сверху отлично было видно.

Посреди передней, окруженный курьерами и какими-то людьми въ сюртукахъ, стоялъ офицеръ.

Его держали сзади за руки.

Какой-то человѣкъ въ черномъ вынималъ у него изъ кармана панталонъ револьверъ.

Солдатъ что-то возбужденно и радостно разсказывалъ полицейскимъ, показывая пальцемъ на офицера.

У вѣшалки, около офицерскаго пальто, стоялъ, вытянувшись, блѣдный человѣкъ въ сюргукѣ, съ окладистой черной бородой.

Въ числѣ публики изъ пріемной спустился высокій, стройный и статный офицеръ, записавшійся на пріемѣ офицеромъ N—скаго полка, расположеннаго въ Петербургѣ.

Молодой, съ небольшой мягкой русой бородкой, съ чрезвычайно красивыми, мягкими, грустными глазами.

Съ шапкой въ рукахъ.

Пока курьеры подавали другимъ платье, онъ самъ подошелъ къ своему пальто.

Курьеръ было бросился снимать пальто съ вѣшалки, но офицеръ мягко сказалъ:

— Я самъ.

Онъ сталъ къ пальто вплотную и опустилъ руку въ карманъ пальто.

— Но ничего не досталъ! — какъ пояснилъ стоявшій около господинъ въ сюртукѣ съ окладистой бородой, не спѣшившій почему-то одѣваться.—Какъ будто вынулъ что-то изъ шапки и сунулъ.

Въ эту минуту къ офицеру подошелъ курьеръ.

— Ваше благородіе, васъ солдатъ спрашиваетъ!

Офицеръ живо повернулся.

Передъ нимъ, вытянувшись во фронтъ, стоялъ солдатъ его полка.

Офицеръ взглянулъ изумленно и сдѣлалъ шагъ къ солдату.

— Что тебѣ?

— Полковникъ Палаузовъ приказали сказать вашему благородію, что они ждутъ васъ къ себѣ немедля!

Офицеръ смутился.

— Скажи полковнику...

Но въ эту минуту его сзади схватили за руки, и надъ ухомъ онъ услыхалъ голосъ:

— Никакого полковника Палаузова въ полку нѣтъ!

А человѣкъ въ черномъ сюртукѣ и съ окладистой бородой, быстро проведя рукой по висѣвшему пальто, крикнулъ:

— Въ карманѣ бомба!

Еще когда офицеръ, съ шапкой въ рукѣ, поднялся, помедливши около пальто и доставши изъ кармана что-то бѣлое, вѣроятно, платокъ, одинъ изъ людей въ черномъ сюртукѣ, чрезвычайно солиднаго вида, повелъ на него глазами и тихо спросилъ у сосѣда:

— Видѣлъ? Офицеръ?

— Надоть будетъ экзаментъ сдѣлать, — отвѣтилъ тотъ.

Куда-то ушелъ и вернулся въ солдатскомъ мундирѣ съ погонами того полка, къ которому принадлежалъ офицеръ.

— Иди наверхъ. Становись въ дверяхъ въ пріемной.

— А ты чиновнику скажи, чтобы вызвалъ: «солдатъ, молъ, пришелъ. Васъ спрашиваетъ». Сразу видать будетъ.

Въ этотъ моментъ пріемъ былъ неожиданно прекращенъ, и публика пошла внизъ.

Публику теперь «процѣживали».

Передъ лицами извѣстными извинялись:

— Простите, ваше-ство, что задержали. Такія времена!

У неизвѣстныхъ «устанавливали самоличность», спрашивали адресъ.

Телефонъ звонилъ.

Старушка съ трясущейся головой сидѣла на деревянномъ стулѣ съ высокой спинкой.

Помощникъ пристава отдавалъ ей обратно ридикюль, запрятывая въ него засаленныя бумаги.

И говорилъ укоризненно:

— Такое время! А вы съ ридикюлями къ министрамъ ходите! Эхъ, вы!

Молодого человѣка въ офицерскомъ мундирѣ провели наверхъ.

— Господа! Разступитесь!..

На него глядѣли взволнованныя лица. Кто съ любопытствомъ, кто—со злобой, кто уже съ сожалѣніемъ.

Кто-то крикнулъ:

— Ахъ, ты!

И хотѣлъ его наотмашь ударить.

Но чиновникъ брезгливо отстранилъ его:

— Въ министерствѣ не дерутся!

И господинъ, только что хотѣвшій бить «бомбиста», окрысился вдругъ на чиновника:

— Развѣ что въ министерствѣ!

Къ Александру Ивановичу Гучкову вбѣжалъ чиновникъ, взволнованный, съ трясущимися губами.

— Ваше высокопревосходительство, бомба!

Александръ Ивановичъ поднялся.

— Какая? Гдѣ?

Чиновникъ, торопясь, не договаривая словъ, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Г. Гучковъ криво улыбнулся:

— Скоро!

Онъ прошелся по комнатѣ и засмѣялся нервнымъ смѣхомъ:

— Скорѣе военно-полевыхъ судовъ! Рекордъ! Кто скорѣе?

Онъ еще прошелся по комнатѣ.

— Гдѣ этотъ... Онъ?

— Допрашиваютъ.

— Приведите его ко мнѣ и оставьте насъ однихъ.

Минуты черезъ двѣ въ сосѣдней комнатѣ, у двери, раздался звонъ нѣсколькихъ паръ шпоръ.

Дверь отворилась, и вошелъ человѣкъ въ офицерскомъ мундирѣ.

Не офицеръ, а уже человѣкъ въ офицерскомъ костюмѣ.

Это былъ безукоризненный офицеръ. Офицеръ съ головы до ногъ. Прямой, съ военной выправкой.

Теперь онъ нѣсколько сгорбился. Осанка исчезла.

Мундиръ висѣлъ на немъ нескладно.

Онъ былъ похожъ на человѣка, одѣтаго въ чужое платье.

Переряженный штатскій.

—«Словно актеръ за кулисами», подумалъ Гучковъ, съ интересомъ оглядывая вошедшаго, остановившагося у дверей.

XIV.

— Вы не графъ? — спросилъ г. Гучковъ.

Вошедшій посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— А то у насъ предводители всѣхъ партій графы!.. Кто вы: рабочій, интеллигентъ?

Молодой человѣкъ, до сихъ поръ понурый, при этомъ вопросѣ выпрямился, глаза его загорѣлись.

Онъ смотрѣлъ прямо и смѣло.

— Вы можете меня казнить. Какъ военно-плѣннаго въ дикой войнѣ. Но права судить меня я за вами не признаю. И долженъ васъ предупредить, что отвѣчать на ваши вопросы не намѣренъ. Считаю излишнимъ!

Александръ Ивановичъ подошелъ къ нему вплотную. Онъ улыбался привѣтливой улыбкой.

— Это не допросъ, — сказалъ онъ мягко, — это разговоръ. Простой разговоръ, который... даю вамъ слово!.. останется между нами!

И энергично протянулъ ему руку.

Тотъ машинально подалъ ему свою.

Хотѣлъ отдернуть. Но Александръ Ивановичъ нѣсколько секундъ задержалъ его руку въ своей.

— Садитесь... прошу садиться.

Они сѣли около стола.

— Вы—интеллигентъ! — сказалъ Александръ Ивановичъ, такъ же привѣтливо и мягко, съ интересомъ глядя на собесѣдника.—У васъ мягкая рука. Не грубая, мягкая кожа на ладони. Не рабочаго!

Того дернуло:

— Фи!

Александръ Ивановичъ улыбнулся:

— Мнѣ просто хотѣлось знать, съ кѣмъ я говорю. Это не допросъ. Допрашивать васъ будутъ тѣ... Кто вы? Что вы? Я васъ не спрашиваю. По жребію ли вы явились исполнить приговоръ? Или по собственной охотѣ? Чей это былъ приговоръ? Какого-нибудь центральнаго комитета? Мѣстнаго? Или у васъ у самого явилась мысль: «Вотъ, человѣкъ назначенъ министромъ,— значитъ, надо его убить». Сами вы приготовили бомбу? Дали вамъ ее? Мнѣ это... неинтересно. Я просто хочу поговорить съ вами. Я буду говорить. Не вы. Вы видите, я отъ васъ ничего не хочу. А вы, слушая меня, тѣмъ временемъ немного успокоитесь.

— Я совершенно спокоенъ! — отвѣтилъ неизвѣстный гордо. Даже немножко высокомѣрно.

— Тѣмъ лучше! — совершенно спокойно сказалъ Александръ Ивановичъ.—Больше могу разсчитывать на ваше вниманіе. Я просто хочу воспользоваться рѣдкимъ случаемъ. Вѣдь не всякому удается поговорить со своимъ убійцей! — Александръ Ивановичъ разсмѣялся добродушнѣйшимъ смѣхомъ.—Мы съ вами, въ нѣкоторомъ родѣ, люди, вернувшіеся съ того свѣта! Это придаетъ нашей бесѣдѣ нѣкоторую, если хотите, пикантность. Во всякомъ случаѣ, не заурядно! Когда министру приходится встрѣчаться, господа, съ вами? А встрѣтился... и конецъ! Вы извините, что министръ хочетъ воспользоваться такимъ рѣдкимъ... для министра случаемъ? Наполеонъ III, говорятъ, бе-

сѣдовалъ съ Орсини, бросившимъ въ него бомбу. Знаете, около Оперы? Но Наполеонъ спрашивалъ Орсини. А тутъ, повторяю, буду говорить я.

Онъ съ минуту помолчалъ.

— Итакъ, вы хотѣли меня убить...— сказалъ Александръ Ивановичъ, снова съ интересомъ разглядывая молодого человѣка.

— И очень сожалѣю, что мнѣ это не удалось! — рѣзко отвѣчалъ неизвѣстный.

— А я очень радъ, что вы не выронили бомбы въ пріемной. Погибло бы много ни въ чемъ неповинныхъ людей. Но дѣло не въ этомъ. Вѣдь «въ дракѣ волосъ не жалѣютъ»? Не такъ ли? Дѣло не въ этомъ. Вы хотѣли меня убить. И я вамъ очень благодаренъ!

Онъ, улыбаясь, смотрѣлъ на молодого человѣка.

Сосредоточенное лицо того, казалось, бывшаго мыслями далеко отсюда, оживилось.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на г. Гучкова.

— Да! Чрезвычайно вамъ признателенъ. Я не популяренъ. Сегодня къ вечеру телеграфъ разнесетъ, а завтра утромъ весь міръ, вся Россія прочтетъ, что на министра-президента Гучкова было покушеніе. Когда? Я никого не повѣсилъ. Никого не разстрѣлялъ. Я не успѣлъ еще издать ни одного приказа. Подписать ни одной бумаги. И человѣка убиваютъ! За что? Тысячи людей возмутятся. И тысячи людей почувствуютъ ко мнѣ невольную симпатію, которую чувствуютъ ко всякому человѣку, который ничего не сдѣлалъ и котораго казнятъ смертью. Благодарю васъ! Возбудить симпатіи, еще ничего не сдѣлавъ! Это недурное начало! Но... вамъ до этого какое дѣло? Каковъ я? Сдѣлалъ я? Не сдѣлалъ? Могу сдѣлать! Вы ведете партизанскую, вы говорите, войну. Я становлюсь на вашу точку зрѣнія. Вы—буры. Мы—англичане. Какое вамъ, на самомъ дѣлѣ, дѣло? Вы видите мундиръ,—и по немъ стрѣляете! На войнѣ, какъ на войнѣ! Я не буду вамъ много говорить, что всѣхъ не перебьете. Это старо. Нѣтъ болѣе окровавленнаго кресла, чѣмъ это!

Александръ Ивановичъ ударилъ по ручкѣ кресла, на которомъ сидѣлъ.

— На немъ сидѣлъ Сипягинъ! На немъ сидѣлъ фонъ-Плеве! На немъ дрожалъ за свою жизнь Витте. Дрожалъ Дурново. Безпокойно ворочался Горемыкинъ. На немъ Столыпинъ рыдалъ о своихъ искалѣченныхъ бомбою дѣтяхъ. На немъ теперь Гучковъ бесѣдуетъ со своимъ убійцей. Пусть меня убьютъ завтра утромъ,—завтра же къ вечеру на немъ будетъ сидѣть кто-нибудь другой. Да еще съ какой радостью сядетъ!.. «Мѣсто свято не бываетъ пусто», говорятъ у насъ. Оно, пускай, министерство, да еще внутреннихъ дѣлъ. не Богъ вѣсть какое святое мѣсто! Но поговорка и относительно него вѣрна. Въ чемъ, въ чемъ,—въ министрахъ недостатка не будетъ!.. У васъ болѣли когда-нибудь зубы?

— Я, право, не понимаю, вообще, къ чему...

— Допустимъ, нѣтъ! Я не спрашиваю васъ ни о чемъ! Условлено! Самое непріятное въ зубной боли, — что всѣ вамъ даютъ совѣты. У каждаго, оказывается, есть «свое» средство отъ зубной боли. У всякаго русскаго, милостивый государь, свое средство отъ зубной боли и свое средство спасти отечество! Прежде это было нѣчто платоническое. Человѣкъ дѣлался министромъ, и умиралъ министромъ! Надеждъ не было ни у кого. Теперь требуется по четыре министерства въ годъ! По четыре раза въ годъ требуются люди, знающіе «свое» средство спасти отечество! Кликни только кличъ! Все равно, что напечатать въ газетахъ: «10.000 тому, кто имѣетъ свое средство отъ зубной боли». Завтра 10 милліардовъ нехватитъ. Въ министры! Въ солдаты только никто не хочетъ итти! А если бы набирали прямо въ генералиссимусы? Что бы по всѣмъ деревнямъ пошло! Рекрутскій наборъ,—въ воинскихъ присутствіяхъ двери бы ломали! Въ ногахъ бы валялись, только «забрей»! То же самое и относительно губернаторовъ, полицмейстеровъ, участковыхъ приставовъ, околоточныхъ, даже просто городовыхъ. Разныя у разныхъ людей бываютъ честолюбія. Одинъ иначе какъ на креслѣ министра не помирится, для другого и

мѣсто околоточнаго — «постъ». Что околоточнаго! Жилъ я на дачѣ подъ Москвой. Слышу какъ-то коровница съ горничной разговариваютъ. Про куму. Замужъ выходитъ. «Такое Богъ счастье послалъ! Такое счастье!» — «Хорошій человѣкъ-то?» — «И-и! Такой хорошій. При отличномъ мѣстѣ!» — «Гдѣ же онъ?» — «Въ сыщикахъ служитъ. Въ сыщикахъ, матушка!» Разныя у разныхъ людей мечты. И одно можно сказать: на всякій постъ всегда десять честолюбцевъ есть! Ведите же вашу партизанскую войну! Бейте! Бейте министровъ, околоточныхъ, губернаторовъ, приставовъ, городовыхъ! Очищайте вакансіи! Дрожа каждую секунду за свою жизнь, они будутъ звѣрѣть, звѣрѣть! За каждымъ убійствомъ репрессія, репрессія! И всѣ эти репрессіи будутъ сыпаться на голову общества. Люди, знаете, мало склонны къ справедливости, когда рѣчь идетъ о собственной шкурѣ. Въ своемъ дѣлѣ человѣкъ судья плохой. И къ отвлеченнымъ разсужденіямъ! И къ отыскиванью причины причинъ. Когда кожу дерутъ, не до логики. Не разсуждаютъ, а вопятъ. И общество завопитъ: «Изъ-за этихъ революціонеровъ намъ житья нѣтъ!» Все завопитъ. Девять десятыхъ его завопитъ. И вы подготовите намъ, создадите, усилите реакцію въ общественномъ мнѣніи. Но что вамъ общество? Буржуазное общество? Вы думаете о немъ, о «теперешнемъ» обществѣ, такъ же мало, какъ думаютъ на войнѣ войска о тѣхъ поселянахъ, по нивамъ которыхъ они идутъ на бой. Въ той деревнѣ непріятель,—и они идутъ напрямки, по полю гаоляна, и топчутъ его, очень мало думая, не думая о владѣльцахъ, которыхъ они разоряютъ! Вы думаете о своей арміи,—о пролетаріатѣ. А пролетаріатъ силенъ тѣмъ, что ему нечего терять. Въ этомъ его могущество въ бою. «Хуже не будетъ»,—это тѣ пулеметы, которые поставлены въ тылу арміи и гонятъ ее впередъ, впередъ, впередъ! Но окажется, что можетъ быть и «хуже». Окажется, что и пролетарію есть что терять, когда будутъ отняты сонъ, увѣренность, что не проснешься подъ слова: «Висѣлица готова». Я не знаю, до чего дойдетъ! Можетъ-быть, будутъ вѣшать на фонаряхъ! Вы и правительство встали на дыбы, и я не знаю, до какой вы-

соты вы подниметесь! Пусть же жизнь станетъ, въ концѣ-концовъ, невозможной. А съ каждой бомбой и каждой висѣлицей она къ этому все ближе и ближе идетъ. Пусть будутъ забастовки, крахи, безработные считаются сотнями тысячъ, милліонами. Пусть станетъ невозможно ничего дѣлать: торговать, пахать, работать, учиться, спать. Пусть жизнь, сама жизнь станетъ невозможной. И ваша армія увидитъ, что стоявшіе у нея въ тылу пулеметы «хуже не будетъ» были ложь. Что терять было что, что многое потеряно. Что впереди еще потери, еще хуже. И у вашей арміи, измученной, истомленной, опустятся руки. Тогда начнется отливъ,—и, пользуясь имъ, мы распустимъ паруса и выйдемъ въ открытое море. Намъ будетъ дорого стоить побѣда,—вамъ дорого стоить пораженіе. Эхъ!

Александръ Ивановичъ почти застоналъ и принялся ходить по комнатѣ:

— Если бы я могъ! Если бы меня послушали!! Я завтра, сегодня же разрѣшилъ бы все. Митинги? Когда угодно, гдѣ угодно. Рѣчи? Какія угодно. Призывъ къ вооруженному возстанію? Сколько угодно. Я открылъ бы всѣ границы. Браунинги, маузеры, револьверы,—сколько угодно. Везите прямо! Открыто. Во всѣ таможни.

Онъ расхохотался:

— Только не пушки! Пушки намъ, вамъ револьверы! Отъ пошлины бы освободилъ! Везите сотнями, тысячами. Проволоки бы телеграфной далъ закрѣплять баррикады. Стройте! Выходите! Только выходите! Я хочу боя! Генеральнаго сраженія! Генеральнаго,—слышите! Сразу,—или тѣ, или другіе. Вы, господа, жуете Россію. Старую Россію! Жуете медленно, мучительно, долго, больно. Киньтесь же на старую Россію. Киньтесь! За глотку! Сразимся! А вы жуете! Это бѣситъ, раздражаетъ, мучитъ меня! Я—не кровожадный человѣкъ, и если бы я могъ, я бы васъ съ удовольствіемъ отсюда выпустилъ: идите! Но если нужна операція надо мной, надъ моимъ отцомъ, надъ моей матерью,—пусть, скорѣе и сразу! Чѣмъ тысячи маленькихъ уколовъ, отрѣзыванье мяса по кусочку! Я боюсь страданій, а не опасности.

Опасность есть? Пусть приходитъ скорѣе! Чтобъ я увидѣлъ ее въ лицо. Если бъ я могъ, я бы облегчилъ вамъ всѣ приготовленія къ революціи, къ генеральному сраженію. Вы видите, я не боюсь! Я не боюсь!

— А бомба?

Молодой человѣкъ хмуро и иронически улыбнулся.

Александръ Ивановичъ провелъ рукой по лицу и помолчалъ нѣсколько секундъ:

— Моментъ. И только! Страшно, говорятъ, не умереть, а умирать. А тутъ этого нѣтъ. Разъ, — и нѣтъ человѣка! И неожиданно! Развѣ я могъ ждать сегодня? Сегодня же?.. Мнѣ приходилось видать смерть въ лицо. И приходилось ее ждать. А здѣсь этого нѣтъ. Здѣсь—легче... Каждый человѣкъ въ моментъ рожденія приговоренъ къ смертной казни. Это общее мѣсто. И если думать объ этомъ,—вся жизнь будетъ «послѣдними днями приговореннаго къ смерти». Я часто бывалъ готовъ къ смерти и думалъ: не умрешь сегодня, когда готовъ, можетъ-быть, какъ трудно это будетъ потомъ. Больше всего любишь жизнь, когда лежишь за кочкой, и кругомъ гудятъ пули, и каждую секунду ждешь: вотъ хлопнетъ шальная! Можетъ, и на постели умирающаго чувствуешь то же. Ту же любовь къ жизни. Только въ тѣлѣ, измученномъ страданіями, обезсиленномъ болѣзнью, ослабѣлъ, обезсилѣлъ духъ. Будешь цѣпляться за доктора: «Докторъ, спасите! Еще пожить!» Бррр... А тутъ...

Александръ Ивановичъ улыбнулся:

— Ничего не ждешь. Нежданный и безболѣзненный переходъ въ вѣчность. Смотришь на человѣка: «Что этому офицеру отъ меня надо?» А офицеръ поднялъ высоко обѣими руками шапку. И въ другой, неизвѣстной, странѣ. Что тамъ? Это даже интересно. Я люблю путешествовать.

Онъ вдругъ повернулся къ своему неизвѣстному собесѣднику:

— Послушайте! Напишите вашимъ, что вамъ говорилъ министръ-президентъ относительно революціи. Говорилъ искренно, откровенно. Зная рессурсы государства, какъ ихъ не знаете, господа, вы. Я вамъ даю мое честное слово,—этого письма не

увидитъ никто. Кромѣ меня. Я его, конечно, долженъ буду сначала, въ вашемъ присутствіи, прочесть, чтобы вы не написали чего-нибудь другого. Я готовъ содѣйствовать революціи, — г. Гучковъ улыбнулся, — какъ готовъ содѣйствовать, чтобы нарывъ скорѣй созрѣлъ и прорвался. Но, къ сожалѣнію, не имѣю на это полномочій. Вы передадите имъ просто мои прямыя, откровенныя слова. Вѣдь важно же знать мысли противника! А я даю вамъ мое честное слово, что адреса не прочту ни я ни кто другой. Я сдѣлаю такъ, что письмо будетъ опущено человѣкомъ, не знающимъ, отъ кого, кому, въ чемъ дѣло. Я вамъ даю слово. Вотъ моя рука!

— Вы уже знаете, какія у меня руки!— поморщился молодой человѣкъ.

Г. Гучковъ отвернулся:

— Фу! Какая между нами пропасть!

— Вы можете меня повѣсить. Но входить съ вами въ какіе бы то ни было условія и договоры я не считаю возможнымъ.

— Да, васъ, вѣроятно, повѣсятъ,—просто и спокойно сказалъ Александръ Ивановичъ, — хотя, повторяю, я бы этого не хотѣлъ. Я предпочелъ бы, чтобы вы дожили до того дня, когда вамъ пришлось бы сказать: «Гучковъ былъ правъ!»

Александръ Ивановичъ пожалъ плечами:

— Или, быть-можетъ: «Покойный Гучковъ былъ правъ». Но: «правъ»!

Онъ позвонилъ.

Вошелъ чиновникъ.

— Этотъ господинъ можетъ итти!

Неизвѣстнаго взяли жандармы.

Оставшись одинъ Александръ Ивановичъ перекрестился.

XV.

— Сурьезно началъ!—сказалъ Доримедонтъ Пароенычъ.

Онъ кончилъ «свой день» въ швейцарской и пришелъ къ себѣ.

И солидно добавилъ:

— Видать, что его цѣнятъ. Въ первый же день хотѣли...

Доримедонтъ Парѳенычъ снялъ свою красную, съ золотымъ позументомъ и съ черными орлами, ливрею, которую «принялъ» будущій зять, чиновникъ, деликатно встряхнулъ и повѣсилъ.

Доримедонтъ Парѳенычъ сѣлъ къ столу, подвинулъ къ себѣ стаканъ въ массивномъ серебряномъ подстаканникѣ, съ надписью:

«Доримедонту Парѳенычу отъ его подчиненныхъ курьеровъ».

И принялся за чай.

Будущій зять далъ ему отпить полстакана и искательно спросилъ:

— Ну, а какъ по сравненію съ другими, папаша?

Доримедонтъ Парѳенычъ помолчалъ.

— Повернулъ круто.

— Круто-съ?

— Въ полиціи не служилъ. А генералъ-губернаторъ!

Доримедонтъ Парѳенычъ снисходительно улыбнулся и досталъ изъ кармана вмѣстительный черный кожаный кошелекъ, куда онъ клалъ «вниманіе».

Доримедонтъ Парѳенычъ никогда не говорилъ: «далъ на чай», а всегда выражался:

— Выразилъ вниманіе.

Будущій зять воззрился.

— Графъ Свидригайловъ! — сказалъ Доримедонтъ Парѳенычъ, разглаживая десятирублевку.—Прежде къ намъ, какъ къ адвокату, ходилъ... или въ ресторанъ!—«Дома?»—«Не выѣзжали-съ!»—«Доложите!» И идетъ... Бомбой вылетѣлъ. Не сразу въ рукавъ попалъ! Графъ...

Онъ назвалъ фамилію «графа мирнообновленскаго».

— Вышелъ, голова трясется. Видать, что улыбается, а на глазахъ слезы. Г. Кантонистовъ...

Доримедонтъ Парѳенычъ тихо засмѣялся и покачалъ головой, разглаживая смятую въ комокъ трехрублевку.

Долго въ калоши попасть не могъ. Ему ужъ курьеръ ножки въ калоши направилъ. Дверью все ошибался. То ко мнѣ, то въ курьерскую, то въ полицейскую дежурную тянется. Заблудился!.. Пришлось помочь: подъ локотокъ на воздухъ вывести. Охранникамъ все кланялся, курьеру въ забвеніи руку жалъ. Ущемили.

Онъ вынулъ серебряный рубль и звякнулъ имъ по столу:

— Одинъ князь! Ему хоть бы что! И вниманія выражаетъ,—рубль! Ну, этотъ...

Доримедонтъ Пароенычъ качнулъ головой и значительно крякнулъ:

Отъ Юрія Милославскаго! Ему никого не надоть,—рубль и дастъ.

Доримедонтъ Пароенычъ весело разсмѣялся и стукнулъ объ столъ двугривеннымъ.

Французъ Дорси! Двугривенный въ руку суетъ. А, шутъ его! Понимающій человѣкъ? Съ двугривеннымъ къ министру идетъ?! А не взять нельзя: гостепріимство оказать слѣдуетъ. Европа!

Будущій зять, смотрѣвшій и слушавшій съ благоговѣніемъ, спросилъ:

Ну, а по вашимъ, папаша, наблюденіямъ какъ?

Доримедонтъ Пароенычъ допилъ чай и подвинулъ стаканъ къ самовару.

Принялъ новый налитый стаканъ.

— Большихъ перемѣнъ, по моему мнѣнію, не будетъ!

Помѣшалъ ложечкой и добавилъ:

Нѣтъ!

Подумалъ:

— Нѣтъ!

Отпилъ нѣсколько глотковъ чаю и пояснилъ:

Грубо выражаясь... всякая лошадь изъ конюшни орломъ вылетаетъ!.. Дальше какъ пойдетъ!

И вздохнулъ:

Дистанція бо-ольшая!

Зять кашляпулъ и сказалъ:

— Курьеры, папаша, молебствіе рѣшили служить. По случаю бомбы. Благодарственное. За здравіе министра. А за многолѣтіемъ и ваше имя упомянуть. Тоже подвергались.

Доримедонтъ Парѳенычъ гмыкнулъ.

Это было ему пріятно. Но онъ остался солиденъ:

— Всѣ подвержены! Наше дѣло такое. А помолиться всегда по нынѣшнимъ временамъ не мѣшаетъ. Дѣло хорошее. Не препят...

Въ эту минуту дверь изъ швейцарской отворилась, и курьеръ съ насмерть перепуганнымъ лицомъ крикнулъ шопотомъ:

— Доримедонтъ Парѳенычъ, идите! Графъ...

Онъ произнесъ фамилію такого графа, что Доримедонтъ Парѳенычъ сразу очутился въ ливреѣ и стремглавъ вылетѣлъ въ швейцарскую.

Онъ поспѣлъ во-время, чтобы «принять» николаевскую шинель, которую сбросилъ ему на руки входившій графъ.

— Мнѣ отвѣтили по телефону, что его высоконревосходительство дома!

— Докладываютъ-съ!—благоговѣйно сказалъ Доримедонтъ Парѳенычъ.

Графъ не торопясь пошелъ.

На серединѣ лѣстницы его встрѣтилъ сбѣжавшій сверху курьеръ:

— Просятъ!

Наверху встрѣтилъ дежурный чиновникъ и глубоко, глубоко поклонился:

— Ожидаютъ!

XVI.

Когда Александру Ивановичу, лежавшему на диванѣ, доложили о пріѣздѣ графа,—у него сдвинулись брови.

Онъ сердито вскочилъ.

— Еще графъ! Эхъ ихъ! Графскій день!

И пожалъ плечами:

— Что жъ! Просите!

Графъ вошелъ, звеня шпорами, подалъ широкую руку, немножко ладонью вверхъ, слегка раздвинулъ фалды длиннаго генеральскаго сюртука и сѣлъ удобно, закинувъ нога на ногу.

— Я вамъ не помѣшалъ?

И въ тонѣ его слышалось, что ему совершенно все равно: помѣшалъ онъ или не помѣшалъ.

— Вы, можетъ-быть, отдыхали? А?

И въ тонѣ его слышалось, что ему рѣшительно все равно: отдыхалъ Александръ Ивановичъ или не отдыхалъ.

— Вы позволите курить?

И закурилъ.

— Или вы, можетъ-быть, не любите. Есть люди, которые не выносятъ, когда курятъ!

И въ тонѣ его слышалось, что ему абсолютно безразлично: любитъ его собесѣдникъ или не любитъ, чтобы при немъ курили.

Александръ Ивановичъ смотрѣлъ на него пристально и сосредоточенно.

— Прежде всего поздравляю васъ... я про бомбу!

Александръ Ивановичъ улыбнулся.

— Профессіональный рискъ! За него даже по суду ничего не полагается!

Графъ посмотрѣлъ на него съ интересомъ:

— Да?.. Это хорошо.

Онъ пустилъ струю дыма.

— Константинъ Петровичъ вамъ кланяется.

Александръ Ивановичъ снова улыбнулся:

— А! Моща!

Графъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, мой уважаемый, чтобы поговорить съ вами и условиться отъ имени нашего кружка... или, какъ теперь называютъ, «партіи»!

Лицо Александра Ивановича стало страшно внимательнымъ:

— Вы хотите принять участіе въ выборахъ?

Графъ повернулся и смотрѣлъ на г. Гучкова во всѣ глаза.

— Въ какихъ выборахъ?

— Въ выборахъ въ Государственную Думу. И хотите легализаціи правительствомъ вашей партіи? Такъ я васъ понялъ?

Графъ поднялъ плечи, потомъ опустилъ.

Лицо его стало скучнымъ, недоумѣвающимъ, онъ еле-еле нехотя улыбнулся.

— Я очень радъ, уважаемый Александръ Ивановичъ, что вы въ такомъ... шутливомъ настроеніи. Но мы пошутимъ потомъ, если вамъ угодно. А теперь я хочу поговорить съ вами серьезно. Совершенно серьезно. Отъ лица нашей партіи. Кто мы, что мы,—намъ рекомендоваться не нужно!

— У меня есть своя партія. На которую я и буду опираться!—тихо и твердо сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Я знаю. «17 октября».

— Приступка!

— Какъ!

— Ступенька. Лѣстничка, если вамъ угодно. Чтобы вспрыгнуть!

— Ага,—сказалъ ошеломленный графъ,—какая же теперь ваша партія? Не секретъ?

— Она уже существуетъ. Она многочисленна. Она многочисленнѣе всѣхъ существующихъ партій. Всѣхъ! Но она еще не сформирована!

— А-а!

Этого ироническаго звука словно не замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Но она начнетъ формироваться завтра. Она будетъ расти, какъ снѣжный комъ. Какъ лавина. Съ быстротой сказочнаго богатыря. Вотъ гдѣ «богатырь дѣла»! И какъ снѣгъ же свалится на голову. И займетъ собою все. И вытѣснитъ все!

— Простите, но вы говорите, какъ пиѳія! Что же это за партія? Кто ее составляетъ?

Александръ Ивановичъ поднялся.

Онъ говорилъ возбужденно, рѣзко. Словно кидалъ оскорбленіе за оскорбленіемъ.

— Всѣ! Всѣ,—чей здравый, житейскій, реальный,—въ обиходной жизни, въ дѣлѣ строительства единственный!—разумъ создалъ поговорку о журавлѣ и синицѣ. Помѣщики. Разорившіеся, задолжавшіе, перезадолжавшіе помѣщики, которые предпочтутъ лучше сохранить хоть что-нибудь, чѣмъ потерять все! И которымъ голосъ ихъ кармана, сильнѣйшій изъ голосовъ, скажетъ итти за тѣми, кто предлагаетъ имъ комбинацію, при которой они могутъ вылѣзти изъ долговъ хоть съ какими-нибудь грошами. Купцы, которымъ нужны крестьяне, какъ покупатели, которымъ нужно, чтобы деревня не съ голоду мерла, а имѣла возможность покупать себѣ даже лишнее. Непремѣнно лишнее. Вы считали развратомъ, если мужикъ «самоваръ себѣ заводилъ», если парень покупалъ себѣ итальянскую гармонику, если баба надѣвала въ праздникъ новый платокъ. Мы, купцы...

Александръ Ивановичъ ударилъ себя въ грудь.

— ... мы хотимъ, чтобы это было такъ, потому что эти самовары, гармоники, бабьи платки—нашъ хлѣбъ. Хлѣбъ нашихъ рабочихъ. Ко мнѣ, въ эту партію,—пойдутъ безправные мѣщане, обираемые вашей полиціей, ремесленники. Пойдутъ всѣ тѣ, кому нужна работа и давальцы,—спокойствіе для работы и зажитокъ для давальцевъ, чтобы больше заказывали и лучше платили. Въ эту партію пойдутъ умные мужики деревни, которые поймутъ, что лучше данная въ долгосрочный и льготный кредитъ синица,—чѣмъ даровой журавль, котораго никогда и нигдѣ еще не летало на свѣтѣ. Главное,—которые будутъ вѣрить въ эту синицу, дѣйствительно почувствуютъ ее уже въ рукахъ, потому что будутъ видѣть не одни обѣщанія, но и исполненія,—несомнѣнное начало ихъ исполненія. Къ этой партіи примкнутъ тѣ, истинно «сознательные» рабочіе, которые поймутъ, что царства справедливости, этого рая, нельзя создать на грѣшной землѣ, но можно создать царство, гдѣ можно стремиться къ справедливости. Рабочіе, которыхъ не будутъ отъ экономическихъ вопросовъ нагайками загонять въ политику.

Въ эту партію пойдутъ всѣ люди труда, дѣла, которые и создали Россію, создали все, что есть въ ней крѣпкаго. Благодаря которымъ, она еще держится среди урагана. Основа этой партіи—самая могучая основа, какую только знаетъ міръ. Эгоизмъ. Эгоизмъ, жизненный, реальный, трезвый и умный,—какъ разумъ! Сюда придутъ тѣ люди, которые скажутъ себѣ: «Живутъ одинъ разъ. Не все же жить для потомковъ. Позволительно пожить и для себя. Не такъ, быть-можетъ, какъ хотѣлось бы. Но сравнительно съ прошлымъ—все же недурно. И даже очень, сравнительно, недурно. Пусть всякое поколѣніе само устраиваетъ себѣ жизнь, какъ ему лучше. Мы достаточно потрудились и устали, добившись того, что получили. И имѣемъ право отдохнуть на мирной работѣ!» Что будетъ дальше? Я не знаю. Не интересуюсь знать.

— Послѣ насъ хоть потопъ, ваше высокопревосходительство, Людовикъ XV?

— Побѣдитъ соціализмъ,—продолжалъ г. Гучковъ, словно не слыша ироническаго восклицанія,—или явится новая теорія, и соціалистъ будетъ смѣшонъ, такъ же, какъ были бы забавны въ наше время декабристы, въ свое время предлагавшіе «изъ гуманности» ограничить срокъ дѣйствительной военной службы... «всего пятнадцатью годами». Вонъ, Витте, говорятъ, вѣритъ, что будущая Россія—Соединенные Штаты. Не знаю-съ! Не хочу знать! Потому что будущаго не измѣнишь. Жизнь течетъ, какъ рѣка. Мы стоимъ на берегу Волги. Она течетъ отъ Твери до Астрахани. Безполезно говорить: «Тебѣ бы завернуть въ Воронежскую губернію! Ты тамъ нужнѣй!» Она течетъ, куда должна течь. Мы хотимъ использовать тотъ участокъ великой рѣки, который передъ нами. До астраханцевъ намъ дѣла нѣтъ! Мы хотимъ здѣсь поплавать, поторговать...

— Рыбки половить?..

— Только не такъ, ваше сіятельство, какъ на рѣкѣ Ялу!

— Вы рѣзки... однако...

— Прямъ.

— Кто жъ это вы? Вы?

— Мы тѣ, которые работали въ то время, когда вы ничего не дѣлали. И это еще самое лучшее! А то дѣлали... не умное... Мы тѣ, которые учились, когда вы мѣшали намъ учиться. Торговали, когда вы вашимъ вмѣшательствомъ путали наши дѣла, нашу торговлю, сбивали съ толку нашу промышленность. Мы тѣ, которые писали, въ то время, какъ вы толкали намъ подъ руку цензурой. Инженеры, доктора, журналисты, купцы, учителя, священники, не желающіе въ храмѣ Божіемъ служить охранному отдѣленію,—всѣ, кто только хочетъ приложить свой трудъ къ живому, сегодняшнему дѣлу, хочетъ при жизни своей еще видѣть плоды своихъ трудовъ, наполнить жизнь производительной работой и помочь будущему поколѣнію подняться на другую, высшую ступень жизни. Мы тѣ, кто скажетъ себѣ: «Предшествующія поколѣнія, мы добились кой-чего. Возьмемъ же это, используемъ какъ можно лучше, больше. Сдѣлаемъ это изъ благодарности къ предшествовавшимъ поколѣніямъ, изъ жалости къ себѣ, изъ желанія добра грядущимъ поколѣніямъ». Учителя, которые получатъ возможность учить, а не трепетать, безпрерывно трепетать, только трепетать подъ «охраннымъ» окомъ инспектора. Журналисты, которые получатъ возможность писать, не видя передъ собой ежеминутно, ежесекундно ихъ музу, господина въ вицмундирѣ, съ жабьимъ лицомъ и «донесеньицемъ» въ рукѣ. Доктора, на которыхъ не будутъ смотрѣть, какъ на кандидатовъ въ Якутскую область только потому, что онъ зимой, во вьюгу, въ метель, осенью, въ непролазную грязь, въ проливной дождь, лѣтомъ въ изнуряющую жару, за десятки верстъ ѣздитъ лѣчить голодныхъ мужиковъ и бабъ. Доктора, рапорты которыхъ о санитарномъ состояніи деревни, тюремъ, не будутъ разсматриваться, какъ документы о государственномъ преступленіи. Мужики, которымъ вы давали плети, когда они просили хлѣба. Адвокаты, которымъ не придется падать въ обморокъ или вылетать бомбой изъ залы отъ окриковъ предсѣдателя и всю жизнь свою быть на судѣ свидѣтелями беззаконія. Судьи, которымъ не будутъ диктовать приговоровъ администраторы. Всѣ мы. Всѣ, кто учи-

лись, трудились, думали. Кто знаетъ, кто можетъ. Пришла наша пора править и дѣлать жизнь. Намъ открыта лазейка, мы хлынемъ въ нее, не ожидая, пока ворота раскроются во всю ширь. Наша пора пришла поправить. И мы воспользуемся ею. Я не знаю, что будетъ дальше, Но пока мы,—мы воспользуемся нашимъ завоеванным правомъ, возможностью, силой. Наша пора пришла. Вы, господа въ вицъ-мундирахъ, всѣхъ формъ и покроевъ, въ отставкѣ. Въ чистой, въ безсрочной. Вы заблудились въ лѣсахъ на Ялу, вы были смертельно ранены при Ляоянѣ, при Мукденѣ, вы сдались въ плѣнъ въ Портъ-Артурѣ, вы утонули при Цусимѣ, вы умерли въ Портсмутѣ. Васъ нѣтъ. Васъ не существуетъ. Это душа ваша бродитъ по свѣту,—какъ говорятъ у насъ, въ народѣ,—по мытарствамъ.

Графъ кусалъ усы, но старался казаться спокойнымъ.

— Это у васъ отъ бомбы!—сказалъ онъ, произнося слегка въ носъ.—Мой сынъ тоже. Когда побывалъ въ первомъ огнѣ,—рана еще не прошла, все рвался изъ Петербурга бить японцевъ. Это у васъ отъ бомбы... Послѣ перваго огня вы такой воинственный. Прямо войну объявляете. А? Такъ-таки прямо войну?

— Вамъ угодно дѣйствовать противъ меня? Ничего, кромѣ благодарности не скажу! Радъ! Душевно радъ! Я въ ссорѣ со всѣми партіями,—но, если узнаютъ, что я въ ссорѣ съ вами,—это создастъ мнѣ тысячи симпатій. Враги нашихъ враговъ—наши друзья, графъ.

— Я имѣю право на титулъ: «ваше сіятельство».

— Какъ я на титулъ: «ваше высокопревосходительство». Я не популяренъ, но вы своей враждой меня поднимаете въ глазахъ публики. Меня не считаютъ больше «общественнымъ» дѣятелемъ. Но когда узнаютъ, что вы, господа, противъ меня, скажутъ: «Значитъ, въ немъ есть нѣчто общественное. Много общественнаго». Благодарю васъ заранѣе. Лучшей услуги вы не могли бы мнѣ оказать. Это—единственная, которую вы мнѣ можете оказать.

— Ого!

Графъ съ сожалѣніемъ оглянулъ комнату.

И незначащимъ тономъ спросилъ:

— Вы въ первый разъ здѣсь? А я пріѣзжаю къ четвертому премьеръ-министру.

Александръ Ивановичъ поднялъ голову.

Все лицо его смѣялось.

— Отставку?! Но торопитесь, ваше сіятельство! Сегодня же вечеромъ! Непремѣнно! Завтра будетъ поздно!

Графъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ:

— То-есть?

— Завтра будетъ поздно. Завтра утромъ вся европейская печать, весь міръ уже будетъ знать, что я, неспособнѣйшій къ министерскому дѣлу человѣкъ,—послѣднее, за что ухватились. Что дальше не за что... Хаосъ!.. Вы понимаете? Послѣднее сорвалось! Рента полетитъ за пятьдесятъ!

И онъ спокойно прибавилъ:

— Большая потеря для того, у кого много. И акціи тоже. Всѣ. При онкольномъ счетѣ колоссальныя доплаты.

Графъ поднялся.

— Нда... Вы такой?

— Я такой.

Графъ помолчалъ:

— «Будемъ посмотрѣть», говорятъ нѣмцы.

— Зачѣмъ же нѣмцевъ? По-русски есть поговорка: «Увидимъ!—сказалъ слѣпой».

Александръ Ивановичъ разсмѣялся.

— До свиданья, ваше высокопревосходительство!

— До свиданья-съ, ваше сіятельство!

Пріѣхавъ домой, графъ приказалъ снимавшему съ него шинель швейцару:

— Пріѣдетъ съ визитомъ господинъ Гучковъ,—меня нѣтъ дома.

— Его высокопревосходительство?—освѣдомился швейцаръ.

— Я тебѣ сказалъ: господинъ Гучковъ. Переспрашивать? Дураки!

Швейцаръ вошелъ къ себѣ, улыбаясь во весь ротъ, и сказалъ женѣ:

— Придется скоро Доримедонта Парѳеныча опять съ новымъ министромъ проздравлять!

А г. Гучковъ, ложась въ постель въ этотъ вечеръ, припомнилъ все, что было за день, и, улыбнувшись, подумалъ, съ удовольствіемъ потягиваясь:

— Хорошо проведенный день!

И заснулъ, какъ человѣкъ, который увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ.

XVII.

По Петербургу шелъ гулъ.

Въ министерствѣ чуть не сотнями получались каждый день анонимныя письма съ адресомъ:

— Его высокостепенству Александру Ивановичу Гучкову.

А Загорѣцкій увѣрялъ, что слѣдуетъ писать такъ:

— Его высокопревосходительной свѣтлости господину финансову, купцу Абдулину.

Въ наиболѣе замкнутыхъ «своихъ» клубахъ, въ ресторанахъ, гдѣ завтракаетъ и ужинаетъ лучшее общество, создался и въ гостиныя проникъ особый языкъ.

Министерство звали теперь:

— Лабазъ.

Говорить иначе считалось «непонятнымъ».

— Я въ министерство внутреннихъ дѣлъ!

— Виноватъ, такого больше нѣтъ. Упразднено!

— Какъ же? Г. Гучковъ!

— А! Вы въ лабазъ!!

Комиссію по составленію законопроектовъ для представленія въ Думу звали:

— Кладовкой!

А про ожидаемую министерскую декларацію спрашивали:

— Скоро «онъ» свой прейсъ-курантъ выпуститъ?

Г. Гучкова звали:

— Самъ.

Его будущихъ министровъ:

— Подсамки.

Его чиновниковъ дразнили:

— Правда, что онъ васъ «робятами» зоветъ?

Какой-то остроумецъ пустилъ, что отнынѣ всѣ «табели о служебныхъ лицахъ перелицовываются на купеческій фасонъ».

— Онъ, видите ли, полагаетъ, что все горе Россіи отъ громкихъ названій. Начальникъ станціи какой-нибудь,—къ нему не подступись! Грубитъ! Пассажировъ перваго класса обрываетъ! Спроси у него отыскать свободное купэ, даже для дамы:—«Я вамъ не мальчикъ!» Почему? Потому что онъ «начальникъ»! А переименуй его: «старшій станціонный сторожъ»,— подъ козырекъ пассажиру дѣлать станетъ: «Въ сей моментъ, ваше-ство».

Разсказывали, что «есть проектъ» переименовать губернаторовъ въ:

— Приказчики на отчетѣ.

Временныхъ генералъ-губернаторовъ:

— Подручные.

Судей въ:

— Молодцы!

— На отчетѣ приказчикъ мигнулъ подручному. Подручный—молодцамъ слово,—и ищи человѣка! Кратко,—и даже купцу третьей гильдіи понятно.

Князь Тугоуховскій, которому племянникъ долго кричалъ на ухо про бомбу и про Гучкова, по обыкновенію все перепуталъ, и приставалъ ко всѣмъ съ вопросомъ:

— Слышали? До чего дошло! Купецъ Гучковъ съ бомбой попался,—въ министра бросить хотѣлъ! А? Говорятъ, повѣсятъ!

На что племянникъ, причисленный къ министерству, только вздыхалъ:

— Далъ бы Богъ!

Про самую бомбу кто-то гаркнулъ:

— Самъ подстроилъ! Ничего подобнаго!

И полъ-Петербурга, какъ это всегда бываетъ, повторяло:

— Ловкую рекламу своей фирмѣ устраиваетъ!

Узнавъ, что «господинъ Гучковъ» даже графу... самому графу!.. визита не отдалъ, Фамусовъ въ ужасѣ воздѣлъ руки горѣ:

— Да онъ властей не признаетъ!

А княгиня Марья Алексѣвна со «своей» печальной улыбкой только освѣдомлялась:

— Правда, что «онъ» даже безъ помощи носового платка обходится?

Люди, купившіе ренту по 68, — цѣна въ день отставки предыдущаго премьера,—были разочарованы.

Рента поднялась на четвертакъ, да такъ на четвертакѣ и застыла.

По этому поводу за завтракомъ у Кюба, «въ низкѣ», гдѣ завтракаетъ весь дѣловой Петербургъ, кто-то во всю глотку сказалъ:

— Четвертакъ ему и вся цѣна!

Крылатое слово пошло по Петербургу.

Опереточная примадонна Рывкина, 62 лѣтъ отроду и 18 пудовъ вѣсомъ, исполняя въ какой-то опереткѣ извѣстные куплеты съ припѣвомъ:

Такъ грошъ тебѣ,
Такъ грошъ тебѣ,
Такъ грошъ тебѣ цѣна!

Спѣла, по совѣту знакомаго рецензиста:

— Такъ четвертакъ тебѣ цѣна!

При громѣ аплодисментовъ всей публики.

За что дежурный помощникъ составилъ на нее протоколъ:

— За намеки на правительство.

А градоначальникъ посадилъ пѣвицу на три дня на Казачій плацъ, какъ называется въ Петербургѣ арестный домъ.

По выходѣ оттуда, при первомъ же ея появленіи на сценѣ, пострадавшая примадонна получила до шестнадцати букетовъ и три лавровыхъ вѣнка.

Одинъ даже съ надписью на лентахъ:

— Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой!

Отъ «выжигающихъ изъ лучшаго общества»,—какъ значилось на пришпиленной карточкѣ.

Это былъ кружокъ дамъ лучшаго общества, выжигавшій по попедѣльникамъ по дереву «въ пользу бездомныхъ кошекъ».

— «Въ виду требованій политическаго момента», — какъ значилось въ резолюціи, принятой кружкомъ,—дамы рѣшили «примкнуть къ движенію» и выразить протестъ «толкучему правительству»,

Т.-е. правительству съ Толкучки.

Вообще:

— Революція окончательно проникла въ театръ!—какъ доложилъ полицмейстеръ градоначальнику «на предметъ закрытія оныхъ».

Въ Александринскомъ театрѣ, во время представленія «Ревизора», когда городничій—г. Давыдовъ завопилъ на купцовъ:

— Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе!

Грянулъ неслыханный громъ аплодисментовъ.

Произошла манифестація.

Съ арестами.

«Ревизоръ» сдѣлался самой модной пьесой и потому былъ снятъ со сцены казенныхъ театровъ.

Но его ставилъ г. Суворинъ.

Плакалъ, но ставилъ.

Писалъ въ «Маленькихъ письмахъ» въ своей газетѣ:

— Глупо вмѣшивать искусство въ политику, — какъ глупо Гоголя, великаго Гоголя, заставлять ругать министра!

Но ставилъ «Ривизора» въ своемъ театрѣ каждый день.

И даже про «Шерлока Хольмса» выразился:

— Позвольте! Какой тамъ къ чорту «Шерлокъ Хольмсъ»?! Публика хочетъ классическаго! Ставьте «Ревизора» каждый день. На святкахъ будемъ по два раза въ день жарить!

Пока, наконецъ, главное управленіе по дѣламъ печати, на основаніи пункта «б» статьи 00 «временныхъ правилъ о

свободѣ печати», не исключило совсѣмъ сцену представленія купцовъ въ «Ревизорѣ»:

— Какъ временно не соотвѣтствующую взглядамъ правительства.

Въ книжныхъ магазинахъ искали экземпляровъ «Ревизора», и тѣ, въ которыхъ находили, закрывали «навсегда».

Г. Суворинъ на 14 ротаціонныхъ машинахъ жарилъ новое изданіе «Ревизора» безъ «криминальной» сцены.

Въ городѣ была обнаружена подпольная типографія, гдѣ печатали «Ревизора» полностью.

Говорили, что виновные преданы полевому суду.

И что ихъ судили въ маскахъ.

Вообще, городъ былъ полонъ всевозможныхъ слуховъ, и въ Петербургѣ дѣлалось, дѣйствительно, чортъ знаетъ что.

Г. Кантонистовъ, какъ выражаются рецензенты, «имѣлъ такой умопомрачающій фуроръ», какого не имѣлъ даже г. Сигма во дни своей ковейтской славы.

Но г. Кантонистова звали.

Какъ зовутъ на пирогъ, на поросенка,—вообще на хорошія и лакомыя вещи.

— Пріѣзжайте! Кантонистовъ будетъ! Онъ сегодня въ четырехъ домахъ! Къ намъ въ половинѣ второго ночи пріѣдетъ. Вы не слыхали, какъ онъ разсказываетъ про свиданіе съ этимъ... съ премьеръ-министромъ. Я три раза слышала. Но есть, которые не пропускаютъ ни одного раза. Такъ за нимъ изъ дома въ домъ и ѣздятъ. Какъ онъ разсказываетъ! Какъ онъ разсказываетъ!

Г. Кантонистовъ являлся для разсказа не иначе, какъ въ глубокомъ траурѣ.

Это:

— По русской государственности! — какъ съ глубокимъ вздохомъ пояснялъ онъ.

Для него ставили кресло нѣсколько поодаль, чтобы его всѣмъ было не только слышно, но и хорошо видно.

Около г. Кантонистова, по обѣимъ сторонамъ кресла, становились двѣ «преданныя ему» дамы въ черномъ, изъ числа ѣздившихъ за нимъ изъ дома въ домъ.

Одна съ батистовымъ платкомъ. Для утиранья слезъ.

Другая съ флакономъ, изъ оникса, съ восточнымъ ароматомъ. Для приведенія въ чувство.

Обѣ съ ридикюлями.

Все замирало.

Прислугѣ въ столовой грозили отказомъ отъ мѣста, если хоть разъ стукнетъ посудой.

Наступало такое благоговѣйное, такое напряженное молчаніе, что въ нѣкоторыхъ спиритическихъ домахъ столы сами собой начинали безшумно двигаться.

Было страшно.

И г. Кантонистовъ начиналъ.

Онъ говорилъ нѣсколько въ носъ, потому что отъ постоянныхъ слезъ простудился и получилъ насморкъ.

Онъ разсказывалъ:

— ... я ему: «Россію, сказано, не «измѣришь»! И купеческимъ аршиномъ въ особенности! Тутъ вамъ не Гостиный дворъ, не Охотный рядъ! И сами вы больше не «Александръ Ивановичъ», а ваше высокопревосходительство. Пріявъ санъ, осѣнитесь мыслями! Отрекитесь отъ счетовъ и преисполнитесь мыслями, атомы, микробы которыхъ, такъ сказать, витаютъ въ этихъ комнатахъ. Вы недовольны дѣйствіями людей на мѣстахъ, всѣхъ насъ, на Россію работающихъ,—подавайте мнѣ вашу программу! Точную, ясную! Дабы я могъ возгласить ее всей Россіи. Ибо я—государственный языкъ. Государственный языкъ я, работая въ казенной газетѣ. Говорите же!» Онъ, что называется въ народѣ, пикъ-микъ, и ничего! Тутъ я и началъ! Тутъ я и началъ! Изъ скромности не передаю, да и длинно. Всю русскую исторію ему отъ Гостомысла вычиталъ! Нусть знаетъ. Онъ въ слезы. «Руку,—говоритъ,—вашу! На совмѣстную работу! Сплечимся!» Но я отъ него этакъ! «Нѣтъ,—говорю,—въ газетѣ «Россія» я писать буду, ибо служеніе отечеству. Но

служить вамъ своей опытностью,—слуга покорный. Ищите себѣ приказчиковъ! А на мнѣ орденъ!» И вышелъ.

Въ концѣ разсказа онъ вдругъ поднимался и, ударивъ себя въ жирную грудь такъ, что крахмальная рубашка даже издавала трескъ, словно по пустому картону ударили, вопилъ:

— Граждане петербургскіе! Заложимъ женъ и дѣтей! Спасемъ отечество отъ купеческаго ига!

И падалъ, рыдая, и даже какъ бы въ конвульсіяхъ.

Одна черная дама, рыдая сама, отирала ему слезы батистовымъ платкомъ. Другая давала нюхать изъ оникса восточный ароматъ.

Хоръ «ѣздившихъ изъ дома въ домъ» исполнялъ кантату.

А обѣ черныя дамы, раскрывъ ридикюли, обходили присутствующихъ, дѣлая сборъ.

На ридикюляхъ, бѣлымъ бисеромъ, по черному, было вышито:

— Пожертвуйте, православные, на основаніе оппозиціонно-охранительной газеты.

Сборы въ день давали до 17 рублей и болѣе.

Это въ свѣтѣ.

Это были «свѣтскія удовольствія».

XVIII.

Въ административно-дѣловыхъ, въ «настоящихъ» сферахъ возмущенія было не меньше.

— Кадетовъ къ чорту! Мирно-обновленцевъ къ дьяволу! Даже своихъ октябристовъ ко всѣмъ вѣдьмамъ! Истинно-русскихъ людей къ самому сатанѣ! Позвольте! Гдѣ жъ у него прицѣпка? Гдѣ жъ у него опора?

— Въ обществѣ не популяренъ!

— Намъ враждебенъ!

— Между небомъ и землей.

Кто-то сказалъ:

— Воздушный шаръ!

И слово осталось.

— Безъ руля и безъ вѣтрилъ! Не можемъ же Россію всякому авантюрье поручать!

— Россію на воздушный шаръ сажать!

— И сами садиться!

— Вотъ еще!

— Гамбетта какой выискался! На воздушномъ шарѣ съ нимъ летай!

— Не всякій аппортюнистъ—Гамбетта! Этого мало!

— Устраивай себѣ судьбу буровъ! А насъ оставь въ покоѣ!

— Ни правой ни лѣвой! Центръ онъ, видите, какой-то къ жизни вызоветъ!

— Да гдѣ онъ, центръ-съ? Гдѣ онъ, я васъ спрашиваю? Не видать что-то!

— Въ родѣ «пупа земли», какъ у нихъ въ Москвѣ вѣруютъ. Пупа земли ищетъ!

Какъ всегда бываетъ, сдѣлавши, начали разсуждать.

— Позвольте-съ! Откуда онъ? Да онъ еще послѣ своего «покаянія»... или, какъ его тамъ?.. «исповѣди» знаменитой... его не существуетъ! Вѣдь это же ясно, чернымъ по бѣлому, было напечатано. Имъ самимъ подписано. Въ чемъ его «credo»? Что онъ заявилъ? Что объявилъ? Въ чемъ «исповѣдывался»? «Къ мнѣнію его высокопревосходительства премьеръ-министра Петра Аркадьевича присоединяюсь и мѣры его нахожу превосходными». Гдѣ же тутъ «свое» мнѣніе? Какія же тутъ «свои» мѣры? Къ чему же тогда и мѣнять? Оригиналы на копіи?

— Позвольте-съ!—гремѣлъ Скалозубъ.

При словѣ «мѣры» онъ встрепенулся.

— Позвольте-съ, если насчетъ «мѣръ», зачѣмъ же тогда «шпакъ», «штафирка»? У меня любой штабсъ-капитанъ въ пять тысячъ разъ дѣльнѣе будетъ! Ежели ты, кромѣ «пли», ничего не знаешь,—отойди къ сторонкѣ. Это ужъ дѣло военное. Военный долженъ «пли» командовать. Я давно говорилъ...

Всѣ, всѣ были возмущены.

— Да что же это такое?

— Безъ поддержки партій?

— Ни съ чѣмъ считаться не хочетъ?

— Да что жъ онъ диктаторомъ хочетъ быть? Это только диктаторъ ни съ кѣмъ не считается!

— Диктаторомъ?

Скалозубъ ревѣлъ:

— Не бывать штафиркѣ!

Въ чайныхъ «союза русскаго народа» пили и пѣли:

„Какъ отъ вражескаго кова,
Богъ спасетъ насъ отъ Гучкова!“

Хоръ подхватывалъ:

„Мы дружно на враговъ,
На бой, друзья, спѣшимъ,
Противъ гучковскихъ ковъ
Мы грудью постоимъ“.

Это была новая патріотическая пѣснь, какъ говорилъ г. Пуришкевичъ:

— Моего собственнаго сочиненія!

Конечно, въ общемъ все это было, какъ выразился одинъ скептикъ:

— Не болѣе, какъ работа общественнаго мнѣнія.

А потому:

— По самому существу своему вниманію не подлежало.

Но фактъ тотъ, что многіе портные закрыли кредитъ чиновникамъ министерства.

Въ Петербургѣ ждали «событій».

XIX.

Въ Москвѣ отразилось слабо.

Въ «Большой Московской» сидѣли своей компаніей купцы изъ Теплыхъ рядовъ и въ ожиданіи раковаго супа съ разстегаемъ пили листовку, закусывая провѣсной бѣлорыбицей.

Былъ часъ дня. Всѣ столики были заняты завтракающими.

Вдругъ въ залѣ произошло движеніе.

Какой-то огромный и очень толстый господинъ крутился между столами, задѣвая дамамъ за шляпки, наступая сидящимъ на ноги, спотыкаясь на столы и иногда попадая рукой въ кушанья.

Онъ говорилъ:

Виноватъ! Я васъ, кажется, обезпокоилъ? Ой, горячо! Я вамъ, кажется, въ почки?

И снова задѣвалъ дамамъ за шляпки, наступалъ сидящимъ на ноги, спотыкался о встрѣчные столы и попадалъ рукой въ кушанья.

Лицо у него было вдохновлено. Глаза были гдѣ-то «не въ здѣшней сторонѣ».

Видимо, что онъ былъ занятъ какой-то мыслью.

И потому разсѣянъ.

Англичанка-туристка, краснѣвшая до корня волосъ, когда къ ней подходилъ половой въ бѣломъ, посмотрѣла въ «Бэдэкеръ» и, не найдя тамъ ничего, спросила у завтракавшаго съ ней англичанина-москвича:

Кто этотъ джентльменъ?

Тотъ наклонился и прошепталъ:

Тсъ! Не говорите по-англійски! Мистеръ Шмаковъ!

Англичанка взглянула въ «Бэдэкеръ» и прочла:

«Величайшій въ мірѣ врагъ Великой Британіи».

Англичанка испуганно замолкла.

Увидавъ купцовъ, сидѣвшихъ своей компаніей, г. Шмаковъ сказалъ:

А! Вотъ вы!

Виноватъ! — изумленно воскликнулъ одинъ.—Не имѣемъ чести...

Но г. Шмаковъ прервалъ:

— Ничего не значитъ. Шмаковъ!

Подалъ всѣмъ руку, даже половому въ бѣлой рубахѣ, который разливалъ раковый супъ, подавалъ пухлый разстегай съ пухлыми налимьими печенками.

Замѣтивъ разсѣянно:

— А вы не одѣты? Такъ ходите?

Онъ сѣлъ и тотчасъ привскочилъ, вынувъ изъ-подъ себя илиндръ съ широкими полями, какіе носятъ старомодные упцы.

— Виноватъ!—сказалъ г. Шмаковъ, покрывая смятымъ илидромъ провѣсную бѣлорыбицу.

Онъ оглядѣлъ сидѣвшихъ за столомъ «орлинымъ взоромъ» строго спросилъ:

— Русскіе?

Одинъ изъ купцовъ, постарше, отъ изумленія даже перерестился. Даже двуперстнымъ сложеніемъ.

— Господи Іисусе!

Г. Шмаковъ уже спокойно сказалъ:

— То-то! А то я вчера одного истинно-русскаго человѣка говаривалъ жидовъ бить. Часа два уговаривалъ. Кажется, аже уговорилъ. — «А какъ, спрашиваю, ваша фамилія?» Гоoритъ: «Кегулихесъ!» Какъ я отъ него. На улицѣ было. У звозчика лошадь съ ногъ сшибъ. Оглобля пополамъ. 14 рубей убытку заплатить пришлось. Нынче говори съ оглядкой: ездѣ масонъ гадитъ!

И, наклонившись къ столу, онъ прошепталъ, страшно вооча глазами:

— Новость!

Купцамъ стало боязно.

— Только ни гу-гу! Пока никому ни слова! Не разрѣшатъ! а той недѣлѣ самъ въ думѣ трахну. Гучковъ-то!

— Ну?

— Александръ Ивановичъ!

— Ну?

— Премьеръ-министръ!

— Ну?

— Жидъ!

Купцы отшатнулись.

— Фактъ!—пронизывающимъ шопотомъ шепталъ г. Шмаковъ.

— Можетъ ли это быть?—усомнился кто-то, опомнившись отъ неожиданности.

— Не подлежитъ сомнѣнію! Отъ банщика знаю. Банщикъ говорилъ, который мылъ. Банщикъ всегда знаетъ. Я теперь этого банщика на погребицѣ держу. По рукамъ, по ногамъ связанъ!

Купцы ужасались все болѣе и болѣе.

— Банщика-то зачѣмъ же на погребицу?

— А чтобъ не убѣжалъ! Убѣжитъ,—сейчасъ его жиды купятъ, франкъ-масономъ сдѣлается и ото всего отречется!

Лицо г. Шмакова сдѣлалось хитрымъ:

— Нѣтъ, шалишь, братъ! Селедкой кормлю! Пить не даю! Подтверди свои слова предъ городской думой,—дамъ напиться!

— Закономъ запрещено!—высказалъ кто-то.

Г. Шмаковъ махнулъ рукой:

— Временное правило!.. Временное такое правило установилъ. И банщика за мной въ думу принесутъ!

— Ослабѣетъ банщикъ-то,—замѣтилъ купецъ помоложе съ сожалѣніемъ.

Лицо г. Шмакова сдѣлалось свирѣпымъ:

— Броунъ-секаровской эссенціи подъ кожу ему, подлецу, впрысну! Жидъ одинъ,—пояснилъ онъ,—Броунъ-Секаръ, эссенцію такую изобрѣлъ. Повѣсить бы его! А эссенція хорошая!

Воцарилось молчаніе.

— Нѣтъ, господинъ!— воскликнулъ вдругъ пожилой купецъ, тряхнувъ бородой.—Оно, конечно, банщикамъ это надо знать. А только не можетъ быть, чтобъ этакое было. Гучковъ вдругъ...

— Жидъ!

— Изъ купеческаго семейства!

— Человѣкъ! Подай сюда сейчасъ, сію минуту, телефонную книжку или какой другой жидамъ прейсъ-курантъ! Сколько жидовъ въ Москвѣ купечествомъ занимается?

— Мы и безъ книжки,—остановилъ купецъ,—а все-таки быть не можетъ. Фамиліей Гучковъ.

— А Поляковъ?

— Русская фамилія.

— А Поляковъ? Китайская?

Въ глазахъ Шмакова загорались огни.

— Весь родъ ихъ знаемъ.

— Жидъ!

— Не можетъ этого...

— Жиды!—завопилъ вдругъ г. Шмаковъ и изо всей силы ударилъ кулакомъ по разстегаю.

Нѣжныя налимьи печенки полетѣли во всѣ стороны.

Купцы въ ужасѣ повскакали съ мѣстъ.

— Жиды! Всѣ, всѣ жиды!—вопилъ г. Шмаковъ.—Знаю я васъ, великихъ мастеровъ! Вонъ онъ, вонъ въ бѣлой рубахѣ ходитъ! Вы думаете, онъ—половой? Онъ—франкъ-масонъ! Другого бы, пройди въ одномъ бѣльѣ по залу, давнымъ-давно бы въ участокъ взяли. А они, жиды да франкъ-масоны, вмѣстѣ стакнувшись! Они все въ свои руки взяли! Имъ все можно!

Москвичи продолжали ѣсть, пріѣзжіе обернулись и смотрѣли.

— Что это за безобразіе?—возмутился какой-то господинъ, сидѣвшій съ дамой.

— Г. Шмаковъ-съ!—извиняющимся тономъ пояснилъ метръ-д'отель, нѣжно склоняясь.—Г. Шмаковъ.

— А!

XX.

Среди дѣлъ министру-президенту доложили, что:

— Приговоръ военно-полевого суда надъ неизвѣстнымъ, не пожелавшимъ объявить своего званія, покушавшимся на жизнь г. министра, приведенъ въ исполненіе сегодня на разсвѣтѣ.

Онъ умеръ спокойно и сурово.

Какъ большинство людей его партіи.

—«Словно утвержденный «церемоніалъ... умирать!»—подумалъ г. Гучковъ.

Но въ этой суровой кончинѣ была одна минута нѣжности.

Неизвѣстный не спалъ, ожидая казни.

Онъ ходилъ по камерѣ, что-то напѣвая про себя.

Когда прислушались, оказалось—«Старый капралъ».

„Въ ногу, ребята, идите,
Полно, не вѣшать ружья!“

Это была предсмертная пѣснь Валеріана Осинскаго.

Жандармскій ротмистръ прервалъ «монотонное пѣніе», дѣйствовавшее ему на нервы.

Онъ вошелъ въ камеру:

— Вы, можетъ-быть, хотите написать письма?

Осужденный взглянулъ на него простодушно:

— Можно?

— Вы имѣете право!

И ротмистръ приказалъ подать бумаги, конверты, перо, чернилъ.

Осужденный писалъ долго, низко наклонившись надъ столомъ, такъ что ротмистру никакъ не удалось видѣть его лица.

Когда кончилъ писать,—писемъ оказалось два.

Одно, на четырехъ страницахъ, онъ заклеилъ въ конвертъ безъ адреса.

Другое было—маленькая записочка въ нѣсколько строкъ:

«Мамуся! Твой «попочка» думалъ о тебѣ въ послѣднюю минуту. Для тебя есть письмо у жандармовъ».

— Вотъ! — сказалъ онъ, подавая ротмистру оба письма.— Эту записку вы напечатаете въ какой-нибудь газетѣ.

Онъ улыбнулся:

— Безъ просьбы: «просятъ другія газеты перепечатать». Перепечатаютъ сами. Государству отъ этого непосредственной опасности не грозитъ,— а одной очень старой и несчастной женщинѣ вы доставите, хоть и ужасную, правда, но все-таки отраду. И на могилѣ растутъ цвѣты. И въ горѣ бываетъ своя печальная радость. По одному слову...

И въ глазахъ неизвѣстнаго молодого человѣка, на всемъ лицѣ его разлилось что-то дѣтское.

Онъ улыбнулся доброй, сконфуженной и словно виноватой улыбкой.

— «Попочка»,—она узнаетъ, что казненъ ея сынъ. «Попочка»—это наше слово!—пояснилъ онъ.—Она меня такъ звала. Я болталъ безъ-умолку. Все болтаю, все болтаю. Такъ и осталось прозваніе... съ дѣтства.

Онъ сладилъ съ воспоминаніями.

— Тогда,—продолжалъ онъ уже твердо и спокойно,—дней черезъ пять, черезъ шесть къ вамъ пріѣдетъ очень больная, задыхающаяся старушка и спроситъ письмо отъ ея сына. Извиняюсь за нее, что она будетъ передъ вами очень плакать. Вы ей отдадите... Кстати же,—добавилъ онъ,—вы узнаете мое имя, что васъ очень интересуетъ! Вотъ и награда за доброе дѣло. Вотъ гонораръ!

— Почему же вамъ теперь не сказать?

Неизвѣстный хитро прищурилъ глаза:

— Ишь вы! Авансомъ желаете? А пять-то, шесть дней,—шутка? Срокъ большой! Всѣмъ уѣхать можно. Все спрятать. Черезъ пять-шесть дней раскрытіе моего знатнаго инкогнито не будетъ уже никому опасно!

И съ лица его, съ улыбки все еще не сошло то дѣтское, простодушное выраженіе, которое вызвали воспоминанія.

Это «дѣтское» почему-то страшно взбѣсило ротмистра.

— «Всѣ вы «мальчики»! А убивать насъ не мальчики?»

Ему хотѣлось кольнуть, ударить «мерзавца». Побольнѣе.

— Матери не пожалѣли-съ?

Тотъ отвѣтилъ, глядя на него своими задумчивыми глазами:

— Я себя не пожалѣлъ. А это, говорятъ, въ человѣкѣ самое сильное: любовь къ себѣ.

Ему вдругъ словно стыдно стало за свою «слабость» передъ врагомъ. Онъ выпрямился, прищурилъ свои красивые глаза и спокойно, твердо сказалъ:

— За матушку я не боюсь. Ей жить немного. А съ моей казнью и еще меньше. Послѣдніе дни она не будетъ ну-

ждаться: народное правительство назначитъ ей пенсію. Ее похоронятъ съ честью.

Ротмистръ засмѣялся, но смѣхъ вышелъ дѣланнымъ.

— Что будетъ-съ... э-э... не знаемъ-съ! А пока что, — фактъ налицо. Васъ черезъ часъ повѣсятъ-съ. А я пойду домой пить чай. Съ колачомъ, съ икрой-съ!

Неизвѣстный учтиво поклонился:

— Пріятнаго аппетита!

— Будетъ передано на усмотрѣніе г. министра! — рѣзкимъ офиціальнымъ тономъ сказалъ ротмистръ и вышелъ.

Молодой человѣкъ подошелъ къ висѣлицѣ спокойно.

Тщательно оправилъ петлю, чтобы избѣжать лишнихъ страданій.

Изъ мѣшка послышался его крикъ:

— Да здра...

Въ эту минуту подпорка съ грохотомъ вылетѣла.

Крикъ вдругъ перешелъ въ пронзительный визгъ.

Такой, что палачъ шарахнулся въ сторону и наклонился, словно ожидая удара.

Послышалось хрипѣніе...

Александра Ивановича передернуло, и внутри у него стало холодно.

Александру Ивановичу каждый день приходилось читать въ газетахъ, а теперь въ донесеніяхъ:

— Разстрѣляно шесть.

— Повѣшено трое.

Но это была «какая-то алгебра».

Какіе-то Иксы, Игреки, неизвѣстныя,—отвлеченныя величины.

А тутъ...

Онъ почувствовалъ, что убили живого человѣка.

Человѣка, котораго онъ видѣлъ, зналъ. Который помнилъ его слова.

Это лицо. Красивые, задумчивые глаза. Мягкая, пушистая бѣлокурая бородка. Румянецъ щекъ.

Ничего этого теперь нѣтъ.

Исчезло.

И фраза, съ которой онъ обратился къ князю Трубецкому...

—«Опять князь!» — мелькнуло все-таки въ умѣ у г. Гучкова.

— «Прекрасному и чувствительному сердцу не разъ придется»...

Эта фраза показалась ему теперь отвратительной, омерзительной до тошноты.

До физической тошноты.

Онъ чувствовалъ, что его тошнитъ.

— «Что это?»

Онъ схватилъ себя въ руки.

— «Лѣсъ рубятъ... Въ бою дерутся не разсуждая! Наполеонъ, тотъ бы не подумалъ»...

И у него мелькнула почему-то мысль:

— «Въ революціи, въ воздухѣ носится тѣнь Наполеона. Всѣ хотятъ быть Наполеонами. Всѣ считаютъ себя Наполеонами!»

И почему-то мелькнулъ въ умѣ Раскольниковъ, который:

— «Хотѣлъ быть Наполеономъ».

Онъ совладѣлъ съ собой и сухо сказалъ:

— Удовлетворенію не подлежитъ. Не время и не мѣсто вводить въ пьесу сентиментальности!

Чиновникъ вкрадчиво замѣтилъ:

— Появленіе старухи могло бы дать полезныя указанія. Выясненіе личности дать нить...

Гучкова передернуло:

— Недостойно!

И, разозлившись на все, на себя, на весь міръ, онъ закричалъ, комкая предсмертную записку казненнаго:

— Сами виноваты! Зачѣмъ воспитали такъ дѣтей, что они сплошь революціонеры!

XXI.

Въ газетахъ появилось извѣстіе:

Новое покушеніе на министра-президента.

«Вчера въ пріемной г. премьеръ-министра была арестована бѣдно, но прилично одѣтая подозрительная старушка, въ ридикюлѣ которой оказалась бомба. По признанію, сдѣланному въ жандармскомъ управленіи, старуха хотѣла умертвить уже четвертаго министра-президента, для чего не пропускала ни одного пріемнаго дня и неукоснительно являлась на пріемъ. Но, по ея словамъ, «до нея никогда не доходила очередь». Производится слѣдствіе. Въ связи съ этимъ произведено много арестовъ. Охрану министерства предположено значительно увеличить».

На завтра газеты сообщали:

«Старушка, задержанная въ пріемной премьеръ-министра, по подозрѣнію въ желаніи бросить бомбу, оказалась вдовой титулярнаго совѣтника Пелагеей Ивановной Пантелеевой, 68 лѣтъ, хлопочущей о пенсіи. Въ ридикюлѣ ея, по осмотру, оказались не бомбы, а отношеніе губернскаго правленія и отвѣты уѣзднаго казначейства».

На послѣзавтра газеты сообщали:

«Подозрительная старушка, задержанная въ пріемной министра-президента, высылается административнымъ порядкомъ на три года въ Олонецкую губернію, подъ надзоръ полиціи».

Александръ Ивановичъ читалъ газеты, комкалъ, кидалъ ихъ подъ столъ.

Ничего большого! Мелкія, жалкія ошибки! Мелочные уколы печати! Все мелочь, мелочь, мелочь! Будни, будни,—министерскія будни! Проклятыя, сѣрыя, тоскливыя будни! Прѣсвятина! Никто не способенъ на что-нибудь крупное! Большое! Могучее!

XXII.

Александръ Ивановичъ развернулъ длиннѣйшую телеграмму:

— «Ваше высокопревосходительство! Гордые сознаніемъ, что урожденный москвичъ сталъ во главѣ государственнаго зодчества,—московская городская дума имѣетъ честь»...

— Поправѣли такъ, что грамотѣ разучились!—улыбнулся Александръ Ивановичъ.—Придаточныхъ предложеній съ главнымъ не согласуютъ. Пишутъ, какъ въ «чайной».

Онъ взглянулъ на подпись:

«Градскій голова Гучковъ».

И, не дочитавъ телеграммы, съ улыбкой взялся писать письмо:

«Дорогой Коля! «Въ первыхъ строкахъ сего моего письма», строжайше, всей полнотой министерской власти, воспрещаю тебѣ посылать мнѣ привѣтствія съ «его высокопревосходительствомъ». Самъ ты превосходительство! Братъ привѣтствуетъ брата! Картина для украшенія классныхъ комнатъ! А ты вотъ что. Понапри-ка на свою думу, чтобы она выразила сочувствіе реальной политикѣ реальнымъ же способомъ. Самымъ реальнымъ! Пусть увеличитъ помѣщеніе и расходы на содержаніе и усиленіе полиціи. До какихъ только размѣровъ возможно. Понялъ? «Да послужитъ,—какъ говорится,—примѣръ первопрестольной столицы и другимъ городамъ». Понимаешь? Моментъ рѣшительный! Не до телеграфныхъ словъ! Я не кровожаденъ, ты знаешь. Величайшее бѣдствіе,—гражданская война. Я и хочу ее предупредить, лишивъ «ихъ» генераловъ, офицеровъ, даже унтеръ-офицеровъ. Въ широчайшихъ размѣрахъ! Но если предупредить невозможно, я готовъ ее вызвать. «Положить раздражающее», какъ говорили въ старину врачи. Но вызвать одно, единственное генеральное междоусобное сраженіе. Чтобы кончить разомъ! Седанъ! Мукденъ! Мнѣ нужны декабрьскіе дни,—но во всей Россіи. Прѣсня,—но въ десяткѣ губерній. Пора сломить. Пусть «мѣры», которымъ ты будешь содѣйствовать непомѣрнымъ уве-

личеніемъ полиціи, или предупредятъ, или вызовутъ взрывъ. Но взрывъ! Я хочу видѣть врага! А на мелкія, аванпостныя стычки расходовать, истощать ни себя ни Россіи не желаю. Твой Александръ».

Онъ взялъ другую длиннѣйшую телеграмму:

«Ваше высокопревосходительство! Гордые сознаніемъ, что нашъ представитель купеческаго сословія взятъ кормчимъ и поставленъ у руля государственнаго корабля, мы заявляемъ вамъ всѣ единогласно: «Мы ждемъ команды»...

Александръ Ивановичъ улыбнулся:

— Это г. Калашниковъ.

Посмотрѣлъ на подпись.

— Такъ и есть!

И разсмѣялся:

— Онъ еще въ Нижнемъ, на губернаторскомъ обѣдѣ, всегда покойника Баранова одной и той же рѣчью привѣтствовалъ. «Ярмарка, ваше превосходительство, это корабль. Вы, ваше превосходительство, капитанъ. Мы, ваше превосходительство, не что иное, какъ матросы. Вы, ваше превосходительство, крикните: «Лѣзь на мачту!» Мы, ваше превосходительство»... И Барановъ его краснорѣчіе всегда одной и той же шуткой прерывалъ: «Г. Калашниковъ такъ хорошо живописуетъ море, что у меня начинается морская болѣзнь. Прошу васъ,— перестаньте!» Каждый разъ. Одно и то же, изъ года въ годъ.

Онъ, не читая, просмотрѣлъ только подписи телеграммъ:

— Такое-то купеческое общество.

— Такое-то.

— Такое-то.

И отодвинулъ этотъ ворохъ отъ себя:

— Частая смѣна министра хороша тѣмъ, что усиливаетъ фонды государственнаго казначейства увеличеніемъ телеграфнаго дохода.

Онъ улыбнулся:

— Хоть бы телеграфъ забастовалъ! А то съ отвѣтами на и телеграммы министру дѣломъ заниматься некогда.

И позвонилъ.

— Отвѣтить! — приказалъ онъ чиновнику, подавая телеграммы.

XXIII.

Въ кабинетъ Александра Ивановича Гучкова торопливо вошелъ лександръ Аркадьевичъ Столыпинъ, красный и сконфуженный.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство Алесандръ Ивановичъ, что вамъ угодно было принять меня въ епріемный день. Дѣло-то такое... Странное... щекотливое, такъ казать, дѣло... какъ на него посмотрѣть... я никогда не утруждаю министровъ...

— Въ чемъ дѣло!—ласково спросилъ Александръ Ивановичъ.—Очень радъ, если смогу...

— Дѣло въ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Суворинѣ! Милѣйшій стаикъ! Почтеннѣйшій! «Авансъ, а не человѣкъ!» какъ зовутъ го у насъ въ редакціи. Несмотря на возрастъ, крѣпость соранилъ изумительную. Самозванцемъ интересуется и отъ имени бщественнаго мнѣнія очень хорошо пишетъ. По за послѣднее ремя... Извините, словно муха его какая укусила. Вдругъ: «Я асъ, говоритъ, петитомъ!»

— Какъ петитомъ?—удивился Александръ Ивановичъ.

— Мелкій шрифтъ такъ у нихъ называется въ газетахъ.

— Я знаю.

— «Я, говоритъ, васъ петитомъ буду печататъ». Согласитесь, мнѣ обидно. Вдругъ, все корпусомъ, корпусомъ,—и пеитъ! Я вѣдь не какъ другіе тамъ литераторы. Мнѣ не гоораръ. Фамильная гордость страдаетъ. Мы съ Лермонтовымъ ъ родствѣ!

— Да почему же онъ такъ?

— Спросите! Говорю вамъ: «укусило». Изволите ли видѣть, ъ голову ему вошло... Однимъ словомъ, непремѣнно желаетъ, тобы вашъ братъ, Николай Ивановичъ, у него писалъ!

— Но мой братъ городскимъ головой въ Москвѣ.

— Развѣ ему не говорили? Говорили! Уперся! «Пусть, говоритъ, броситъ и въ «Новое Время» идетъ». Нравный старикъ! Амбиція! «У меня, говоритъ, такъ публика привыкла, чтобы непремѣнно братъ министра виды правительства излагалъ! Опроверженій больше! А опроверженій больше,—шуму больше. А шумъ въ газетѣ, что на мельницѣ. Необходимъ. Безъ шума ни газеты ни мельницы,—быть не могутъ». Подите съ нимъ!

— Вы бы какъ черезъ товарищей по редакціи подѣйствовали!

— Пробовалъ!

Александръ Аркадьевичъ махнулъ рукой.

— Выбралъ минуту, когда старикъ былъ помягче. Просилъ одного товарища... слово-то какое! Пошелъ къ старику въ кабинетъ, часа два битыхъ тамъ сидѣлъ. Я думалъ, что онъ что-нибудь въ мой профитъ скажетъ, а онъ стариковымъ расположеніемъ воспользовался и авансъ себѣ выхлопоталъ. Не коварство? Выходитъ и говоритъ: «Ничего не могъ сдѣлать. Себѣ кое какіе гроши выцарапалъ, а относительно васъ—кремень!» А онъ и не говорилъ! И себѣ-то двѣ тысячи взялъ! «Гроши!» Вонъ они какіе, литераторы-то!

Александръ Аркадьевичъ поникъ головой.

— Но я, право, не понимаю, что жъ я тутъ могу? Предложить вамъ въ газетѣ «Россія»?

Александръ Аркадьевичъ съ испугомъ воскликнулъ:

— Избави Богъ!

И покраснѣлъ еще гуще:

— То-есть... виноватъ... я не такъ... я не хотѣлъ...

— Ничего-съ!—спокойно сказалъ Александръ Ивановичъ.— Но только тогда я рѣшительно не понимаю, что же я могу?

— Все! Вѣрьте мнѣ, Александръ Ивановичъ, все! Старикъ самостоятеленъ! У-у! Но честолюбивъ! Склонность имѣетъ: всегда такъ, какъ министры, думать. Льститъ ему: совсѣмъ какъ у министра у него мысли. Стоитъ вамъ слово сказать.

нъ сейчасъ министерскую мысль на лету подхватитъ. Изъ чеголюбія-съ, единственно изъ честолюбія. Чтобы въ головѣ у его было совсѣмъ какъ у министра!

— Хорошо... извольте... при свиданіи скажу...

— Страшно обязанъ буду. А то помилуйте,—петитъ. Не мѣю больше отрывать... Никогда не затрудняю министровъ. И сли бы не петитъ...

Александръ Аркадьевичъ, такъ же торопливо и такой же расный, вышелъ изъ кабинета.

— Будни... будни... министерскія будни! — подумалъ Алесандръ Ивановичъ.—Однѣ мелочи.

И въ сердцѣ у него была тоска.

XXIV.

Александръ Ивановичъ проснулся съ тяжелой головой.

Послѣ сна онъ чувствовалъ себя не подкрѣпленнымъ, а ставшимъ.

Ночь была тревожная.

Всю ночь снилась какая-то «ерунда».

Онъ былъ въ комнатѣ.

Въ «той» комнатѣ.

Какая-то маленькая старушка, вся въ черномъ, бродила изъ тла въ уголъ, заглядывала подъ столы, подъ диваны, подъ ресла.

И звала.

Однообразно, протяжно, тоскливо звала:

— Попочка!.. Попочка!.. А, попочка!.. Гдѣ ты, попочка!..

Какъ кошка бродитъ и мяучитъ, у которой утопили котятъ.

Она шарила подъ кресломъ, на которомъ сидѣлъ Александръ вановичъ, и дотрогивалась до его ногъ руками, холодными, акъ у покойника.

И морозъ пробѣгалъ по кожѣ у Александра Ивановича.

Онъ чувствовалъ, какъ у него шевелятся волоса.

— Попочка-а!

И Александръ Ивановичъ старался, мучительно старался вспомнить:

— Гдѣ онъ видѣлъ попочку?

Гдѣ?

И у него выступалъ холодный потъ.

И онъ не могъ, не могъ вспомнить.

Старушка уходила въ другую комнату, и издали, изъ темныхъ комнатъ, доносилось ея тоскливое мяуканье:

— Попочка-а!.. Попочка-а!

И Александръ Ивановичъ, словно прикованный къ креслу, съ ужасомъ думалъ, что вотъ, сейчасъ, старуха опять войдетъ въ комнату и начнетъ шарить, искать.

И она появлялась въ дверяхъ.

И шла на него.

Неподвижно глядя безцвѣтными, оловянными глазами.

И говорила однообразнымъ, безучастнымъ голосомъ. Страннымъ. Какіе слышатся только въ кошмарахъ.

— Куды вы дѣли моего попочку?

И подходила ближе, ближе...

— Куда вы дѣли моего попочку?

Александръ Ивановичъ чувствовалъ, что старуха подойдетъ,— и сердце у него разорвется.

Онъ хотѣлъ крикнуть отъ ужаса.

И не могъ.

Онъ повторялъ себѣ:

— Это сонъ! Это сонъ! Нужно проснуться! Нужно проснуться!

И не могъ.

А старуха была ужъ совсѣмъ близко.

— Куды...

Александръ Ивановичъ просыпался, весь въ поту, съ холодными ногами.

Онъ прислушивался.

Изъ другихъ комнатъ, изъ темноты, доносился какъ будто шорохъ... платья...

Какъ будто послышался стонъ...

Онъ зажигалъ электричество.

Приходилъ въ себя.

Бѣсился.

— Сцена изъ Шиллеровской трагедіи! Русскій министръ-президентъ въ роли Франца Моора!

«Внутренно хохоталъ».

Наружно улыбался.

Засыпалъ...

И снова старушка начинала безшумно бродить по «той» комнатѣ.

— Попочка-а... попочка-а... Гдѣ ты, попочка?..

И онъ видѣлъ передъ собой вдругъ клѣтку съ попочкой.

Хотѣлъ взять.

И вдругъ изъ-за рѣшетки глядѣло на него молодое лицо, съ задумчивыми глазами, съ мягкой, пушистой бородкой.

И страннымъ, металлическимъ, голосомъ говорило:

— А отвѣчать вамъ я не намѣренъ!

И онъ хотѣлъ бѣжать отъ клѣтки и не могъ.

Хотѣлъ крикнуть.

И не могъ.

И снова просыпался въ безпредѣльномъ ужасѣ.

Лежалъ прислушиваясь, словно ожидая что-то услышать оттуда, изъ темноты, изъ другихъ комнатъ.

И снова засыпалъ.

И едва вѣки, тяжелыя, какъ свинецъ, закрывались, и что-то тяжелое, какъ свинецъ, охватывало и давило голову,—снова раздавался голосъ:

— Попочка-а...

И такъ всю ночь.

И, просыпаясь ночью, онъ съ тоскою думалъ:

Когда же, когда же свѣтъ, будутъ люди?

Александръ Ивановичъ занимался дѣлами.

Ѣздилъ, куда нужно ѣздить министру-президенту.

Принималъ доклады.

Работалъ надъ будущей министерской декларацiей.

Перерабатывая ее въ седьмой разъ, онъ задумался.

И улыбнулся...

«Когда-нибудь монахъ трудолюбивый»...

Ему представилась картина.

Публичная библiотека.

Какой-нибудь старикъ съ бахромкою волосъ вокругъ голаго, лоснящагося черепа. Со спутанной бородой.

Надъ томами «Правительственнаго Вѣстника».

Низко наклонившись. Водитъ по страницамъ носомъ сверху внизъ. Близорукiй.

А! Вотъ!

Что почувствуетъ онъ, читая вотъ эту декларацiю?

Ну! Историкъ-то почувствуетъ только радость: «Нашелъ! Наконецъ-то! Чортъ ихъ возьми, какiя тяжелыя книги!» Знаменитая декларацiя Гучкова! Ну-ка, ее на свѣтъ!

Что скажетъ публика... Тогдашняя... незнакомая, неизвѣстная, которой, какъ ни напрягай воображенiе, нѣтъ возможности увидѣть... которой не предугадаешь...

Что скажетъ эта публика, когда ей изъ мрака, изъ хаоса прошлаго, изъ кроваваго хаоса, какъ изъ погреба, вынесутъ, отряхнутъ плѣсень:

А вотъ декларацiя Гучкова!

Улыбнется, быть-можетъ, прочитавъ?

Улыбкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ...

Я даже становлюсь сентименталенъ!—улыбнулся и Александръ Ивановичъ. Нервы!

И онъ принялся перечитывать декларацiю.

И ему казалось, что кто-то изъ-за плеча глядитъ на то, что онъ пишетъ, и смѣется.

Нервы!

Ему показалось.

Онъ слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, но всякій разъ, акъ упоминалось:

— Карательная экспедиція.

— Приговоры.

— Мѣры.

Въ стройной, послѣдовательной нити его мысли мелькало олодое лицо, задумчивые глаза, мягкая, пушистая бородка.

Онъ подергивалъ плечами, словно откуда-то дуло.

— Нервы!

Онъ не любилъ проходить черезъ «ту» комнату.

Чѣмъ бы онъ ни былъ въ эту минуту занятъ,—онъ оглывалъ ее съ интересомъ.

— На какомъ креслѣ «онъ» сидѣлъ? Кажется, на томъ?

И иногда онъ чувствовалъ, что его тянетъ въ эту комнату.

— Нервы!

Однажды, остановившись среди этой комнаты, онъ подумалъ:

— Не слишкомъ ли мы много на себя беремъ?

И ему вспомнился Треповъ. Грудь колесомъ. Ясные глаза. мѣлый взглядъ.

— Умеръ отъ сердца!

И ему вспомнился вдругъ одинъ покойный купецъ. Затрѣлившійся.

Они сидѣли небольшимъ обществомъ. Какой-то пріѣзжій ибирякъ, разсказывая про сибирскія дѣла, упомянулъ о степомъ генералъ-губернаторѣ, подписавшемъ недавно три смертыхъ приговора.

— Какой ужасъ!—воскликнула одна дама.

Наступило молчаніе.

— А оно, должно-быть, интересное ощущеніе,—задумчиво и лыбаясь, сказалъ купецъ, который потомъ застрѣлился, сиѣвшій около письменнаго стола и вертѣвшій въ рукахъ перо,— нтересное ощущеніе: подписать вдругъ смертный приговоръ.

И онъ написалъ на листѣ лежавшей передъ нимъ бумаги:

— С. Холодовъ.

И всѣ почему-то взглянули на подпись.

И ему, Александру Ивановичу, былъ непріятенъ почему-то росчеркъ. Размашистый, ухарскій.

Александръ Ивановичъ подумалъ теперь:

— Ну, вотъ! Только этого и недостаетъ! Конечно! Чтобъ я со всѣмъ Петербургомъ принялся ругать «купца Гучкова».— «Захотѣлось купцу чужими жизнями пораспоряжаться!» Не напечатать ли этого? А?

И онъ поспѣшилъ уйти изъ «той» комнаты, невольно ускоряя шаги.

Тутъ чувствовался Треповъ... и еще кто-то.

— Спиритизмомъ не заняться ли?—со злобой подумалъ Александръ Ивановичъ.

— Нервы!

Но въ этотъ день, ложась спать, Александръ Ивановичъ снова почему-то вспомнилъ о Треповѣ.

— Во снѣ онъ...

И ему... Странное какое-то ощущеніе... Захотѣлось не засыпать.

— Почитать развѣ что-нибудь!

И ужъ окончательно озлобившись на себя, онъ подумалъ:

— Да что жъ я, наконецъ, такое?

Вотъ и теперь...

Александръ Ивановичъ всталъ и подошелъ къ зеркалу.

Лицо у него было усталое, слегка отекшее, блѣдное. Около глазъ было желто.

— Доктору сказать! Kali bromati пусть пропишетъ!

И ему представился номеръ газеты:

— Министръ-президентъ А. И. Гучковъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Созывался консиліумъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Положеніе хуже... министръ-президентскаго!

Онъ разсмѣялся.

И вдругъ смолкъ.

Ему показалось, что смѣется старикъ.

— Нервы!

И когда его окружили люди, и на столѣ зашуршали бумаги, и въ окно глянуло заблудившееся и какъ-то попавшее въ Петербургъ солнце,—онъ весело подумалъ, оглянувъ стѣны:

— Сей замокъ полонъ привидѣній!

XXV.

Вторую недѣлю шли хлопоты по составленію министерства.

— Итакъ, графъ...—говорилъ Александръ Ивановичъ.

— «Опять графъ!»

Онъ сидѣлъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ, съ графомъ Шофгаузеномъ.

Сначала онъ послалъ къ Анатолію Ѳедоровичу Кони.

Анатолій Ѳедоровичъ Кони заболѣлъ.

Подождавъ одинъ день, Александръ Ивановичъ снова послалъ къ Кони.

А. Ѳ. Кони опять заболѣлъ.

Александръ Ивановичъ подождалъ еще два дня и опять послалъ къ Кони.

А. Ѳ. Кони снова заболѣлъ.

Александръ Ивановичъ расхохотался и пригласилъ старика-графа Шофгаузена «по государственному дѣлу».

— Итакъ, графъ,—говорилъ Александръ Ивановичъ,—мы были съ вами одной партіи. Вы въ ней вѣдь больше не состоите?

Старикъ кивнулъ головой:

— Вышелъ!

— И не принадлежите теперь ни къ какой? Поэтому-то, главнымъ образомъ, я на васъ и остановился. Я не сектантскій соборъ собирать собираюсь. Для словопреній: «Како вѣруеши? Принимаешь ли сіе? Отметаешь ли сіе?» Партіи... партійные счеты... партійные интересы на первомъ планѣ, заслоняющіе собой общее, главное... Весь этотъ мусоръ парламентаризма... Я вмѣстѣ съ Толстымъ...

личеніемъ полиціи, или предупредятъ, или вызовутъ взрывъ. Но взрывъ! Я хочу видѣть врага! А на мелкія, аванпостныя стычки расходовать, истощать ни себя ни Россіи не желаю. Твой Александръ».

Онъ взялъ другую длиннѣйшую телеграмму:

«Ваше высокопревосходительство! Гордые сознаніемъ, что нашъ представитель купеческаго сословія взятъ кормчимъ и поставленъ у руля государственнаго корабля, мы заявляемъ вамъ всѣ единогласно: «Мы ждемъ команды»...

Александръ Ивановичъ улыбнулся:

— Это г. Калашниковъ.

Посмотрѣлъ на подпись.

— Такъ и есть!

И разсмѣялся:

— Онъ еще въ Нижнемъ, на губернаторскомъ обѣдѣ, всегда покойника Баранова одной и той же рѣчью привѣтствовалъ. «Ярмарка, ваше превосходительство, это корабль. Вы, ваше превосходительство, капитанъ. Мы, ваше превосходительство, не что иное, какъ матросы. Вы, ваше превосходительство, крикните: «Лѣзь на мачту!» Мы, ваше превосходительство»... И Барановъ его краснорѣчіе всегда одной и той же шуткой прерывалъ: «Г. Калашниковъ такъ хорошо живописуетъ море, что у меня начинается морская болѣзнь. Прошу васъ,— перестаньте!» Каждый разъ. Одно и то же, изъ года въ годъ.

Онъ, не читая, просмотрѣлъ только подписи телеграммъ:

— Такое-то купеческое общество.

— Такое-то.

— Такое-то.

И отодвинулъ этотъ ворохъ отъ себя:

— Частая смѣна министра хороша тѣмъ, что усиливаетъ фонды государственнаго казначейства увеличеніемъ телеграфнаго дохода.

Онъ улыбнулся:

— Хоть бы телеграфъ забастовалъ! А то съ отвѣтами на эти телеграммы министру дѣломъ заниматься некогда.

И позвонилъ.

— Отвѣтить! — приказалъ онъ чиновнику, подавая телеграммы.

XXIII.

Въ кабинетъ Александра Ивановича Гучкова торопливо вошелъ Александръ Аркадьевичъ Столыпинъ, красный и сконфуженный.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство Александръ Ивановичъ, что вамъ угодно было принять меня въ непріемный день. Дѣло-то такое... Странное... щекотливое, такъ сказать, дѣло... какъ на него посмотрѣть... я никогда не утруждаю министровъ...

— Въ чемъ дѣло!—ласково спросилъ Александръ Ивановичъ.—Очень радъ, если смогу...

— Дѣло въ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Суворинѣ! Милѣйшій старикъ! Почтеннѣйшій! «Авансъ, а не человѣкъ!» какъ зовутъ его у насъ въ редакціи. Несмотря на возрастъ, крѣпость сохранилъ изумительную. Самозванцемъ интересуется и отъ имени общественнаго мнѣнія очень хорошо пишетъ. Но за послѣднее время... Извините, словно муха его какая укусила. Вдругъ: «Я васъ, говоритъ, петитомъ!»

— Какъ петитомъ?—удивился Александръ Ивановичъ.

— Мелкій шрифтъ такъ у нихъ называется въ газетахъ.

— Я знаю.

— «Я, говоритъ, васъ петитомъ буду печатать». Согласитесь, мнѣ обидно. Вдругъ, все корпусомъ, корпусомъ,—и петитъ! Я вѣдь не какъ другіе тамъ литераторы. Мнѣ не гонораръ. Фамильная гордость страдаетъ. Мы съ Лермонтовымъ въ родствѣ!

— Да почему же онъ такъ?

— Спросите! Говорю вамъ: «укусило». Изволите ли видѣть, въ голову ему вошло... Однимъ словомъ, непремѣнно желаетъ, чтобы вашъ братъ, Николай Ивановичъ, у него писалъ!

Одно! Въ глазахъ общественнаго мнѣнія—одно. При мнѣ на биржѣ не будетъ терминовъ: «Жена министра продаетъ» и «жена министра покупаетъ».

Графъ почтительно склонилъ голову.

— Полнѣйшая безукоризненность! Большое достоинство въ государственномъ человѣкѣ. Огромное... и можно сравнить его съ нолемъ. Оно увеличиваетъ въ десять разъ всѣ остальныя. Разберемся. Вы не популярны.

— Я не актриса, чтобы заботиться о «публикѣ»! Да и то нынче вонъ... во французскомъ театрѣ... ей кричатъ: «вонъ!» а она себѣ показываетъ ноги, какъ бревна, съ подвязками изъ брильянтовъ, каждый... въ морскую лодку величиной. И тѣ не обращаютъ вниманія!

Графъ отвѣтилъ мягко:

— Ну, зачѣмъ же, Александръ Ивановичъ, такъ презрительно относиться къ людямъ. Только за то, что они—актеры! Вѣдь не всѣмъ же въ буфетѣ водку пить,—надо кому-нибудь въ это время «думать какъ Шиллеръ». Я пользовался дружбой покойнаго Росси. Тоже былъ актеръ. Королямъ его слѣдовало бы смотрѣть, когда онъ королей игралъ. Какъ Наполеонъ смотрѣлъ Тальма. Каждый жестъ, каждое слово, каждый взглядъ,—очень большое и точное представленіе имѣлъ: чѣмъ долженъ быть король. Онъ говорилъ мнѣ: «Знаешь, почему я не такъ хорошъ... не могу быть такъ хорошъ въ Отелло, какъ въ Гамлетѣ? Когда я играю Отелло, я чувствую, я слышу, какъ вся публика, вся, сколько ея есть въ театрѣ, внушаетъ мнѣ, кричитъ: «Не убій!» Другимъ»... это онъ намекалъ на Сальвини. При всемъ королевствѣ онъ былъ актеръ!.. «Другимъ это ничего. Кожа у нихъ, что ли, такая толстая. А я не могу. Не поднимается у меня рука на Дездемону. Не поворачивается языкъ ее «тварью» назвать. И я чувствую, самъ чувствую, что слабъ. Другое дѣло—мой милый Гамлетъ! Тамъ вся публика электризуетъ меня, толкаетъ, требуетъ отъ меня: «Убей Клавдія». И мнѣ легко, и я несусь, я окрыленъ. Я окрыленъ внушеніемъ толпы». Для всякаго артиста, на какой бы большой

сценѣ онъ ни игралъ, Александръ Ивановичъ, публика существуетъ. Итакъ, у «публики», какъ выражаетесь вы, у «общества», какъ сказалъ бы я,—вообще «внизу», скажемъ мы вмѣстѣ, вы не популярны. «Наверху», въ правящихъ, въ административныхъ, въ чиновничьихъ сферахъ...

— Вамъ угодно говорить о сотняхъ анонимныхъ писемъ, которыя я получаю? Со «смертными приговорами» и другой такой же чушью? Объ остротахъ, рожденныхъ въ великосвѣтскихъ кабакахъ и перенесенныхъ въ гостиныя, которымъ скорѣе пристало бы называться...

— Я радъ, что вы даете этому настоящую цѣну. Это естественно. Исторически неизбѣжно, чтобы здѣсь къ вамъ отнеслись враждебно!

— Какъ ко всякому общественному дѣятелю!

— Будемъ употреблять слова съ осторожностью. Васъ не считаютъ «общественнымъ» дѣятелемъ. Васъ считаютъ «противообщественнымъ» дѣятелемъ. Въ этомъ еще ваша нѣкоторая поддержка. Но васъ должны, конечно, не любить. Хозяинъ, когда его выселяютъ изъ дома, который онъ привыкъ считать своимъ, всегда относится съ враждой къ новому хозяину, который приходитъ на его мѣсто. Это такъ естественно.

— Естественно все! Клеветы! Интриги! Вплоть до угрозъ включительно! Еще бы, господа! Новый человѣкъ! Parvenu! Выскочка! Вы рождены министрами! Васъ кормилица кормила и говорила: «Ну, ты, министръ, не реви!» Васъ нянька носила и думала: «Вотъ я ношу будущаго министра». Вы учились въ школѣ, «гдѣ кончаютъ на министра». Вы, родясь, были предназначены!.. Извините, я не о васъ говорю, графъ!

— Извиненіе стоитъ обиды,—разсмѣялся графъ,—но ничего! Въ васъ видятъ новую силу, которая поднимается. Такъ, въ свое время, принимали Вышнеградскаго, Витте, «не урожденныхъ министровъ», какъ вы выражаетесь.

— Да! Тоже отличная исторія! Наврали французскому корреспонденту, воспользовались его незнаніемъ языка и потомъ въ восторгъ пришли, когда это появилось въ «Figaro»: «До

сихъ поръ Россія видѣла министрами только людей высоко-аристократическаго происхожденія, теперь же, въ лицѣ гг. Вышнеградскаго и Витте, у кормила правленія появились люди, сами сдѣлавшіе свою карьеру (то, что по-русски называется «pro-chvosti»). Обрадовались, по десяти рублей за номеръ платили, чтобы самимъ же прочитать собственную глупость! Месть! Протестъ! Мокрой тряпкой... грязной... стереть бы съ лица Россіи вашъ очаровательный Петербургъ.

— Тогда былъ мыслимъ такой протестъ! Теперь онъ выражается въ иныхъ формахъ. Повторяю, эта злость понятна. Сословіе, которое до сихъ поръ «жертвовало», является управлять. И естественная злость наверху была бы безсильной, если бы у васъ были заручки внизу.

— Я самъ себѣ заручка! Я! Моя прогромма! Мои дѣйствія! Мои первые же шаги! Дѣло въ томъ, чтобы только помочь мнѣ, помочь ихъ сдѣлать!

— Отлично!

И графъ съ юношеской силой и живостью ударилъ ладонью о столъ.

— Я вашъ! Я готовъ вамъ помочь въ дѣлѣ родины! Я беру портфель. Я становлюсь во главѣ юстиціи. Свободной! Независимой! Юстиціи, подъ которой нѣтъ ничего, кромѣ закона, надъ которой нѣтъ ничего, кромѣ собственной совѣсти. Я завтра же дѣлаю «исправляющихъ должность» судебными слѣдователями, несмѣняемыми судьями, которыхъ ни одинъ администраторъ не позволитъ себѣ вызвать для внушеній. А если бы и позволилъ себѣ,— несмѣняемый, ни отъ чего, кромѣ суда, не зависящій слѣдователь-судья посмотритъ на такое приглашеніе, какъ на приглашеніе отъ лица неизвѣстнаго, да еще совсѣмъ изъ другого круга. И не пойдетъ. Прокуроры больше не будутъ получать внушеній, приказовъ. Никто не будетъ ихъ натравлять: «Взять!» Никто не будетъ на нихъ цыкать: «Тубо». Судьи не будутъ считаться ни съ какой «уголовной политикой». Истинно «уголовная» политика! Не будутъ знать ничего, кромѣ правосудія. У насъ будетъ отличная юстиція, Александръ Ива-

новичъ! Истинная юстиція, ручаюсь вамъ! Судъ вновь почувствуетъ себя достаточно вооруженнымъ закономъ и скажетъ: «Гдѣ нужно судить, буду судить я,— и только я!» Онъ вновь вернетъ себѣ всю утраченную территорію. Судить будутъ судьи, а не таинственные офицеры. Судить со всѣми гарантіями! Мы сразу возстановимъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей государственнаго дѣла,— юстицію, во всей ея чистотѣ, полнотѣ, могуществѣ, величіи. Мы сдѣлаемъ это! Вотъ вамъ моя рука, Александръ Ивановичъ!

— Вы, конечно... вы не про сію вѣдь минуту говорите... иначе... иначе... это явилось бы шуткой... простите меня... мало даже умѣстной... Все это такъ должно быть! Конечно. Иначе не можетъ быть. Это и мой идеалъ. Но вѣдь не можете же вы человѣку, который, скажемъ, ѣдетъ изъ Петербурга въ Москву и только еще садится въ поѣздъ, сказать: «Слѣзай, ты ужъ въ Москвѣ»... Вы понимаете, что сейчасъ... Время военное, а вы говорите, конечно, объ устройствѣ мирнаго времени? Сейчасъ все это было бы утопіей...

— Какъ? Принимаясь за устройство закономѣрнаго и правомѣрнаго государства, вы начинаете съ того, что законъ и право называете утопіей? Когда министръ юстиціи говоритъ вамъ о законной юстиціи,— вы считаете это шуткой? И даже неумѣстной? Какъ? Меня, стараго юриста, для котораго Богомъ было Правосудіе, Евангеліемъ — законъ, уставъ судопроизводства — служебникомъ, судъ — таинствомъ, литургіей. Меня вы хотите заставить объявить, что моего Бога нѣтъ! Что Онъ безсиленъ! Что есть «иные бози, развѣ Его!» Что они лучше! Меня, министра юстиціи, ея первосвященника, вы хотите заставить объявить, что не надо быть священникомъ, чтобы служить литургію? Вы хотите, чтобы я,— я проповѣдывалъ уничтоженіе не только обряда, но и догмы и вѣры?! Въ нашемъ кругу, Александръ Ивановичъ,— сказалъ бы я, — считается неумѣстнымъ молодымъ людямъ шутить надъ стариками. Да еще такъ шутить. «Шутить»,— сказалъ бы я, если бы вамъ было до шутокъ. Вы валитесь, Александръ Ивано-

вичъ. въ ту же пропасть, въ которую полетѣлъ и графъ Витте.

— Графская пропасть? — расхохотался г. Гучковъ судорожно и нервно.— До галлюцинацій: вездѣ графы.

— Акимовъ, — продолжалъ графъ,— старый судья! Человѣкъ большого ума! Когда состоялось его назначеніе,— революціонерамъ, тѣмъ, можетъ-быть, все равно, — но либералы пріуныли. Умный консерваторъ! Въ стадѣ появился бѣлый слонъ! И что же? На что вы, господа, истратили человѣка? Что отъ него осталось? Хорошо закрывалъ газеты! Похоронный церемоніймейстеръ! Бюро похоронныхъ церемоній изъ министерства юстиціи! Бюро, гдѣ газеты хоронились «по первому разряду». «Совсѣмъ какъ въ Европѣ-съ!» Не сразу: «цыцъ», а съ соблюденіемъ формальностей. Старый режимъ умиралъ. Дурново дѣйствовалъ какъ хирургъ. Витте хлороформировалъ. А Акимовъ... бѣдный Акимовъ разстилалъ соломку на мостовой. Газеты закрывалъ. «Чтобы шума не было». Нѣтъ-съ, Александръ Ивановичъ, быть мухой на хвостѣ великолѣпнѣйшаго сокола, который летитъ въ пропасть,— не желаю-съ! А вы летите въ пропасть! Вы мечетесь,— развѣ вы ко мнѣ, смѣшному человѣку, который отовсюду уходитъ «по благородству», обратились за бланкомъ. Вы потеряли голову, если ужъ у юриста просите поставить бланкъ на неправосудіи. Очень благодаренъ вамъ за почетное предложеніе. И отказываюсь.

— Тогда зачѣмъ же всѣ эти разговоры?! — почти закричалъ Александръ Ивановичъ.

— Вы ужъ слишкомъ! — улыбнулся и слегка прищуренными глазами посмотрѣлъ на г. Гучкова графъ.—Вы совсѣмъ слишкомъ, Александръ Ивановичъ! Вы оскорбляете людей и хотите даже, чтобы они при этомъ «не смѣли разговаривать». Это уже выше диктаторства! Я доволенъ, что имѣлъ случай говорить съ вами потому, что, быть-можетъ, не имѣя никакихъ уполномочій, я говорилъ отъ имени всей Россіи. Сказалъ, что сказала бы вамъ вся Россія.

— Графская Россія! И вы, можетъ-быть, графъ, явились, чтобы примирить меня съ другими графами? Вѣдь у насъ, что ни партія, то графъ. Только графовъ и слышишь! Съ графами хорошъ,— съ Россіей хорошъ!

Графъ спокойно пожалъ плечами.

— Я не виноватъ въ томъ, что родился графомъ и что живу въ странѣ, гдѣ надо быть графомъ, чтобы имѣть возможность говорить. Я не явился,— меня позвали...

— Извиняюсь за безпокойство.

— Охотно извиняю, какъ докторъ, котораго позвали къ больному, а онъ нашелъ покойника. Имѣю честь кланяться!

— Честь имѣю.

Александръ Ивановичъ съ ненавистью посмотрѣлъ на затворившуюся дверь:

— Парламентеры! Парламентеры отъ Россіи! Вамъ только парламентерами на войнѣ и быть! Господи!

Онъ схватился за голову:

— Вездѣ одна мокрота, жижа, слизь. Опереться не на что! И еще говорятъ: скользишь, въ пропасть летишь! Да какъ же съ вами...

Онъ застоналъ отъ злости и съ ненавистью оглядѣлся кругомъ.

— Проклятіе, что ли, здѣсь какое? Заклятіе положено на этомъ мѣстѣ? То же? Со всѣми все то же? Двѣ недѣли нѣтъ возможности составить министерство! Всѣ отказываются! Болѣютъ! Приходитъ человѣкъ,—человѣкъ! И среди слизи какой-то тонетъ!

Онъ упалъ въ кресло и сейчасъ же вскочилъ, обозленный еще сильнѣе.

— Разговоры съ благородными графами изъ мелодрамы, и русскій министръ-президентъ въ заколдованномъ замкѣ!

Онъ схватилъ со стола какое-то попавшееся дѣло и бросилъ его обратно объ столъ.

— Канцелярскихъ писцовъ министрами сдѣлаю! Пѣшекъ наберу. Электрическихъ кнопокъ. Одинъ дѣлать дѣло буду! Диктаторъ? Диктаторъ!

И онъ пошелъ къ себѣ, инстинктивно обойдя «ту» комнату.

XXVI.

Александръ Ивановичъ подошелъ къ окну.

Посмотрѣлъ,—и какое-то непріятное ощущеніе зашевелилось въ немъ.

Въ спинѣ тоскливо заныло.

Въ ногахъ Александръ Ивановичъ почувствовалъ безпокойство. Не дрожь, нѣтъ... безпокойство!

На набережной было пусто и уныло.

Сѣрое небо низко-низко опустилось надъ землей. Давило.

Шелъ не то дождь, не то мокрый снѣгъ.

По противоположному тротуару медленно прошелъ какой-то высокій человѣкъ съ окладистой черной бородой. Въ цилиндрѣ.

— Гдѣ я видѣлъ это лицо?—задалъ себѣ вопросъ Александръ Ивановичъ.

Черезъ минуты двѣ человѣкъ прошелъ назадъ.

Онъ ходилъ походкой человѣка, который уже давно дожидается.

Цилиндръ на немъ отъ мокроты взлохматился и имѣлъ жалкій видъ.

Человѣкъ шелъ слегка сгорбившись, словно онъ съ трудомъ несъ на плечахъ отяжелѣвшее отъ дождя пальто, топорщившееся, стоявшее коломъ.

Правый карманъ оттопыривался.

Несомнѣнно, оттопыривался.

Въ немъ что-то лежало.

Сегодня, именно теперь, Александръ Ивановичъ долженъ былъ ѣхать.

Но ему по телефону сказали, что сегодня визитъ состояться не можетъ.

И онъ неожиданно остался дома.

Александру Ивановичу вдругъ вспомнилось слова фонъ-Плеве:

— Я знаю «мой день». «Это» будетъ въ четвергъ. День доклада. Когда я выѣзжаю..

И непріятное чувство все росло и росло.

— Знакомое лицо... Гдѣ я видѣлъ это лицо?.. Гдѣ?.. А видѣлъ... Гдѣ?

И вдругъ ему вспомнилось.

На прошлой недѣлѣ, на вокзалѣ, когда онъ выѣзжалъ...

Садясь въ вагонъ, онъ оглянулся на почти пустую платформу.

И вдругъ ему бросился въ глаза высокій человѣкъ съ окладистой бородой, въ котелкѣ. Который быстро вышелъ изъ какой-то двери.

Между Александромъ Ивановичемъ и дверью, изъ которой быстро вышелъ человѣкъ, стояли два жандарма.

Александръ Ивановичъ вошелъ въ вагонъ.

Тогда онъ не обратилъ на это никакого вниманія.

Просто, одно изъ мелкихъ, не значащихъ впечатлѣній, которыя какъ-то застреваютъ въ зубцахъ памяти и остаются тамъ почему-то долго, иногда всю жизнь.

Потомъ въ другой разъ...

Александръ Ивановичъ садился въ карету.

Оглянулся.

И не далеко отъ группы его провожавшихъ, подсаживавшихъ,—онъ увидалъ этого же, этого человѣка, высокаго, съ окладистой бородой, въ котелкѣ.

Еще разъ...

Его карета летѣла по Невскому.

На поворотѣ на Большую Морскую Александръ Ивановичъ наклонился къ стеклу и мелькомъ увидѣлъ высокаго человѣка, въ котелкѣ, съ окладистой бородой, заглянувшаго внутрь кареты.

— Знакомое лицо! Помнитъ,—подумалъ онъ мелькомъ.

Высокій человѣкъ, въ цилиндрѣ, съ окладистой черной бородой, вновь появился и зашагалъ медленно, словно нехотя переставляя ноги.

— То же лицо... несомнѣнно...

Дверь подъѣзда, должно-быть, отворилась.

Человѣкъ вдругъ ожилъ, быстро повернулся, взглянулъ по сторонамъ, на подъѣздъ.

Шагнулъ съ тротуара.

Но изъ подъѣзда, должно-быть, вышелъ какой-нибудь курьеръ.

Человѣкъ остановился, повернулся и медленно зашагалъ походкой человѣка, который дожидается уже давно.

Александръ Ивановичъ позвонилъ.

Вошелъ дежурный чиновникъ.

— Вы звали, ваше высокопревосходительство...

— Погодите!—сказалъ Александръ Ивановичъ вполголоса.

Человѣкъ появился снова.

Александръ Ивановичъ кивнулъ головой и, не глядя, спросилъ подошедшаго чиновника:

— Видите? Что бъ это былъ за человѣкъ?

— Это...

Чиновникъ отвѣтилъ тихо, словно чего-то конфузясь:

— Онъ... постоянно... здѣсь ходитъ...

— А!

На душѣ у Александра Ивановича стало тоскливо, противно и унизительно, какъ всегда бываетъ на душѣ у человѣка, когда онъ испыталъ страхъ.

— Онъ тогда... бомбу въ карманѣ нашелъ...—пояснилъ такъ же, почему-то, вполголоса чиновникъ,—у того...

— А!

Александръ Ивановичъ, не глядя на чиновника, пошелъ къ письменному столу.

Онъ улыбнулся.

Но улыбка вышла какая-то растерянная.

— Это, однако, хорошо, что они мѣняютъ имъ хоть головные уборы!.. То котелокъ, а то цилиндръ... А то было бы очень однообразно... Куда ни поѣдешь,—вездѣ кругомъ однѣ и тѣ же фигуры.

Чиновникъ хихикнулъ.

— Благодарю васъ... Меня такъ... заинтересовало...

Александръ Ивановичъ почувствовалъ горячо въ щекахъ и даже въ ушахъ.

— Можете итти!

— Ваше высокопревосходительство!—раздался за спиной у него вкрадчивый, тихій, но очень настоятельный голосъ.

Александръ Ивановичъ быстро повернулся.

— Что вамъ?

XXVII.

— Ваше высокопревосходительство...

Голосъ чиновника звучалъ искательно-ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ настойчивостью, почти непреклонной.

— Традиціи, конечно, не обязательны. Но существуютъ привычки... Чины министерства чрезвычайно... смущены. До сихъ поръ не имѣли чести офиціально представиться вашему высокопревосходительству... Это создаетъ для нихъ... они такъ говорятъ...

— Вы уполномочены?

— Имѣю честь!

Чиновникъ поклонился.

— Это создаетъ... нѣкоторую неясность... Въ особенности, въ связи съ циркулирующими въ Петербургѣ слухами... Конечно, пустыми... но все-таки... Чины министерства—ближайшіе помощники вашего высокопревосходительства! — считаютъ необходимымъ...

Александръ Ивановичъ улыбнулся:

— Что жъ, вы мнѣ, господа, забастовкой, что ли, грозите?

Чиновникъ тоже улыбнулся, но очень сдержанно.

— Для опроверженія ходящихъ слуховъ, ваше высокопревосходительство! Для... ясности...

Александръ Ивановичъ пожалъ плечами.

— Извольте! Если эта формальность такъ необходима... Когда вамъ угодно будетъ представиться?

— Хотя бы сегодня, если ваше высокопревосходительство ничего не имѣетъ противъ... День непріемный, всѣ здѣсь, и вы не выѣзжаете.

Александръ Ивановичъ сухо отвѣтилъ:

— Извольте!

И, слегка улыбнувшись, прибавилъ:

— Устраивайте, какъ это все у васъ принято. Дѣйствуйте по обычаямъ вашей страны!

– Благодарю васъ, ваше высокопревосходительство...

Чиновникъ поклонился, досталъ изъ кармана сложенную вчетверо, какъ чиновники складываютъ документы, тетрадь изъ толстой министерской бумаги, бережно и съ почтеніемъ развернулъ ее и подалъ министру.

— Вотъ-съ!

— Это что?—съ удивленіемъ спросилъ Александръ Ивановичъ, сѣлъ за столъ и жестомъ пригласилъ чиновника сѣсть напротивъ.

— Это что?—переспросилъ онъ. взглядомъ пробѣжавъ страницу и отвернувъ другую.—Афиша? Перечень дѣйствующихъ лицъ?

Чиновникъ отвѣчалъ почтительно, но настойчиво.

— Для предварительнаго ознакомленія-съ!

Александръ Ивановичъ прочелъ первыя строки:

— Гмъ.. Это интересно, однако... Семенъ Никодимовичъ Виѳлеемскій. Знаю. Это изъ семинаристовъ?

Чиновникъ почтительно наклонилъ голову.

— А это что жъ такое? «Княгиня Марья Алексѣвна»? Это что жъ такое? Противъ его имени? Псевдонимъ его, что ли?

Чиновникъ почтительно, но слабо улыбнулся министерской остротѣ:

— Имя лица, коего... рекомендаціей чиновникъ опредѣленъ на службу.

— А-а! А это что за графа? Особа...' особа... особа... списокъ особъ?

— А это...

Чиновникъ деликатно улыбнулся.

— ...тѣ тренія... непріятныя тренія... которыя получаются, если бы означенное лицо, чиновникъ, было удалено со службы... или встрѣтило неожиданныя препятствія въ прохожденіи и возвышеніи по службѣ...

И сквозь деликатность тона чувствовалась наглость безпримѣрная.

Александръ Ивановичъ отложилъ бумагу и спросилъ сурово, взглянувъ чиновнику прямо въ лицо:

— Это что жъ такое?

Чиновникъ не потерялъ деликатнѣйшаго тона.

И отвѣчалъ съ полупоклономъ:

— Заботливость о начальникѣ, ваше высокопревосходительство... Желаніе... совершенно естественное желаніе подчиненныхъ... облегчить своему начальнику служеніе отечеству... Предупредить... Оберечь отъ тѣхъ нежелательныхъ треній, которыя онъ могъ бы вызвать, не будучи предупрежденъ, тѣмъ или другимъ распоряженіемъ по канцеляріямъ... Желаніе удалить отъ него эти тренія, могущія... могущія затормозить его государственную дѣятельность... Потребовать отъ него огромныхъ затратъ энергіи, необходимой на дѣла правленія!.. Могущія...

Чиновникъ стыдливо опустилъ глаза и закончилъ ужъ совсѣмъ тихо и мягко:

— Есть и такія тренія... Могущія совсѣмъ пріостановить государственную дѣятельность начальника!

— Да?

Александръ Ивановичъ прищурилъ глаза.

— И вы всегда такъ проявляли вашу заботливость?.. При вступленіи каждаго министра?

Чиновникъ, словно извиняясь въ чемъ-то, улыбнулся и откровенно прибавилъ:

— Впервые!

— Почему же?

— Раньше, видите ли, было такъ. При министрѣ можно было выслужить пенсію. Министръ,— и министръ! Смѣны ми-

нистровъ были рѣдки... какъ катастрофы. Потомъ... времена измѣнились... Требованія времени!.. Министры стали... краткосрочные. Смѣна за смѣной. Но... до сихъ поръ были свои люди. Долгосрочнымъ «это» не нужно было: они всѣхъ знали, и ихъ всѣ знали. Краткосрочные до сихъ поръ тоже въ «этомъ» не нуждались: сами были чиновники, проходили службу, знали... вообще, свои люди. Съ вами, ваше высокопревосходительство, начинается новая эра. Люди новые. Съ условіями не знакомые. Мы и рѣшили... для ясности... предупреждать...

— Страховаться?

Чиновникъ вздохнулъ:

— Надо, ваше высокопревосходительство, и о себѣ подумать! При быстрой смѣнѣ вѣяній, настроеній, требованій, программъ, начальствъ,— всего-съ... обезпечить себѣ...

— Безсмѣнность? Безсмѣнность себѣ среди всего мѣняющагося? «Времена мѣняются, но только мы не мѣняемся въ нихъ»! Въ противность древнимъ! Такъ-съ? Безсмѣнность?

Чиновникъ отвѣтилъ сухо:

— Кусокъ хлѣба!

— Двадцатое число?

— Имъ кормимся.

— И недурно! Желаете продолжать вѣчно?

Чиновникъ снова ласково улыбнулся:

— Желаемъ предотвратить отъ начальника треніе... Если угодно будетъ внимательно пробѣжать вашему превосходительству, — вы изволите тутъ усмотрѣть такія неожиданныя и нежелательныя могущія быть тренія...

— Слышалъ-съ!

Александръ Ивановичъ съ брезгливой гримасой просматривалъ «афишу».

Брови его иногда невольно приподнимались.

И чиновникъ тогда сдерживалъ улыбку.

— А гдѣ же тутъ вы?

— На третьей страницѣ... внизу... вотъ-съ!

Александръ Ивановичъ, прищурившись, прочелъ.

— Ого!.. Поздравляю! Вы хорошо гарнированы!

Чиновикъ привсталъ и поклонился.

— Благодарю васъ, ваше высокопревосходительство.

Александръ Ивановичъ положилъ тетрадь и холодно, съ ненавистью, спросилъ:

— Это что же? У себя оставить? Или вамъ возвратить?

— Это какъ вамъ будетъ угодно, ваше высокопревосходительство! — наклонилъ голову чиновникъ. — Можетъ-быть, у себя оставите... иногда для справокъ. У насъ есть другіе экземпляры.

— Наготовили?

— Переписали копій.

— А недурной былъ бы матеріалъ для какой-нибудь оппозиціонной газеты? А? Какъ вы думаете? Если бы имъ въ руки попало? — спросилъ вдругъ Александръ Ивановичъ, положивъ руку на тетрадь.

Чиновникъ странно улыбнулся:

— Увидали бы... что оппозиція... невозможна!

Александръ Ивановичъ поднялся.

— Скажите вашимъ товарищамъ... что я прошу кончить эту процедуру скорѣе!

— Они готовы-съ!

XXVIII.

Въ пріемной чиновники стояли передъ Александромъ Ивановичемъ пріятнымъ полукругомъ.

Одинъ, съ сѣдыми баками, необыкновенно почтеннаго вида, держалъ въ слегка дрожащихъ рукахъ небольшой образъ св. Александра Невскаго и, кажется, былъ взволнованъ.

Всѣ стояли съ почтительно наклоненными головами.

— Чай, исподлобья глядятъ на дежурнаго. А тотъ имъ мигаетъ: «Все, молъ, сдѣлано! О треніяхъ предупредилъ!»

И отъ почтительной, едва дышавшей толпы, на Александра Ивановича повѣяло чѣмъ-то дерзкимъ, прямо наглымъ.

Изъ полукруга сдѣлалъ два шага впередъ средняго роста элегантный чиновникъ, съ красивымъ кокомъ, густыми сѣдыми усами, въ щегольскомъ вицмундирѣ, съ двумя звѣздами.

Элегантно поклонился и ясно, отчетливо, не торопясь, сказалъ.

Словно кому-то, за что-то съ величайшею сдержанностью, но очень чувствительно выговаривалъ, кому-то объявлялъ какую-то непреклонную волю:

— Ваше высокопревосходительство! Къ искреннему сожалѣнію всѣхъ вашихъ подчиненныхъ, мы не имѣли до сихъ поръ чести, какъ это принято традиціями нашего вѣдомства, представиться вашему высокопревосходительству. Крайне сожалѣя объ этомъ, мы, конечно, далеки отъ ропота. Сами люди долга, мы прекрасно, по личному опыту, знаемъ, что—увы!—обязанности службы часто мѣшаютъ исполненію самаго священнаго долга нашего по отношенію къ близкимъ, къ своей семьѣ.

Александръ Ивановичъ слушалъ съ безстрастнымъ лицомъ, слегка наклонивъ голову.

«Словно приговоръ».

— По той же причинѣ, — послѣ крошечной паузы продолжалъ элегантный чиновникъ, переступивъ съ ноги на ногу, — мы были лишены чести принести вашему высокопревосходительству наше горячее поздравленіе съ избавленіемъ отъ опасности, самоотверженно предотвращенной, къ счастью, отъ вашего высокопревосходительства вашими маленькими и незамѣтными сослуживцами.

При словѣ «сослуживцами» Александра Ивановича слегка передернуло.

Передъ нимъ проплыло лицо господина съ окладистой черной бородой.

Проплыло и, казалось, сняло свой залохматившійся отъ дождя цилиндръ и раскланялось.

Александръ Ивановичъ исподлобья взглянулъ на говорившаго.

— «Самъ ты по какому департаменту?»

— Исполняя, — продолжалъ «читать приговоръ» господинъ съ сѣдыми усами,—лучше поздно, чѣмъ никогда, свой пріятный долгъ, мы, ваши ближайшіе помощники, чины ввѣреннаго вамъ министерства, были бы счастливы услышать отъ вашего высокопревосходительства указанія, которыя вдохнули бы въ насъ увѣренность, столь необходимую въ наше трудное, переходное,— онъ подчеркнулъ слово «переходное»,—время!

Элегантный господинъ поклонился и отступилъ въ полукругъ.

Александръ Ивановичъ поднялъ на него пристальный и тяжелый взглядъ.

— Господа! Благодарю васъ за привѣтствіе, которое, конечно, мнѣ дорого. Что новаго я скажу вамъ? Старый другъ лучше новыхъ двухъ...

По губамъ его мелькнула нехорошая улыбка.

— Я отвѣчу вамъ старой...

Онъ едва удержалъ слово «бюрократической»...

— ...поговоркой: «министры мѣняются, бюро остаются!»

Въ полукругѣ произошло пріятное волненіе. Полукругъ двинулся на Александра Ивановича.

— «Какъ въ атаку!»

Онъ жалъ руки, костлявыя, пухлыя, какъ подушки, сухія слегка влажныя, длинные, тонкіе пальцы, огромныя мохнатыя лапы.

И все время чувствовалъ какую-то дрожь отвращенія при этихъ прикосновеніяхъ.

— «Всѣ?»

Къ нему подошелъ старикъ съ сѣдыми баками, необыкновенно почтенной наружности, державшій въ рукахъ икону.

Говорившій рѣчь чиновникъ чрезвычайно элегантнымъ жестомъ указалъ на икону и произнесъ съ величайшимъ благоговѣніемъ въ голосѣ и на лицѣ:

— Не откажите, ваше высокопревосходительство, принять отъ вашихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ!

— «Въ чемъ и долженъ поцѣловать имъ образъ!»—подумалъ Александръ Ивановичъ.

Онъ приложился къ иконѣ.

— «Словно вѣнчаютъ меня съ собой!»—мелькнуло у него

Онъ окинулъ ихъ быстрымъ взглядомъ.

— Еще разъ благодарю васъ, господа!

Повернулся и пошелъ.

Они застыли съ почтительно наклоненными головами.

И Александръ Ивановичъ, входя въ кабинетъ, почувствовалъ на своей спинѣ взгляды исподлобья, наглые, насмѣшливые и молча торжествующіе.

— Повѣнчанъ!

Онъ сѣлъ за столъ и въ мелкіе клочки разорвалъ «проклятую тетрадь».

Подъ ней лежалъ проектъ министерской декларацiи.

Александръ Ивановичъ равнодушно взялъ ее въ руки и пренебрежительно улыбнулся:

— Министерская декларація № 4. И искать ее надо будетъ не въ исторіи, а въ «журналѣ исходящихъ бумагъ».

И онъ желчно швырнулъ отъ себя декларацію.

Въ окно глядѣлъ сѣрый и тусклый свѣтъ.

Сѣрое небо низко нависло надъ землей. Давило.

XXIX.

— Скушно у васъ тутъ! Небо сѣраго арестантскаго сукна. И лица точно изъ арестантскаго сукна выкроены. Сѣрыя. Сакáлинъ, а не столица Россійской имперіи! Чисто свѣтопреставленія ждете! Въ городишкѣ у насъ разъ было «назначено свѣтопреставленіе». Не то книжку какую нечаянно прочли. Вычитали. Не то странникъ предрекъ. «Четвертаго ноября, въ 11 съ половиной часовъ вечера, будетъ свѣтопреставленіе». Такъ вотъ тоже не хуже васъ лица у всѣхъ были. Мечутся. Баба на базарѣ баранками торгуетъ,—да какъ схватится за голову, да какъ завопитъ: «И на што мнѣ эти бублики? И къ чему мнѣ ваша семитка? Ежели быть нынче свѣтупредставленью». Скушно!

Ермолай Никифоровичъ Евдокимовъ, среднихъ лѣтъ, тучный купецъ, съ пріятнымъ, русскимъ, раскормленнымъ лицомъ говорилъ на «о», по-волжски. Старый, личный пріятель Александра Ивановича. Учился въ Германіи, получилъ «доктора философіи» и занимался большимъ дѣломъ на югѣ.

— У васъ, въ разстрѣлянномъ городѣ, весело! — сказалъ г. Гучковъ.

— Ничего. Живемъ. Въ воскресенье поѣдешь въ бѣговыхъ дрожкахъ на дачу, вездѣ по балкамъ, подъ деревьями—народъ. Рѣчи, шумъ, пѣніе!

— Казаки! Нагайки!

— Разгонятъ въ одномъ мѣстѣ. Бисеромъ по полю разсыплются. Въ другомъ—въ кучку скатятся.

— Ужасъ какъ весело!

— Днемъ, дѣйствительно, тошно. Посмотришь въ окно — штыкъ проплылъ. Черезъ двадцать шаговъ отъ него другой. Черезъ двадцать — третій. Еще черезъ двадцать — четвертый. Вчетверомъ ходятъ,—другъ дружку хранятъ. Идутъ, озираются,— вдругъ кто трахнетъ. Пассажиръ на поѣздъ съ вещами торопится, хорошаго извозчика взялъ—смотрятъ: а вдругъ онъ изъ-подъ вещей достанетъ да... Хорошій извозчикъ,—значитъ, сѣдокъ человѣка убить хочетъ. А ночью заснешь, просыпаешься: на улицѣ шумъ, топанье, мужскіе, женскіе голоса. Что-то на манеръ «Карманьолы» поютъ. Веселое. Это съ массовки какой-нибудь возвращаются. Въ то время, какъ ваша полиція, замученная, усталая, во снѣ ружья не выпуская, съ револьверомъ, во всей амуниціи, спитъ свинцовымъ сномъ, сидя гдѣ-нибудь въ участкѣ, — улица шумитъ, улица поетъ, улица смѣется. Жизнь!

— Угорѣлъ ты тамъ, въ провинціи-то, сидя!—пожалъ плечами Александръ Ивановичъ.

— Прокисли вы, тутъ сидючи. И ты! Безъ году недѣлю сюда попалъ, а ужъ успѣлъ прокиснуть. На что ругаешься-то? На что ругаешься? Подумай! На мать родную ругаешься! Вспомни! Мѣста себѣ не находилъ. Носило тебя отъ буровъ въ Китай?

Что тебѣ было дома дѣлать? Театръ держать? А началось «это», и ты ожилъ. Дѣло и дома нашлось! Мѣсто въ жизни получилъ? А ты на «это» же брюзжишь! Безъ «этого» былъ бы ты гдѣ-нибудь у папуасовъ! Раны имъ, отъ нечего дѣлать, перевязывалъ или съ сосѣднимъ племенемъ за нихъ дрался! Эхъ, вы! Забились куда-то въ уголъ, въ болото ингерманландское, и дрожите! Свѣтопреставленія ждете! Вамъ бы на воздухъ куда изъ вашей слякоти! Чтобъ васъ обдуло. Взгляни, еще никогда на Руси такъ весело не было!

— Весело!

— Весело. Никогда столько пѣсенъ не пѣли! Вездѣ поютъ! Несмотря ни на что, поютъ!

— Да что ты за меломанъ такой выискался?!

— Весело,—и нравится. Всей Руси весело. Страшно, а весело. Можетъ, въ этомъ-то и жизнь! Вы вотъ сидите, нахохлились, испуганно кричите, какъ галки въ непогоду. А посмотри! Театры никогда такъ не работали! И изо всѣхъ жанровъ больше всѣхъ въ спросѣ самый веселый. Оперныя труппы оперетки запѣли! Чтобъ все колесомъ ходило! Потому—весело. Въ ресторанахъ дымъ коромысломъ,—никогда такъ поздно не торговали. Клубовъ, какъ поганокъ, развелось. Игра, шумъ! Угаръ какой-то! У васъ въ буфетѣ... монополія-то когда такъ торговала?

— Нашелъ, чему радоваться? Спились всѣ!

— «Руси есть веселіе пити».

— Это всегда бывало! Во Франціи, во время террора, когда работало на одномъ помостѣ по двѣ гильотины рядомъ. Одной не хватало! Когда рубили головы, какъ капусту. Тоже «веселье» было. На публичныхъ балахъ въ котильонѣ новую фигуру плясали. Гильотинированіе. Дама на колѣни передъ стуломъ становилась, въ отверстіе спинки, какъ въ гильотину, голову просовывала, а кавалеръ ее по шеѣ платочкомъ. И тихонько, едва касаясь волосъ, голову ей приподнималъ. Будто бы отрубленную показывалъ. А все кругомъ какую-то сарабанду плясало. Отупѣніе нервовъ!

— А можетъ, подъемъ силъ? Ишь ты, изъ упокойницкой книжки сейчасъ! По жизни, какъ по покойникѣ, читаешь. А жизнь жива. Румяна! Румянецъ на щекахъ. Вы ихъ сотнями, тысячами въ вѣтромъ подбитыхъ пиджачишкахъ въ Якутскую область шлете,—а ихъ все больше, больше,—и поютъ. Бьете—поютъ. Похороны даже у нихъ,—больше на праздникъ похожи, чѣмъ на похороны. Ужасъ кругомъ. Бомбы, разстрѣлы, зарево пожаровъ, висѣлицы. А Русь поетъ и пляшетъ! Пляшетъ и поетъ среди всего этого!

— Да радость-то съ чего?

— Страхъ исчезъ. Страха нѣтъ. Страхъ умеръ. Не понимаешь, чудакъ ты человѣкъ? Надъ огромной страною висѣлъ страхъ, держалъ ее въ рукахъ страхъ, правилъ ею, давилъ ее страхъ. И вдругъ страхъ исчезъ! Какъ снѣгъ растаялъ. Тѣ, кого привыкли бояться, сами боятся! Весь страхъ люди потеряли! Терроръ кругомъ, а страха нѣтъ. Самой смерти человѣкъ пересталъ бояться! «Смертію смерть поправъ!» — въ воздухѣ слышится. Чисто на Волгѣ ледоходъ идетъ. Страшно и весело!

— Да ты революціонеръ, «monchèr»?

— Наблюдатель. Зритель. И въ пьесѣ мои симпатіи всегда на сторонѣ перваго любовника, а не комической старухи! Въ этой пьесѣ, что передъ глазами, три персонажа. Объ одномъ говорили. Другой—вы. Въ безсильномъ ужасѣ свѣтопреставленія ждете... Въ безсильномъ... несмотря на всѣ «мѣры», а дальше ужъ куда итти, все перепробовано! «Это», «оно», — чего вы по имени называть не любите,—только растетъ и растетъ. Настоящая гидра! И нѣтъ у тебя, у Геркулеса, головни, чтобы «усѣченныя» шеи прижечь. Мечъ есть, а головни нѣтъ. Мечъ есть, но онъ недѣйствителенъ. А огня нѣтъ!.. Третій персонажъ, — это центръ, «общество», нѣчто среднее, которое ты уповаешь прельстить и своимъ сдѣлать. Манджурія, на которой японцы съ русскими дерутся. Японцы побѣдятъ, японцы манджура отколотятъ: «Зачѣмъ русскимъ припасы давалъ». Русскіе побѣдятъ, русскіе взбучку дадутъ: «Зачѣмъ японцу помогалъ!» А то и такъ случится: въ одинъ день японцы при-

дутъ, потомъ русскіе ихъ прогонятъ, потомъ опять японцы, потомъ снова русскіе, потомъ снова-здорово японцы. И каждый и каждый разъ непремѣнно поколотитъ! Русскіе въ японцевъ, японцы въ русскихъ палятъ, а у манджура надъ головой и тѣ и другія пули летаютъ. Хорошо еще, если только надъ головой... Центръ, «общество», нѣчто среднее, обыватель,—ему, собственно, какъ манджуру, до вашей войны дѣла нѣтъ. Ему изо всѣхъ «свободъ» развѣ одна,—свобода печати,—нужна. Онъ и будетъ утѣшаться: «Все-таки есть правда на свѣтѣ! Въ газетахъ пропечатать можно!» А режимъ какой хочешь вводи! Но чтобъ этотъ режимъ ругать можно было. Привыкъ русскій обыватель къ двумъ вещамъ: терпѣть и ругаться. Это и есть его истинныя «историческія основы». Съ него участковый пускай десять рублей беретъ,—но чтобъ онъ могъ за это участковаго въ газетахъ на сорокъ рублей выругать. Онъ и утѣшится: «Вотъ она и выходитъ правда-то наружу». И будетъ его, обывателево, «долгоденственное и мирное житіе» даже и относительно счастливымъ. Я въ одной изъ прогрессивнѣйшихъ газетъ, въ дни «величайшихъ свободъ», письмо въ редакцію читалъ. Обыватель пишетъ: «Спѣшу, въ виду наступившей, слава Богу, наконецъ-то, свободы слова огласить: и меня околоточный надзиратель на улицѣ такого-то числа ни за что ни про что по уху ударилъ. А въ участокъ пошелъ,—въ участкѣ никакого вниманія не обратили!» Радость въ письмѣ! «Ура» слышится! Тонъ этакій, «вотъ, молъ, времена какія настали! Раньше меня били,—никто не зналъ. Теперь дуютъ,—всѣ знать будутъ!» Слава Тебѣ, Господи! «Дожили до подсвѣчниковъ!» какъ покойный Качъ въ объявленіяхъ писалъ. Ежели не до самаго свѣта, то до подсвѣчниковъ!.. Вы войну ведете! А этотъ «средній», «центръ», «обыватель», натурально, мечется: «Кто побѣдитъ? Кто бить будетъ?» Къ «нимъ» метнется, — они его отъ себя бомбой. «45 человѣкъ одной бомбой разорвало». Онъ въ ужасѣ отъ нихъ къ вамъ. Вы его отъ себя... «22 человѣка въ одинъ день разстрѣляно». Онъ и отъ васъ въ ужасѣ! Какъ барыня въ Монте-Карло. На «красное» поставитъ или на «черное»? Шарикъ вер-

тится. Сейчасъ ея судьба рѣшится. Она голову потеряла. И на красное ставитъ и на черное, — выходитъ ноль. У нея полставки и потянули! «Всегда проиграешь»... Центръ! Покатая площадь. Непремѣнно вправо или влѣво наклонится,—глядя по тому, кто побѣдитъ. Манджурія! Или японскіе, или русскіе флаги вывѣсить! У нея, на всякій случай, и тѣ и другіе сшиты. Да и таетъ онъ, центръ-то! Мучительно все время въ «страдательномъ залогѣ» быть. Таетъ, уменьшается, на ту, на другую сторону рѣшительно переходитъ. Лучше сражаться, чѣмъ въ сраженіи празднымъ наблюдателемъ быть: когда меня убьютъ? Зыбучая почва! А ты на ней строиться! Лукавая штука — тотъ центръ, который центромъ и останется. Уменъ онъ, обиходнымъ,—вотъ «реальнымъ»-то,—умомъ уменъ, чтобъ къ комунибудь «до окончанія дѣла примкнуть». Подождетъ онъ рѣшительной минуты, когда побѣда на чью-нибудь сторону переходить станетъ. И тогда на сторону побѣдителя и хлынетъ, равновѣсіе опрокинетъ и окончательную побѣду дастъ. И тогда!.. Ты помнишь, въ газетахъ было... Въ декабрьскіе дни на Прѣснѣ, какой-то «колоніальный торговецъ» на баррикаду прошеніе подалъ. Такъ по формѣ и отписалъ: «Временному революціонному правительству. Имѣю честь покорнѣйше просить разрѣшить мнѣ провезти для надобностей моей лавочки черезъ баррикаду бочку керосина». А потомъ онъ, небось, у генералъ-губернаторскаго чиновника въ ногахъ валялся и за ту же бочку керосина вознагражденія требовалъ: «Революціонеры, подлецы, разорили!» Революціонеровъ указать? Да сколько вамъ угодно. Вотъ онъ центръ-то! Признающій одну власть,—побѣдителя. Одинъ «принципъ»,—побѣду. Побѣдилъ,—значитъ, правъ. «Стало-быть, съ умомъ шелъ, ежели побѣды добился! А ты куды лѣзъ, ежели въ тебѣ силенки нѣтъ? А! Ты за принципы? А мнѣ убытковъ надѣлалъ?!» А за какіе принципы «наказать»,—ему все равно. Гильотины или висѣлицы, — онъ одинаково воздвигнетъ. Страшенъ человѣкъ, когда много боялся. Изъ «центра» выходятъ палачи. Центръ — это чтобъ докончить побѣду. Вспомни французскую революцію, благо вы эту похоронную книгу вездѣ ты-

чете. Кто здоровѣе всѣхъ и роялистамъ и республиканцамъ «смерть» оралъ? Глядя по тому, кто побѣждалъ? Мелкія торговки съ парижскаго рынка. Мелкая, да еще торговка,—не торговецъ, а торговка даже,—что можетъ быть центральнѣе? А ты на этой землѣ строиться хочешь? Да еще передъ сраженіемъ! Послѣ,—да. Побѣди,—и стройся. Я самъ...

Ермолай Никифоровичъ улыбнулся.

— Мнѣ всѣ эти обстоятельства теперешнія съ десятокъ тысячъ убытку надѣлали. Не такъ денегъ жаль... сумма плевая, на другомъ, благодаря тѣмъ же обстоятельствамъ, больше заработали... а зло! Мнѣ бы очинно хотѣлось за эти десять тысячъ кого-нибудь вздернуть. Очень! Кого? Все равно. Побѣжденнаго. «Ты чего жъ это силъ своихъ не сообразилъ, фордыбачилъ, сразу не сдавался? А? Ошибку давалъ? А мнѣ изъ-за твоей ошибки убытки терпѣть? Полѣзай!» Зло бы сорвалъ. Такъ-то!

Александру Ивановичу подали телеграмму.

У него замѣтно дрожали руки, когда онъ ее распечатывалъ.

XXX.

Александръ Ивановичъ утромъ телеграфировалъ въ Москву бывшему союзнику по партіи.

Заклиналъ забыть всѣ прошлыя размолвки, «какъ бы велики онѣ ни были».

— «Самое большое, все-таки: счастье Россіи. Въ служеньѣ этому между нами разногласія нѣтъ».

Умолялъ не помочь:

— Нѣтъ. Воспользоваться мною, какъ случаемъ, чтобы общественный элементъ проникъ въ правительство. Прійти. Положить фундаментъ.

Заклиналъ:

— «Не отталкивать протянутой руки».

Отвѣтъ изъ Москвы гласилъ:

«Жалѣю. Невозможно. На вашъ призывъ къ моимъ гражданскимъ чувствамъ отвѣчу: «Намъ съ вами памятника «Минину и

Пожарскому» не поставятъ. Никакого соглашенія между нами быть не можетъ».

Александръ Ивановичъ скомкалъ телеграмму:

— Всѣ вы!.. Петербургъ изжульничался, Москва обтеатралилась, мелодрамы играетъ! Вы всѣ въ провинціи съ ума сошли!

— Плохо, братъ, «пишутъ изъ деревни»?—подмигнулъ Евдокимовъ.

Александръ Ивановичъ бросилъ телеграмму въ особый ящикъ, къ тридцати другимъ, и расхохотался.

Нервнымъ, чуть не истерическимъ смѣхомъ.

— Чего ты?

— Вспомнилъ! Разсказъ одинъ вспомнилъ! Раскольникъ умиралъ. Докторъ ему чашку съ лѣкарствомъ протянулъ: «Выпей. Въ одинъ духъ все пройдетъ». Раскольникъ посмотрѣлъ: «Изъ поганой-то посуды». И умеръ. Это изъ московской жизни! А вотъ изъ петербургской. Барыня,—при крѣпостномъ правѣ,—тонула. Ледъ треснулъ, тронулся. Вотъ-вотъ барыня въ воду ахнетъ. Человѣкъ ей, выѣздной ея, съ твердой льдины руку подаетъ: «Вылѣзайте изъ возка, вылѣзайте, барыня!» А она ему: «Перчатку надѣнь! Перчатку, когда руку подаешь, невѣжа!»

Александръ Ивановичъ посмотрѣлъ на Евдокимова:

— Хочешь министромъ быть?

— То-есть... какъ это?

— Такъ. Министромъ. Серьезно говорю. Шесть портфелей! На выборъ! Тебя къ чему больше тянетъ? Можетъ-быть, съ земледѣліемъ желаешь познакомиться? Или занимательное чтеніе любишь? Тогда по дипломатической части, въ шифрованныхъ телеграммахъ «тайны мадридскаго двора» будешь читать! Можетъ, справедливость на землѣ водворить хочешь? Или порядокъ? Я, пожалуй, и внутреннія дѣла уступлю. Только это должность больше дамская. Для дамы. Тутъ «страшные романы» все въ бумагахъ. Съ заговорщиками, таинственными побѣгами, геніальными сыщиками! Бери! Потомъ самъ жалѣть будешь! Случай единственный! Господи! Любопытства даже въ Россіи ни у кого нѣтъ!

Онъ говорилъ нервно, не въ себѣ.

Ермолай Никифоровичъ покачалъ головой:

— Эхъ, какъ ты опетербуржился. О Россіи съ какимъ пренебреженіемъ. Чуть не собакамъ ее бросить готовъ!

Александръ Ивановичъ вспыхнулъ:

— Это ты не ври! Какая это Россія? А Россію я люблю! Не любилъ бы, не былъ бы здѣсь.

Ермолай Никифоровичъ улыбнулся:

— Ты-то ее любишь, да она-то не хочетъ, чтобы ее такъ любили. Купецъ у насъ одинъ въ городѣ женился. Пожилой. Жена не Богъ вѣсть что, — четыре класса гимназіи кончила. Но все-таки «листричество» ужъ не говоритъ и для удовольствія не въ баню, а въ театръ ходить желаетъ. Онъ ее смертнымъ боемъ, а она отъ него. Родные вступились: «Брось!» — «Какъ же, говоритъ, я ее брошу, ежели я ее люблю. И чего ей, такой-сякой, надоть? Платья—шкапы ломятся, серегъ, браслетовъ, колецъ,—пальцевъ нехватаетъ! Этакого мужа поищи. Должна она понять, люблю я ее или нѣтъ?» Къ ней сунулись: «Любитъ вѣдь! По-своему. Но любитъ».—«Мало ли что, говоритъ, онъ любитъ, да мнѣ-то такой любви не надо!» Вы-то всѣ любите,—да страна, вишь, такой любви не желаетъ! Вонъ оно дѣло какое!

Ермолай Никифоровичъ помолчалъ и, смѣнивъ шутливый на дѣловой тонъ, сказалъ:

— Ну, эти антимоніи въ сторону! Твое дѣло, — ты своимъ государственнымъ умомъ и разбирайся. Залѣзъ въ кузовъ,—свое грибное достоинство и соблюдай. Такъ уставъ какъ же? Утверждаешь?

— А про уставъ общества повторю то же, что уже вначалѣ сказалъ...

Александръ Ивановичъ подалъ Евдокимову толстую тетрадь, въ листъ.

— Проводи установленнымъ порядкомъ.

— Чудакъ человѣкъ! — воскликнулъ Ермолай Никифоровичъ. — Ну, какъ съ тобой серьезно разговаривать? Какимъ же

установленнымъ порядкомъ, ежели у васъ въ Петербургѣ все есть, акромя министровъ! Слезы изъ швейцарскаго сыра въ Милютиныхъ лавкахъ за пять рублей цѣлую рюмку дадутъ. Свѣжихъ огурцовъ въ декабрѣ, — пожалуйте! — «И клубника есть?»—«Сколько угодно!»—«А министры у васъ есть?»—«Всѣ вышли!»

— Подожди!

— Это генералъ Куропаткинъ намъ тоже все командовалъ: «Жди». Дождались!.. А ты вотъ моментомъ-то, что министровъ у тебя нѣтъ, и воспользуйся. Торговлѣ-промышленности облегченіе и сдѣлай. Взялъ бы подписалъ. По крайней мѣрѣ, хоть какой-нибудь «актъ» послѣ себя оставишь. Память!

— Да вѣдь это же наглость!

— Что? Что я пользу отъ этого дѣла получу? Извѣстно, получу. Собака безъ пользы хвостомъ не машетъ! А земли въ Сибири гуляютъ. Дѣло огромнѣйшее! Государственной величины дѣло. Большую пользу приносить можетъ.

— Это же наглость! Васъ на помощь зовешь, на помощь! А вы? Грабить?.. Въ такой моментъ!

— Моментомъ-то и хотимъ воспользоваться! Реалисты!

— Какъ съ пожара!

— Замололъ! Ораторъ!

Ермолай Никифоровичъ посмотрѣлъ на уставъ:

— Такъ какъ же?

— Иди установленнымъ порядкомъ.

— Заладилъ. Вотъ тѣ и реальная политика! А ты намъ интересъ отъ реальной политики покажи! Заинтересуй въ ней. Попробовать дай! Чтобы мы вкусъ къ ней почувствовали. Мы тебѣ тогда и поможемъ! Докажи реально!

Онъ снова пододвинулъ уставъ.

— Иди установленнымъ порядкомъ!—отодвинулъ Александръ Ивановичъ уставъ.

— «Установленнымъ порядкомъ!» Ты не только что министръ! Выше! Ты — начальникъ отдѣленія! Экъ они, какъ живо тебя въ Питерѣ обкургузили. За Петербургъ на меня накинулся,

Россію запрезиралъ, живому, реальному дѣлу бюрократическія рогатки ставишь. И съ лица даже, какъ они, сѣрый сталъ и вокругъ глазъ желто!

Ермолай Никифоровичъ со вздохомъ положилъ уставъ въ карманъ.

— Тебѣ бы, ваше высокопревосходительство, куды-нибудь на кислыя воды поѣхать!

Онъ подалъ свою огромную пухлую руку:

— Прощевай! Оставайся ты тутъ!

— Мое почтеніе! Мое почтеніе!

Евдокимовъ пошелъ къ двери и пріостановился на полдорогѣ:

— А можетъ, подпишешь? Даромъ только въ Питеръ вѣдь ѣздилъ. Время терялъ! Думалъ: свой человѣкъ, торговый, дѣловой, реалистъ. А?

— Иди. Иди. Некогда съ тобой. Другія дѣла есть.

— Ну, ну! Дѣлай министровъ! Дѣлай! Не мѣшаю...

И Ермолай Никифоровичъ на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета въ пріемную, чтобы «не ронять передъ ожидавшими престижа купеческаго министра».

XXXI.

Декларація «министерства Гучкова» появилась въ газетѣ «Россія» въ 8 часовъ утра.

А къ одиннадцати по Петербургу ходила уже пародія:

Къ многоуважаемой публикѣ.

Съ переходомъ учрежденія въ новыя руки назначается

на этотъ разъ

окончательная ликвидація

всего старья.

Не реклама, а истинная правда!

Приняты всѣ мѣры къ самому точному, быстрому, аккуратному и — *!!! немедленному !!!* — выполненію всѣхъ новѣйшихъ требованій.

NB. Всѣ обязательства нашихъ предшественниковъ выплачиваются по полтиннику за рубль. NB.

Обратите вниманіе!

По случаю всеобщей забастовки, нами набраны подмастерья, хотя не блещущіе именами, но могущіе потрафлять всегда и во всемъ и, смѣемъ увѣрить, будутъ стараться, подъ непрестаннымъ нашимъ руководствомъ, надъ немедленнымъ исполненіемъ требованій.

Просимъ оказать имъ довѣріе,

которое они не замедлятъ, надѣемся, оправдать передъ почтеннѣйшей публикой.

!!! ОСОБЕННО ВАЖНО !!!

Просимъ всѣхъ прочесть.

Цѣны на человѣческую жизнь нами оставлены прежнія.

Съ почтеніемъ ***А. Гучковъ.***

Петербургъ—балаганилъ, какъ всегда.

XXXII.

Петербургъ, по обыкновенію балаганилъ.

А въ уѣздномъ городѣ Тараканскѣ исправникъ, Николай Ивановичъ Хрѣнниковъ, на собственныхъ именинахъ, взялъ кусокъ чернаго хлѣба, отрѣзалъ корочки, равномѣрно намазалъ на мякишъ сливочнаго масла, слегка посолилъ, тщательно поперчилъ, положилъ нѣсколько кружочковъ испанскаго лука, приготовленнаго въ уксусѣ и прованскомъ маслѣ, покрылъ все тоненькимъ ломтикомъ вестфальской ветчины, опять чуть - чуть поперчилъ, разрѣзалъ бутербродъ на четыре равныя части, налилъ въ одну рюмку аллаша пополамъ съ англійской горькой, въ другую влилъ немножко мятной, немножко померанцевой,

слегка анисовой и дополнилъ простой, выпилъ сначала одну рюмку, закусилъ ее двумя кусочками, потомъ другую рюмку, закусилъ ее двумя кусочками,—и тогда уже, прожевавъ, отвѣтилъ г. Лебедеву, редактору «Новой Тараканской Трибуны», выходившей вмѣсто просто «Тараканской Трибуны», закрытой на все время положенія о чрезвычайной охранѣ:

— А декларацiи г. Гучкова, впредь до письменнаго подтвержденія изъ Петербурга, я вамъ все-таки напечатать не позволю. А напечатаете,—номеръ конфискую!

— Министръ пишетъ, а вы зачеркиваете?

— Да!—подтвердилъ Николай Ивановичъ.—Министръ пишетъ, а исправникъ зачеркиваетъ. Можете по этому поводу: «Милуетъ царь, да не жалуетъ псарь», или какую другую либеральную поговорку припомнить. Мнѣ это все равно.

— Но вѣдь это произволъ!

— Власть!

— Совершенный произволъ. Это что же? Вашъ начальникъ... Неповиновеніе властямъ!

— Я вамъ, конечно, очень признателенъ, что вы меня, дурака, уму-разуму учите, какъ мнѣ свою власть толковать. Но только, позволю себѣ замѣтить, я и самъ не лыкомъ шитъ и въ этомъ смыслѣ кое-что понимаю. При четвертомъ министрѣ-президентѣ держусь. Да раньше нихъ,—при восьми, сударь вы мой, настоящихъ министрахъ служилъ.

— То-есть, какъ же это? То настоящій министръ, а то не настоящій!

— А такъ-съ!

Николай Ивановичъ помолчалъ, досталъ сигару, внимательно раскурилъ и сказалъ:

— Чудно это, господа, что вы полагаете. Я не могу жить свиньей. Я—дворянинъ. Я—офицеръ. Не будь у меня семьи, я, можетъ-быть, по нынѣшнимъ временамъ, полковникомъ... за особо усердную дѣятельность генералъ-майоромъ бы былъ. Но у меня семья, и потому я по полицейской части. Прикрѣпленъ! У меня есть привычки. Я сигару курю въ тридцать копеекъ.

У меня жена. Ей надо въ люди поѣхать, къ себѣ принять. Чтобъ было, въ чемъ,—чтобъ было, чѣмъ! У меня четверо дѣтей...

Брови Николая Ивановича сдвинулись, лицо стало хмуро при этомъ словѣ.

— Четверо теперь... Два сына. Я ихъ правительству же готовлю: въ кадетахъ. Двѣ дочери. Двѣ! Долженъ же я ихъ, господа, за вашихъ же сыновей выдать. Значитъ, приданое дать? И вдругъ мнѣ говорятъ: «Конецъ полицейскому режиму!» Пшелъ, Хрѣнниковъ, вонъ! Кури, Хрѣнниковъ, махорку! Жену отправь на базаръ мочеными яблоками торговать. Сыновей въ жулики, а дочерей отдай въ учительницы!

Сидѣвшій въ гостяхъ учитель тихонько крякнулъ.

— Подумайте! Ну, можетъ ли это быть? И со мной не могутъ такъ поступить, и я не дозволю, чтобы со мной такъ поступили!

Онъ сказалъ это твердо и рѣшительно.

— Привыкли жить при настоящихъ министрахъ. До настоящихъ министровъ опять дослужимся!

— Позвольте, Николай Ивановичъ,—вмѣшался учитель деликатнымъ голосомъ,—какъ можетъ быть министръ не настоящій, разъ онъ назначенъ?

— Нѣтъ власти, аще не отъ Господа!—вздохнулъ соборный протоіерей, закусывая. — Властямъ предержащимъ да повинуйтеся!

— Какіе же такіе бываютъ не настоящіе министры и настоящіе?

— Настоящіе министры?

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на учителя вразумительно.

— Настоящій министръ назначался не въ угоду. А такъ, просто, властью. На то и власть! Взяла и назначила. И былъ онъ министръ отъ вѣка и до вѣка, пока не заболѣлъ. Настоящій министръ въ городъ пріѣзжалъ,—улицы до камней чистили! Въ соборъ ѣхалъ. Какъ побѣдитель! Духовенство его благословляло. Но казалось такъ, что само испрашиваетъ благословенія у его высокопревосходительства. Съ настоящимъ ми-

нистромъ говорить никто не смѣлъ. А не онъ, — извините меня, г. Лебедевъ,—даже передъ газетчиками распинался! За настоящимъ министромъ если что водилось,—молчать было приказано. Молчать! Не казначеишка какой-нибудь! Отвѣтственности не подлежалъ. Это была власть! Настоящая власть! Со всѣми, какъ вы теперь выражаетесь, прерогативами, что ли! На такую власть уповать можно было. И властямъ, ею поставленнымъ, поневолѣ вѣрили. Вѣрили и повиновались! Ибо фордыбачить было безполезно. Настоящій министръ былъ дубъ! Въ смыслѣ крѣпости сравниваю... Не по чему-нибудь назначался,— по родству, по связямъ, по истинной силѣ! У него корни были,—шевельни, подъ всѣмъ Петербургомъ земля заходитъ. Вездѣ корни! А теперешніе, эти, нынѣшніе, завтрашніе, послѣзавтрашніе, какъ блины въ ресторанѣ—«ежедневно свѣжіе»,— что? Преходящее! Смѣняющееся! Какъ дурная погода! Цвѣточки!

— И не будетъ и не познаетъ къ тому мѣста своего!— улыбнулся соборный протоіерей, закусывая.

— Это такъ-съ! «Стороной пронесетъ!» Какъ лѣтомъ дождикъ! И не могу я повѣрить-съ, чтобъ г. Гучковъ или тамъ другой кто въ этомъ родѣ былъ всерьезъ, настоящимъ министромъ. По вѣрѣ моей не могу повѣрить! Вотъ какъ батюшка,—не можетъ онъ страннику какому-нибудь повѣрить, будто тотъ пророкъ, и ему все писаніе открыто!

— Не повѣрю. Малодушіе!—подтвердилъ протоіерей, утираясь салфеткой.— И ни съ чѣмъ не сообразно, къ тому же! Въ писаніи сказано: придутъ многіе лжеволхвы...

— Государство есть нѣчто вѣчное. И власть есть вѣчная. И, въ вѣчное вѣруя, не могу временному, преходящему увѣровать. Ни поддаться! Такъ это, поблажка... Минуетъ время, и ничего «этого» не будетъ. «Стороной пройдетъ!» Мы, люди на мѣстахъ, завѣтъ незабвеннаго Дмитрія Ѳедоровича помнимъ!..

— Документъ имѣете?—освѣдомился батюшка.—Циркуляръ былъ?

— Письменнаго документа не было. Но истинный, но въ душѣ служащій,—и безъ письменнаго подтвержденія понимать

долженъ. Улавливать! Сродствомъ души постигать! Нашъ человѣкъ былъ. Сынъ градоначальника, самъ оберъ-полицмейстеръ. Урожденный нашъ. «Рыбакъ рыбака»... И мы поняли. Его вотъ мы, господа писатели, подъ конецъ жизни либераломъ прославили. Смѣху подобно! А мы вотъ... неученые люди, а лучше васъ поняли. И въ первый разъ, когда объ амнистіи этой самой рѣчь зашла,—поняли. «Полную, Дмитрій Ѳедоровичъ говоритъ, дать полную!» И когда объ автономіи пресловутой университетской рѣчь зашла, — и тогда поняли. «Дать, говоритъ, автономію, ежели желаютъ!» И когда о министерствѣ рѣчь зашла,—и тогда подтвержденіе нашему пониманію получили. «Кадетскаго, говоритъ, желаютъ! Дать имъ кадетское!» Понятно?

— Что жъ тутъ понимать? Очень либерально!—замѣтилъ кто-то изъ гостей.

— По-вашему либерально, а по нашему общепонятно! Это, какъ въ стихахъ какого-то подпольнаго поэта,—при обыскѣ какъ-то отобралъ,—говорится:

„Лишь надобно народу
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать!“

— Это, правда, цензурой не разрѣшенное... но не подпольнаго поэта, а Алексѣя Толстого стихотвореніе!—запротестовалъ учитель.

— Графъ былъ!—добавилъ протоіерей.

— Да? Знаете?—Исправникъ посмотрѣлъ на учителя и сухо добавилъ:—Для насъ, батенька, всякій, кто стихами пишетъ,—крамольникъ. Пиши какъ слѣдуетъ.

И онъ продолжалъ, и въ голосѣ его слышалась иронія:

— Свободы желаете? Сдѣлайте одолженіе. Показать имъ, что такое свобода! Пусть видятъ. Это, знаете, какъ у меня на базарѣ. Вы моего старшаго городового Мастерицына знаете? Взвыли на него бабы: такой-то онъ, сякой-то. И то-то беретъ и это-то! Строчилы кабацкіе имъ жалобы пишутъ. Въ день по десятку получаю, въ передней у меня бабы ревутъ. «Моченьки

нѣтъ! Ослобони ихъ отъ Мастерицына». Позвалъ! Въ глаза ему гляжу, онъ мнѣ въ глаза глядитъ. Какъ собака на охотѣ безъ словъ хозяйскую мысль въ глазахъ читаетъ. Впилась! «Что, говорю, Мастерицынъ? Вотъ ты бабъ на базарѣ отъ воровъ ограждаешь?» — «Ограждаю, говоритъ, такъ точно, ваше высокобродіе! Въ томъ моя обязанность!»—«А вотъ бабы тобой недовольны! И такой ты и этакій! А не будетъ тебя, я думаю, воры узнаютъ. «Можно теперь!» скажутъ. На базаръ нахлынутъ!» Понимаетъ, умный песъ! «Такъ точно, говоритъ, ваше высокобродіе, безпремѣнно воры нахлынутъ!»—«Ну, что жъ, говорю, Мастерицынъ, это ужъ бабье дѣло. Бабамъ лучше знать, что имъ лучше, что имъ хуже! Я тебя, Мастерицынъ, на плохой участокъ переведу. Будешь жить, Мастерицынъ, въ бѣдности!»—«Есть, говоритъ, на все воля ваша, ваше выскобродіе. Служили на хорошемъ, послужимъ и на плохомъ. Жили богато, поживемъ и бѣдно. Какъ вашей начальнической милости будетъ угодно. Мы же на все согласны!» Перевелъ. Трехъ дней не прошло,—бабы воемъ взвыли: «Верните намъ Мастерицына. Безъ него жулье какъ изъ прорвы. Житья нѣтъ». Въ ногахъ валяются: «При Мастерицынѣ было куды жъ!» Далъ имъ еще три дня повыть, и Мастерицына имъ назадъ водворилъ. И ужъ навсегда!

Николай Ивановичъ даже погрозилъ пальцемъ.

— Примѣръ маленькій. Но въ стройномъ государствѣ, и въ большомъ и въ маломъ, политика должна быть одна. Понюхайте, понюхайте свободы! Понюхайте, понюхайте министерствъ! Исправника попросите!

— Не вкусивши горькаго, не захочешь сладкаго!—вздохнулъ батюшка.

— Заграницы разныя, которыя деньги даютъ и на проценты живутъ,—вообще республики... Стыдно имъ однѣмъ на свободѣ-то ходить, какъ гулящимъ! Тоже вой подняли: «Скорѣй свободу дать». Денегъ безъ этого не даютъ! Скажите! «Они, молъ, созрѣли. Чего вы ихъ подъ опекой держите?» Созрѣли? Свободу? Дать имъ свободу! Пущай покажутъ, какъ созрѣли! Годъ свободы прошелъ. Разбой по всей землѣ! Вотъ тебѣ и свободы.

«Видите, миленькіе, какъ они созрѣли?» Вотъ какъ, судари вы мои, настоящіе-то государственные умы полагаютъ. И какъ мы на мѣстѣ безмолвно понимать должны. Не настоящее! А вотъ не настоящаго-то вы покушаете, такъ настоящаго вотъ какъ запросите. Какъ бабы съ базара завоете: «Верните намъ опять Мастерицына». Васъ учатъ! Эхъ... вы!

— Вы ошибаетесь!

Николай Ивановичъ презрительно пожалъ плечами.

— Единъ Богъ безъ грѣха!—сказалъ соборный батюшка и добавилъ:

— И безъ ошибки!

XXXIII.

Споръ становился горячимъ и всеобщимъ.

— Вѣдь это жъ анархія?

— Борьба за власть.

— Съ чьей стороны борьба? Съ чьей?

— Съ нашей. Кто ее имѣетъ! Съ «бюрократической», съ «полицейской», какъ вы тамъ ее еще называете. Зовите какъ хотите! Но съ настоящей! Кому она принадлежала! Кто въ ней выросъ! Всякій хозяинъ за свое добро борется! Вотъ еще! Я привыкъ! И ежели у меня какая-нибудь стриженая дочь, мое же отродье...

Николай Ивановичъ закусилъ губу, и снова лицо его стало хмуро.

И всѣ замолкли.

— Но, однако,—заговорилъ послѣ неловкой паузы редакторъ «Трибуны»,—ежели изъ Петербурга идетъ категорическое предписаніе... Вы что же, отдѣльнымъ государствомъ себя, что ли, объявите? Сопротивляться будете?

Николай Ивановичъ улыбнулся, и что-то злобное пробѣжало по его лицу.

— Повиноваться буду! Всю жизнь повиновался, и тутъ повиноваться не перестану.

—Ага! Значитъ, свободы...

Николай Ивановичъ, прищурившись, посмотрѣлъ на говорившаго:

— Да вамъ какихъ, собственно, свободъ надо?

— Четырехъ свободъ!

— Да не угодно ли хоть десять!

— Свободы собраній!

— Собирайтесь!

— Слова!

— Говорите! Хоть бомбы на всемъ народѣ чините! Еще оно лучше, ежели на виду. Мѣры приму! Свободы собраній, слова! Скажите! Да хоть во все горло орите! У меня тутъ одинъ живописецъ вывѣсокъ есть, — вы его знаете. Такую глотку Богъ далъ! На всѣхъ митингахъ! Первѣе его нѣтъ! Развѣ я ему препятствовать стану? Въ свободахъ? Я его позвалъ и прямо сказалъ: «Ты вотъ что, любезный. Ты митинги эти свои собирай и говори на нихъ, что тебѣ угодно. Хоть меня ругай! Тебѣ за это, вотъ мое слово, ничего не будетъ! Право имѣешь! Свобода. Но только: ты на митингъ, а я въ мастерскую. Ты рѣчь, а я протоколъ. За одно употребленіе свинцовыхъ бѣлилъ, какъ вредныхъ для здоровья, безъ сапогъ пойдешь. Понялъ?» — «Закону, говоритъ, такого нѣтъ. Безъ свинцовыхъ бѣлилъ невозможно».—«Закону, говорю, нѣту, а положеніе о чрезвычайной охранѣ есть! И по нему весьма возможно. До трехсотъ рублей, или,—несостоятеленъ?—до мѣсяца на высидку постановлю. Заплати и разбирай потомъ: правильно? Отсиди и хлопочи потомъ: законно? Или живопись, или политика. А тамъ дѣло твое: митинги собирай,—не препятствую!» Мѣдникъ тоже одинъ былъ. Ораторъ! Самъ его слушалъ: отлично говоритъ. Адвокатъ! Съ этимъ я, конечно, и говорить лично вниманія не взялъ. Такъ, по мастерамъ далъ знать: гдѣ въ мастерской «адвокатъ» на работу станетъ,—сейчасъ на ту мастерскую протоколъ за антисанитарное содержаніе. Слова ему по поводу рѣчей не сказалъ! Двухъ мѣсяцевъ не прошло,— «адвокатъ» изъ города уѣхалъ. Работы нигдѣ. А то стану я свободамъ мѣшать! Вамъ свободы печати?—повернулся онъ къ

редактору «Трибуны».—Печатайте что вамъ угодно! Развѣ я препятствую? Господи! Я только, въ виду явившихся у меня сомнѣній, номеръ конфискую. Нынче конфискую и завтра и послѣзавтра. На усмотрѣніе! Пусть судебная палата, въ губерніи, рѣшитъ запретить номеръ или выпустить. А вы газету гг. подписчикамъ чрезъ два мѣсяца и разсылайте. Очень будутъ признательны!

— Но это жъ произволъ!

— Власть!

— Произволъ!

— Власть!

— Произволъ!

— А, зовите какъ хотите. Вообще сила!

— Но гдѣ же право?

— Права бунтовать никому не дадено!

— Этакимъ манеромъ, дѣйствительно, что прогрессъ задержаться можетъ! — сокрушенно замѣтилъ батюшка.

— Прогрессъ есть вещь медленная!

И отъ спора, и отъ волненія, и отъ выпиваемыхъ смѣсей Николай Ивановичъ пьянѣлъ.

— Вы видѣли, чѣмъ я водку закусывалъ? — спросилъ онъ, оглядѣвъ всѣхъ маслянистыми и слегка блаженными глазами.— Что это такое было? Прогрессъ! Мой папенька, царство ему небесное, только до губернскаго города доѣзжалъ. И всего на все карпа оттуда съ черносливомъ вывезъ. У Маріани тамъ въ гостиницѣ готовили. Очень модное блюдо считалось. А я, его сынокъ, въ столичномъ городѣ Москвѣ ѣсть учился. Захожу въ «Эрмитажъ» Оливье. Чертогъ-съ! Одна лѣстница! Шествіе по ней изъ балета устраивать! Залъ! Для ассамблей залъ. Метръ-д'отели идутъ,— дорогу даешь. Думаешь: коммерціи совѣтники! Сижу и съ благоговѣніемъ взираю. Шутка? Вѣдь здѣсь половина выкупныхъ платежей проѣдена! Захотѣлъ свидѣтельскія показанія по этому дѣлу выслушать. Очевидцевъ допросить. Какъ это могло? Кивнулъ полового: «Вызвать ко мнѣ Оливье!» — «Извините, говоритъ, они померли». — «Кто,

спрашиваю, изъ свидѣтелей того времени живъ?»—«Маріусъ, говорятъ, господинъ». Старикъ Маріусъ еще живъ былъ. Распорядитель. Приходитъ старикъ, смѣется. «Желаю,—говорю,—произвести дознаніе: какъ это происходило? Полъ-Россіи въ трактирѣ было съѣдено?» И допросилъ: «Что ѣли? Чему были свидѣтелемъ и... хе-хе!.. пособникомъ и подстрекателемъ?» Тутъ онъ мнѣ, среди прочихъ блюдъ, сей бутербродъ и открылъ. «Вотъ, молъ, чѣмъ закусывали! Возьми хлѣба, испанскаго лука, сливочнаго масла лучшаго, вестфальской ветчины безъ жилы и безъ жира...» Вы видѣли, чтобъ такъ водку закусывали? Нѣтъ? А теперь видѣли! И знаете! И сами въ другой разъ закусывать станете и другихъ этому закусону научите. Такъ знаніе и распространяется!

Онъ закончилъ наставительно:

— Мирно трудись, а мы тебѣ, какъ наилучше использовать плоды мирнаго труда, покажемъ. На этомъ и дворянство и власть. Значитъ, и все! Въ этомъ и прогрессъ!

— А турнутъ?—спросилъ вдругъ незамѣтно какъ напившійся письмоводитель.

— А погромъ? Все жулье въ городѣ знаю. Такой свободой воспользуются,—обыватели сами осаднаго положенія запросятъ.

Николай Ивановичъ съ гадливостью посмотрѣлъ на письмоводителя строго:

— Ты бы, свинья, спать пошелъ! Боишься, чтобъ не турнули, а самъ дерзишь! Гадъ!

XXXIV.

Къ концу вечера Хрѣнниковъ опьянѣлъ окончательно.

Глаза у него были красны.

Онъ вопилъ:

— И буду бороться! Безъ пощады бороться буду! Гдѣ бы ни встрѣтилъ! У меня семья! Въ семьѣ бороться буду! Дочь... Людмила Хрѣнникова... Анархистка!.. За студентишкой бѣжала!.. За ораторомъ!.. Нелегальная... Дочь!.. Людмила Хрѣн*никова*! И вдругъ! На скамьѣ подсудимыхъ! За государственное

преступленіе! На что обута, на что одѣта, на что вскормлена, вспоена, тварь? На что грамотна стала? И отъ всего... На отцовскую жизнь плюнула!.. Отъ всего отреклась! «Грязь, говоритъ, стыдно мнѣ...» Отцовскаго всего стыдно. На колѣнкахъ у меня сидѣла, дѣвочкой ее качалъ, бѣлокурая была... и всего стыдно! Все грязь! И колѣни отцовскія — грязь! «Искуплю!» говоритъ. Что «искуплю-то»? — «Что я — Хрѣнникова!» Имя, свое, отцовское, материнское, братьевъ, сестеръ, мерзко! Подложное, по фальшивому паспорту, бродяжеское,—и то лучше!..

Онъ плакалъ.

— Перестань! Перестань! — со слезами, трясясь головой, уговаривала его жена.— Чужіе... передъ чужими...

— Изловить мнѣ ее! — вопилъ Николай Ивановичъ.— Своими руками задушу! Вотъ этими руками! Я—отецъ, у меня четверо дѣтей: дочь родную задушу! Смотрите! Вотъ до чего преданъ! Дочь! Меня... усердіе... усердіе... увидятъ... ревностное исполненіе... меня генералъ... генералъ... губернаторомъ сдѣлаютъ... Римлянинъ!

Онъ засыпалъ.

Гости потихоньку расходились.

XXXV.

Въ «Figaro» появилась статья:

— Русскія дѣла.

За подписью: «Иванъ».

(*Отъ нашего корреспондента*).

Петербургъ (такого-то числа).

«Министерскій кризисъ благополучно окончился, и Россія вступила,—на этотъ разъ, надѣемся, окончательно, —на путь мирнаго прогресса и процвѣтанія. Извѣстіе, которое, конечно, можетъ только порадовать многочисленныхъ держателей русскихъ бумагъ.

«Вступленіе г. Гучкова (о смерти котораго отъ бомбъ за послѣднее время неоднократно сообщали наши коллеги) на постъ министра-президента, несомнѣнно,—крупнѣйшее событіе на послѣднихъ страницахъ русской исторіи.

«Передъ нами человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и незаурядныхъ достоинствъ, какія не часто встрѣчаются въ людяхъ. Г. Гучковъ пользуется полнымъ довѣріемъ (онъ милліонеръ!). Искренній другъ свободы,—онъ сражался за буровъ. Обладаетъ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ,—стоялъ во главѣ санитарнаго отряда во время послѣдней войны. Но въ то же время истинный другъ порядка,—онъ занимался искорененіемъ въ Китаѣ разбоевъ. И недюжинной энергіи: г. Гучковъ объѣхалъ весь свѣтъ.

«Министерская декларація г. Гучкова произвела самое лучшее впечатлѣніе, и мы можемъ съ удовольствіемъ констатировать, что въ г. Гучкова вѣритъ вся страна! Русскіе поздравляютъ себя съ такимъ пріобрѣтеніемъ, какъ г. Гучковъ.

«Несомнѣнно, что, опираясь на такую всеобщую поддержку, симпатичному г. Гучкову ничего не будетъ стоить освободить жаждущую покоя страну отъ анархистовъ, предводимыхъ гг. Шиповымъ, Стаховичемъ, Долгоруковыми, Гейденомъ, Трубецкимъ, Урусовымъ»...

Корреспондентъ написалъ:

— Князьями Долгоруковыми, графомъ Гейденомъ, княземъ Трубецкимъ, княземъ Урусовымъ.

Даже:

— Княземъ Шиповымъ и графомъ Стаховичемъ.

Но редакторъ задумался:

- Что это у нихъ,—что ни анархистъ, то князь или графъ?

И титулы вычеркнулъ.

«Гучковъ теперь самое популярное имя въ Россіи.

«Составленный имъ кабинетъ не блещетъ извѣстностями. Но это-то и обезпечиваетъ ему полное довѣріе: въ немъ нѣтъ говоруновъ, составившихъ себѣ громкую славу на митингахъ! Это скромные дѣятели, не гнавшіеся за дешевыми лаврами и работавшіе, избѣгая быть замѣченными. Самая скромность ихъ именъ производитъ чрезвычайно выгодное впечатлѣніе. Русскіе любятъ скромность.

«Къ тому же ни одинъ актъ, ни одно мельчайшее распоряженіе ни по одному изъ министерствъ не проходитъ безъ санк-

ціи министра-президента. Г. Гучковъ работаетъ вездѣ самъ, вездѣ поспѣвая лично, съ семи часовъ утра часто до поздней ночи.

«Энергія его поразительна. И могла бы вызвать извѣстнаго рода безпокойство у людей, заинтересованныхъ русскими дѣлами. Но мы можемъ подтвердить, что г. Гучковъ обладаетъ несокрушимымъ здоровьемъ.

«Оставивъ вокругъ себя весь административный антуражъ изъ лицъ, опытныхъ въ государственныхъ дѣлахъ, г. Гучковъ можетъ быть увѣренъ въ ихъ полномъ и драгоцѣнномъ содѣйствіи.

«Являлось еще опасеніе: какъ отнесутся къ этому первому министру-президенту изъ общественныхъ дѣятелей—чины провинціальной администраціи. Но привлеченіемъ — законъ даетъ ему на это право,—городскихъ муниципалитетовъ къ увеличенію издержекъ на полицію г. Гучковъ привлечетъ къ себѣ, несомнѣнно, сердца и всей полиціи въ странѣ. А полиція въ Россіи—все.

«Крупный фабрикантъ самъ (его обожаютъ рабочіе!), онъ практически знаетъ рабочій вопросъ. А что касается до нѣкоторыхъ, дѣйствительно существующихъ въ странѣ мѣстныхъ аграрныхъ споровъ и недоразумѣній, то г. Гучковымъ на этотъ счетъ будутъ приняты рѣшительныя мѣры. Здѣсь всѣ увѣрены, что хотя и темный, но одаренный все-таки, какъ выражаются въ Россіи, «здравымъ смысломъ» (нѣчто въ родѣ того, что у насъ называется: «умъ»), отлично выражаемымъ пословицей: «Мой домъ съ краю, ничего не знаю» — русскій народъ въ самомъ непродолжительномъ времени, со свойственнымъ ему историческимъ терпѣніемъ, вновь примется за свой полезный и производительный трудъ.

«Какую колоссальную опасность для дѣла революціи представляетъ г. Гучковъ,— показали сами анархисты. Они сразу поняли, что съ появленіемъ у власти г. Гучкова ихъ дѣло проиграно сразу и безповоротно и что въ Россіи теперь должно наступить спокойствіе и процвѣтаніе. Г. Гучковъ удостоился съ ихъ стороны «чести», неслыханной даже для русскаго министра: на него, какъ извѣстно, было произведено покушеніе въ первый же день, въ первый же часъ его вступленія во власть!

«Все это еще болѣе должно убѣдить держателей русскихъ бумагъ, что съ появленіемъ у кормила правленія г. Гучкова волненіе вокругъ государственнаго корабля сразу стихнетъ, и Россія спокойно и прямо пойдетъ въ гавань благоденствія. Кредитъ ея за границей, несомнѣнно, быстро поднимется, что дастъ правительству значительную свободу въ финансовыхъ операціяхъ и проведеніи реформъ, которыя, какъ и война, прежде всего требуютъ трехъ вещей:

— «Денегъ, денегъ и денегъ!

«Пожелаемъ же,— и мы увѣрены, что къ этому пожеланію присоединятся всѣ заинтересованные въ русскихъ дѣлахъ,— а гдѣ ихъ, этихъ заинтересованныхъ, нѣтъ? — пожелаемъ г. Гучкову выполнить задачу,— въ блестящемъ выполненіи которой, можемъ это засвидѣтельствовать, впрочемъ, никто въ Россіи не сомнѣвается...»

XXXVI.

Въ деревнѣ было тихо.

Говорили:

— Это игдѣ горить?

— Надоть быть, у Петлугина барина!

— Ври! Петлугины, чай, не въ той сторонѣ!

— Ну, значитъ, Черемшевы хутора!

И расходились по избамъ.

ЭПИЛОГЪ.

Черезъ два мѣсяца въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось:

— Министръ-президентъ А. И. Гучковъ увольняется отъ должности, вслѣдствіе прошенія, по болѣзни.

Черезъ два дня телефонъ изъ Петербурга увѣдомилъ:

— Бывшій министръ-президентъ А. И. Гучковъ для поправленія здоровья выѣхалъ за границу.

А черезъ мѣсяцъ телеграмма изъ Ниццы сообщила: